

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

**ВСЕМИРНАЯ
ИСТОРИЯ**

**В СВЕТЕ АНТРОПОСОФИИ
КАК ФУНДАМЕНТ ПОЗНАНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА
GA233**

**9 лекции Дорнахе с 24. 12. по 01. 01. 1924 г.
во время собрания по случаю учреждения
Всеобщего Антропософского Общества**

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, Дорнах 24 декабря 1923 г

История души человека в связи с развитием памяти

Прозрение в историю души человека проясняет всемирную историю. Современные представления и воспоминания, чувства, воля и их аналоги у доисторических народов Востока: вместо мыслеобразов - переживание головы, с которым связано переживание всей Земли; вместо чувственных переживаний - переживание пространства собственной груди и сердца, и с этим связано переживание непосредственного окружения Земли и Солнца; вместо индивидуального волеизъявления - переживание подвижности конечностей и связанного с этим отношения Земли к звездному миру. Развитие памяти: локализованная память, привязанная к внешним признакам; происхождение памятников. Ритмическая память, начавшаяся с миграции в Азию; происхождение поэтического искусства. Новейшая временная память, возникшая вместе с греческой культурой. Направление в сторону внутреннего.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ, 25 декабря 1923 г

Уровни сознания и импульсы развития древних народов Азии

Переживание Вселенной в древние времена. Переживание земного окружения как нижней области четырехступенчатого единого в духовном отношении мирового целого. Дневное сознание: сон наяву, преобразующий впечатления мира в имажинации; переживание элементарных духов. Сон: смутное осознание мира третьей иерархии; углубление до мира второй иерархии. Сознание посвященных: предварение современного бодрственного

сознания; чтение и письмо; переживание духовной оставленности; моральность; выравнивание через встречу с существами первой иерархии. Ход внешней истории в беспощадных завоевательных войнах. Заключенный в них импульс к дальнейшему развитию: взаимодействие юных народов со старыми ради обретения сознания и рассудительности с опорой на силы смерти у последних. Изменение ситуации у греков: перевес сил смерти над силами жизни; Троянская война - война страха.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ, 26 декабря 1923 г

Египетско-халдейская эпоха. Гильгамеш и Эбани

Двойственность человеческого "я"-сознания в третью послеплатоническую эпоху: начало погружения из духовно-душевного в эфирно-физическое. Гильгамеш и Эбани. Взаимодействие "древней" завоевательской силы Гильгамеша с "юной" ясновидческой силой Эбани, - также и за чертой смерти. Осознание Гильгамешем всемирно-исторического перехода из внутреннего переживания, а не из принадлежности к азиатским космическим мистериям. Проблема бессмертия. Сознание связи между развитием человечества и развитием Земли. Последний отголосок азиатских космических мистерий в Эфесе; доступность для них эфирного мира. Перевоплощение Гильгамеша и Эбани как учеников Эфесских мистерий; уплотнение прошлых духовно-душевных переживаний в земную мудрость; выработка ясного сознания двойственной природы человека - его принадлежность к земному миру и к высшему духовному миру.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ, 27 декабря 1923 г

Мистерии Гибернии и Эфеса. Александр и Аристотель Помрачение сознания и развитие свободы. Подготовка и посвятельные переживания в мистериях Гибернии: способ вживания в Космос, в действие Солнца и Луны. Путь посвящения в Эфесских мистериях; вживание в мировой эфир через прозрение в существо речи; человеческая речь как отпечаток творческого мирового Логоса. Непосредственный отзвук современной духовности в Эфесе; отпечатки этого в греческой культуре. Аристотель и Александр. "Песнь об Александре" патера Лампрехта. Утрата и судьба многих сочинений Аристотеля. Его поучения ученику Александру о Земле и мировом эфире, об отношении человека к стихиям и родстве человека с Землей. Переживание Александром духовности и географической деятельности стихий; его поход на Восток из побуждений, равно привязанных к природному и моральному.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ, 28 декабря 1923 г

Особое положение мистерий Эфеса. Александр Великий Характер восточных мистерий: присутствие божественно-духовного; переживание связи природного и морального; переживание родства человека и растительного мира, освобождение от животного царства; зависимость откровения от пространства и времени. Характер греческих мистерий: переживание теневых образов божественно-духовного; независимость откровения от пространства и времени; его зависимость от подготовленности и зрелости отдельного человека. Эфес: отзвук непосредственной реальности духа, но уже вне зависимости от пространства и времени. Нисхождение Греции из "божественной" в чисто земную цивилизацию; начало письменной истории, Геродот; Эфес как последний центр духовной направленности. Значение совпадения даты рождения

Александра и поджога Эфеса. Импульс Александра - основание духовного Эфеса. Учреждение академий в Египте и Азии; Александрия. Окончание восточной, воспринимаемой только в имагинациях истории вследствие восхода римского западного мира.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ, 29 декабря 1923 г

Связь между откровениями в древней Азии и современной историей влияния аристотелизма

Переходное время между Александром и Юлианом Отступником. Предшествующая культура - несомая импульсами мистерий; последующая - вытекающая из принципа личности. Связь между разделением мира на страну духов, мир душ и физический мир и классификацией всемирноисторических процессов. Трансформация способности памяти в личностную временную память; письменная история; традиция. Мистерия Голгофы и мистерии Гибернии. Продолжение импульса Аристотеля: через Александра духовное природоведение проникает на Восток, затем, только в средневековье, в ослабленном виде - на Запад; благодаря Теофрасту трактаты по логике достигают Запада. Характер Аристотелевой логики как духовного обучения. Продолжение Аристотелева духовного природоведения в потаенной народной мудрости. Парацельс, Беме и другие. Деграция духовного образования со времен Греции: гимнаст, ритор, доктор. Последние отголоски аристотелизма в XIX веке несут все же возможность присовокупления нового откровения к старому. Пожар Эфеса и пожар Гетеанума.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ, 30 декабря 1923 г

Утрата в новейшее время познания взаимосвязей человека с миром

Последний великий исторический прорыв: переход к эпохе души сознательной. Существовавшее еще в средневековье знание о соответствии микро- и макрокосма. Различие металлов в природе и в человеке. Тончайший вид обмена субстанциями между человеком и Космосом. Физический человек и силы Земли. Силы мирового окружения и эфирное тело; проявление этих сил в белке, поскольку тот является носителем размножения. Распознаваемость действия земных сил или сил окружения в человеческом облике: ноги, голова, руки. Астральное тело и силы по ту сторону пространства. Примеры проникновения земных сил в эфирные или в астрально-эфирные: размножение осы-орехотворки; отношение пчелы, цветка и строительства сот к образованию кристалла кварца. Необходимость обновленного прозрения во взаимодействие членов человеческого существа, связанного с царствами природы; основы нового лечебного искусства. Отношение "я"-организма ко всему минеральному; "я"-организм и тепло; трансформация всего твердого, жидкого, воздушного и теплотворного через их восприятие "я"-организмом.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ, 31 декабря 1923 г

Пожар Эфеса и пожар Гетеанума

Пожар Эфеса и дошедшая из древности молва о зависти богов. Мистерии как места встречи и "знакомства" людей и добрых богов. Зависть люциферических и ариманических богов. Событие Голгофы как деяние Бога, одаренного высочайшей любовью. Взаимодействие богов и людей становится в эпоху свободы делом физической человеческой жизни.

Непритязательность, с которой божественная мудрость предстает на земном плане в средневековье. Указания розенкрейцерского мастера ученику: отношение физического, эфирного и астрального тел к Земле; их собственная принадлежность к иерархиям; особое отношение человека к теплоте. Язык нового духовного откровения в формах и живописи Гетеанума. Статуя богини в Эфесе; статуя Представителя человечества в Гётеануме. Пожар Гетеанума и зависть людей. Преображение страдания в преданность и деятельную силу в связи с духовным импульсом Гетеанума.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ, 1 января 1924 г

Возлагаемая антропософией ответственность

Будущая цель антропософского стремления: предотвратить возможность того, чтобы исторически предопределенный человечеству переход Порога осуществился исключительно для материального мира через злоупотребление идейными возможностями. Задача Дорнаха – места, где должно открыто говориться о духовных реальностях. Необходима бескомпромиссность и честность в отношении антропософского импульса в разных областях жизненной практики. О надежде, связанной с Рождественским собранием. Изречение Краеугольного Камня.

К ПУБЛИКАЦИИ ЛЕКЦИЙ РУДОЛЬФА ШТЕЙНЕРА

Основой антропософски ориентированной духовной науки являются труды Рудольфа Штейнера (1861-1925), им написанные и опубликованные. Наряду с этим с 1900 по 1924 гг. он прочел большое число лекций и лекционных курсов, которые частично были общедоступными, частично же читались для членов Теософского, а позднее Антропософского общества. Вначале сам Штейнер не хотел, чтобы его лекции, бывшие всегда свободными импровизациями, закреплялись в записях на бумаге: они рассматривались им как "устные, не предназначенные для печати сообщения". Но когда стали широко распространяться несовершенные, содержащие множество ошибок конспекты лекций со слуха, он был вынужден упорядочить ведение записей. Это дело он поручил Марии Штейнер-фон Сивере. Ею определялись границы того, что подлежало стенографированию; она руководила проведением записей и просматривала тексты, готовые к изданию. Поскольку сам Рудольф Штейнер из-за нехватки времени мог править записи лекций лишь в редких случаях, по отношению к опубликованным лекциям следует учитывать его оговорку: "Придется смириться с тем, что в текстах, мною не просмотренных, имеются ошибки".

В своей автобиографии "Мой жизненный путь" (глава 35) Рудольф Штейнер говорит об отношении лекций для членов Общества (которые поначалу существовали лишь в виде перепечаток, предназначенных для внутреннего употребления) к общедоступным текстам. Они также справедливы и в случае некоторых спецкурсов, адресованных ограниченному кругу, членам которого было доверено знание основ духовной науки.

После кончины Марии Штейнер (1867-1948) в соответствии с ее указаниями началось Издание полного наследия Рудольфа Штейнера. Настоящий том - одна из частей собрания сочинений.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 24 декабря 1923 г.

В эти вечерние часы наших рождественских собраний мне хотелось бы представить вам такой обзор земной эволюции человечества, который поможет вам более проникновенно и интенсивно осознать природу и бытие современного человека. Ибо именно в настоящий момент истории, когда мы уже наблюдаем подготовку событий экстраординарной важности для всей человеческой цивилизации, каждый мыслящий человек должен быть готов задать вопрос: "Каким образом возникает современная конфигурация, современная организация души? Как она возникла в долгом ходе эволюции?" Ибо нельзя отрицать, что в настоящее можно проникнуть, только пытаясь понять, как оно коренится в прошлом.

Современная эпоха, однако, крайне пристрастна относительно эволюции человека и человечества. Прежде всего считается, что человек за все время, что мы именуем историей, - если взять жизнь его души и духа, - оставался в основном таким же, как теперь. Само собой, в отношении уровня познаний принято считать, что в древние времена человеческие существа были как дети, что они верили во всевозможные фантазии и что только в настоящее время человек набрался разума в смысле науки. Но если не учитывать суммы накопленных знаний, в остальном принято полагать, что душевной организацией, свойственной современному человеку, обладали и в Древней Греции и на Древнем Востоке. Если отдельные видоизменения в деталях и допускаются, то в целом предполагается, что за весь исторический период в жизни души ничего не изменилось. Затем переходят к доисторической жизни человека и говорят, что там ничего доподлинно не известно. Углубляясь дальше, рисуют человека в образе некоего животного. Таким образом, поначалу, когда углубляются в историческое прошлое, видят душевную жизнь претерпевающей сравнительно небольшие изменения. А затем картина растворяется в каком-то тумане, и выступает человек в его животном несовершенстве как вид высших приматов.

Такова приблизительно расхожая современная концепция. Но все это держится на страшной предубежденности, ибо, создавая подобную концепцию, мы не подмечаем глубинных различий, которые существуют в душевной организации современного человека сравнительно с не столь отдаленным прошлым, скажем, с XI, X или IX веком; мы не рассуждаем о том, как велико это различие, когда сравниваем организацию души современного человека и современника Мистерии Голгофы или грека. Но если мы перенесемся в древневосточный мир, в некотором роде поздней колонией которого была греческая цивилизация, то найдем там душевный строй, полностью отличный от современного. Мне хотелось бы сразу показать вам на реальных примерах, как жил человек на Востоке, скажем, десять или пятнадцать тысяч лет назад, и как отличался он по природе от грека и еще более от нас самих.

Представим себе сначала нашу собственную душевную жизнь. Я приведу вам из нее пример. У нас есть какое-нибудь переживание, и из этого переживания, которое в нас приходит через наши чувства или каким-нибудь другим путем через нашу личность, мы образуем понятие, представление и удерживаем это представление в нашем мышлении. Через некоторое время это представление может снова войти из мышления в сознательную жизнь нашей души как воспоминание. Допустим, в вас возникло воспоминание, восходящее к событию десятилетней давности. Теперь попробуем в точности понять, что это на самом деле означает. Десять лет назад вы что-то пережили. Допустим, десять лет назад вы посетили какое-то собрание людей. Вы составили суждение о каждом из этих лиц, их наружности и т.д.

Вы говорили с ними и совместно что-нибудь предпринимали. И все это в виде картины может предстать перед вами сегодня. Это внутренняя душевная картина, которая существует внутри вас и связана с событием, происшедшим десять лет назад. В настоящее время в соответствии не только с наукой, но и с некоторым неопределенным чувством, которое современным человеком переживается необычайно слабо, но все же наличествует, человек локализует в голове подобное мнемоническое представление, которое как бы возвращает опыт прошлого. Он говорит: "Память о переживании находится в моей голове".

Перенесемся теперь в далекое прошлое человеческой эволюции и рассмотрим население Древнего Востока, по отношению к которому китайцы и индусы, известные из истории, - только поздние потомки. То есть на самом деле мы вернемся назад на тысячи лет. Если мы рассмотрим человеческое существо той древней эпохи, то обнаружим, что оно жило совсем не так, что могло сказать: "У меня в голове есть воспоминание о чем-то пережитом, - о том, что я претерпел во внешней жизни". У него не было таких внутренних переживаний; они попросту для него не существовали. Его голова не была наполнена мыслями и идеями. Современный человек в свойственной ему поверхностной манере считает, что как у нас теперь есть идеи, мысли и представления, так и всегда было у людей в исторические времена; но в данном случае это не так.

Если мы обращаем духовный взор достаточно далеко в прошлое, то встречаем человеческих существ, которые в своей голове вовсе не имели понятий, представлений и мыслей, а странным образом, как нам может показаться, переживали голову в целом. Они не отдавались, как мы, абстракциям. Переживать идеи в голове было для них чем-то чуждым, но они знали, как переживать собственную голову. И так же, как вы, имея картины памяти, относите образы воспоминания к каким-то переживаниям, как вы соотносите образ воспоминания и внешнее событие, аналогичным образом эти люди относили переживание собственной головы к Земле, ко всей Земле. Они говорили: "В Космосе существует Земля. И я сам существую в Космосе, так же и моя голова как часть меня самого; и голова, которую я несу на плечах, есть космическое воспоминание о Земле. Земля существовала раньше, голова возникла позднее. Моя голова есть космическая память бытия Земли. Земное бытие еще только начиналось, а целостное строение, устройство головы человека уже приходило в соответствие со всей Землей. " Так древний обитатель Востока ощущал существо самой планеты Земля в собственной голове. Он говорил: "Из всеобщего космического бытия боги сотворили, произвели Землю с ее царствами природы, Землю с ее реками и горами. Я несу на плечах голову; и эта моя голова - точное отображение Земли. Голова с текущей в ней кровью - точное отображение Земли с ее речными и морскими течениями. Конфигурация гор Земли повторяет себя в моей голове в конфигурациях мозга; я несу на плечах образ земной планеты. " Совершенно так же, как современный человек относит картины своей памяти к своему переживанию, так человек древности относил целое своей головы к планете Земля. Заметное различие во внутреннем восприятии!

Если мы далее рассматриваем окружение Земли и как бы включаем в наш обзор окружающий Землю воздух, проникнутый солнечным светом и теплом, то в некотором смысле мы можем сказать: "Солнце живет в атмосфере Земли". Земля открывает себя Вселенной; свою деятельность она привносит в окружающую атмосферу и открывает себя восприятию деятельности Солнца. Поэтому каждый человек в те древние времена воспринимал область Земли, в которой он жил, как особо важную. Древний человек Востока воспринимал какую-нибудь часть земной поверхности как

часть себя самого, - под ним внизу Земля, а над ним - атмосфера, обращенная к Солнцу. Остальная Земля, - справа и слева, сзади и спереди, - вся остальная Земля растворялась в чем-то всеобщем (см. рис. - левая часть).

Таким образом, если древний человек Востока жил, например, на индийской почве, он переживал индийскую почву как особо для него важную, а все прочее на Земле - к востоку, западу, югу от него - исчезало в неопределенности. Он мало интересовался, каким образом связана Земля в этих других частях с остальным космическим пространством; напротив, чем-то особенно важным была не только почва, на которой он жил (см. рис. - слева, красный), но и распространение Земли в космическое пространство в этой местности. Способ дыхания, возможный для него на местной почве, ощущался им как переживание особой важности. В наши дни нам непривычно спрашивать, как дышится в том или другом месте. Конечно, мы до сих пор зависим от хороших или дурных условий дыхания, но больше не сознаем этого факта. Для древнего обитателя Востока это было не так. Способ, которым он осуществлял дыхание, был для него очень глубоким переживанием, и так дело обстояло со всеми другими вещами, которые зависели от характера отношений на границе Земли с космическим пространством.

Вся Земля переживалась человеком тех древних времен как что-то живущее в его голове. В настоящее время голова ограждена твердыми костями черепа, она закрыта сверху, с обеих сторон и сзади. Но она имеет некоторые выходы; она имеет свободное отверстие снизу в направлении груди (см. рис. на стр. 15, справа). И особо важно для человека древних времен было чувствовать, как голова открывается относительно беспрепятственно в направлении груди. Внутреннюю конфигурацию головы этот человек ощущал как отображение Земли. И так же, как он чувствовал внутреннюю конфигурацию головы в образе Земли, так же он приводил окружение Земли - все, что над Землей и вокруг нее - в связь с открытостью вниз, обращенной к сердцу. В этом он видел образ того, как Земля открывается Солнцу. Свое мощное переживание человек тех времен выражал такими словами: "В моей голове я чувствую всю Землю. Голова есть миниатюрная Земля. Но эта Земля открывается моей груди, которая несет внутри сердце. И то, что происходит между головой, грудью и сердцем, есть образ того, что выносится из моей жизни в Космос, выносится в земное окружение, открытое Солнцу." Великим и имеющим глубокое значение было для него то переживание, о котором он мог сказать: "Здесь, в моей голове, живет Земля. Когда я иду глубже, здесь Земля открывается Солнцу (см. стрелку, рис. на стр. 15); мое сердце есть образ Солнца."

Таким путем человек приходил к тому, что в древние времена соответствовало нашей жизни эмоций. Мы имеем еще абстрактную жизнь чувств, эмоций. Кто из нас знает непосредственно что-нибудь о своем сердце? Мы думаем, что через анатомию и физиологию мы узнаем что-нибудь, но это не больше, как познание модели сердца из папье-маше. С другой стороны, человек древних времен не имел того, что мы несем в себе как эмоциональное переживание мира. Вместо этого у него было переживание своего сердца. Как мы устремляем наши эмоции к миру, в котором живем, как мы чувствуем, любим ли мы человека или встречаем его с антипатией, нравится нам тот или другой цветок, склонны ли мы к тому или к этому, - как мы устремляем наши чувства к миру, - но миру, который, можно сказать, как бы в невесомой абстракции оторван от прочного, плотного Космоса, - так же человек Древнего Востока устремлял свое сердце к Космосу, то есть к тому, что шло от Земли в ее окружение, в направлении Солнца.

Опять-таки мы, например, теперь говорим: "Я хочу идти" Мы знаем, что наша воля живет в конечностях. Древние люди Востока имели совершенно другое переживание. То, что мы называем волей, им было совершенно неизвестно. Мы сильно заблуждаемся, если верим, что то, что мы называем мышлением, чувствованием и волением, существовало среди древневосточных народов. Этого у них вовсе не было. У них было переживание головы, которое было переживанием Земли. Им было свойственно переживание груди или сердца, которое являлось переживанием земного окружения вплоть до Солнца. Солнце соответствовало переживанию сердца. Они обладали еще и такими переживаниями, как чувство расширения и распростертости внутри своего тела. Они приходили к сознанию и постижению собственной человеческой сущности в движении своих ног или рук. Они сами находились внутри движения. И в этой распростертости внутреннего существа в конечности они воспринимали прямую картину своей связи со звездным миром (см. рис. на стр. 15): "Моя голова - это образ Земли. В том месте, где моя голова беспрепятственно открывается вниз в грудь и доходит до сердца, я имею образ того, что живет в земном окружении. В том, что я переживаю как силу моих рук и ног, я имею нечто такое, что отображает отношение земной тверди к звездам, которые живут далеко в космическом пространстве".

Поэтому когда человек в те древние времена хотел выразить переживание, которое было у него как у волеизъявляющего человеческого существа (пользуясь языком современности), он не говорил: "Я иду". Мы можем увидеть это из самих слов, которые он употреблял. Он также не говорил: "Я сажусь". Если мы исследуем древние языки на предмет их утонченного содержания, то повсюду обнаружим, что для действия, которое мы описываем, говоря "я иду", - древневосточный человек говорил: "Марс движет мною, Марс активен во мне". При передвижении в ногах ощущался как бы импульс Марса. Соприкосновение с предметом, прикосновение руками выражалось в словах: "Во мне действует Венера". Указывая на что-то другому лицу, говорили при этом так: "Во мне действует Меркурий". Даже когда неотесанный человек указывал другому направление толчком или пинком, это действие описывали, говоря: "Меркурий действовал в этом человеке". Усаживание было деятельностью Юпитера, а возлежание - все равно, для отдыха или от лени - выражали словами: "Я отдаюсь импульсам Сатурна". Таким образом, человек воспринимал в своих членах обширные пространства Космоса. Он знал, что при удалении от Земли в космическое пространство он входит в окружение Земли, а затем и в сферы звезд. Если он нисходил вниз из головы, он проходил через то же самое переживание, только на этот раз внутри своего собственного существа. В своей голове он находился в Земле, грудью и сердцем он был в окружении Земли, в своих же конечностях он был вовне, в звездном Космосе.

Хотелось бы сказать (и с определенной точки зрения так оно и есть): о, бедные люди современности, которые могут переживать только абстрактные мысли! Что вам от тех мыслей? Мы очень гордимся ими, но совсем забываем за абстрактными мыслями, которые весьма умны сами по себе, нашу голову; голова гораздо богаче содержанием, чем умнейшая из наших абстрактных мыслей. Анатомия и физиология мало знает о чудесной загадке мозговых извилин, но одна-единственная извилина мозга есть нечто более величественное и мощное, чем абстрактные познания величайшего гения. Было некогда на Земле время, когда человек не просто, как мы, сознавал выхолощенные мысли, но сознавал собственную голову; он воспринимал голову как образ Земли и ощущал ту или другую часть головы - скажем, четверохолмие или зрительный бугор - как образ определенной горной конфигурации на Земле. Он тогда не просто ставил свое сердце в связь с Солнцем, исходя из некоей абстрактной теории, а чувствовал: "Моя голова

находится в таком же отношении к груди, к сердцу, как Земля к Солнцу".

Это было время, когда человек всей своей жизнью был сращен с Космосом, со Вселенной; он был связан с Космосом. И это выразилось во всей его жизни. Благодаря тому факту, что мы ставим наше жалкое мышление на место головы, благодаря этому факту мы можем обладать понятийной памятью, мы можем мысленно вспоминать вещи. Мы образуем мысленные картины пережитого в качестве абстрактных воспоминаний в голове. Этого не могли делать люди древности, которые не имели мыслей, но обладали восприятием своей головы. Они не могли образовывать картин воспоминания. И поэтому в тех областях древнейшего Востока, где люди еще обладали сознанием собственной головы, но не мыслями и, следовательно, не воспоминаниями, мы повсеместно находим развитым нечто такое, в чем современные люди снова начинают испытывать потребность. Долгое время не было необходимости в такой вещи, но в настоящее время эта необходимость вернулась; я отношу это к тому, что могу назвать только неряшливостью души. Если бы в то время, о котором я говорю, можно было посетить области, населенные людьми, которые еще обладали сознанием собственной головы, груди, сердца и конечностей, то на каждом шагу можно было бы встретить маленькие столбики, вбитые в землю и испещренные значками, или какую-нибудь стену со значками. Если что-нибудь происходило, человек оставлял некий вид памятки, ибо он не располагал еще понятийной памятью и при возвращении к этому месту он переживал это событие по отметке, которую сделал. Человек срастался своей головой с Землей. Теперь он просто делает в своей голове заметку о каком-нибудь событии. И как я уже указывал, мы начинаем все больше чувствовать потребность делать заметки не только в голове, но также в записной книжке. Это вызывается, как я говорил, неряшливостью души, но тем не менее, мы нуждаемся в этом все больше и больше. В те времена, однако, не было таких вещей, как занесение заметок хотя бы и в голову, ибо мыслей и идей попросту не существовало. Взамен этого земля была испещрена значками. И от этой естественной склонности у древних людей возник обычай ставить монументы и памятники.

Все, что происходит в исторической эволюции человека, имеет свой исток и причину во внутренней природе человека. Если бы мы больше стремились к честности, то признали бы, что современные люди не имеют ни малейшего представления о более глубокой основе этого обычая сооружать памятники. Мы их ставим по привычке. Однако они являются остатками древних памятников и знаков, оставляемых человеком в те времена, когда у него не было еще такой памяти, как теперь, и он был приучен в любом месте, где он что-то пережил, оставлять памятку, дабы при возвращении туда он мог заново пережить это событие в своей голове; ибо голова могла вызывать заново все, что было связано с Землей. "Мы передаем Земле переживания нашей головы" - было принципом в древние времена.

Итак, мы можем указать на очень ранние времена на Древнем Востоке, на эпоху локализованной памяти, когда всё, имеющее природу памяти, было связано с оставлением знаков и памяток на земле. Память была не внутри, а снаружи. Повсюду были памятные таблички и памятные камни. Это была локализованная память, воспоминание, связанное с местностью.

Даже по сей день для духовного развития человека немаловажно порой использовать свою способность к этому роду памяти - памяти, которая не внутри него, а раскрывается в связи с внешним миром. Хорошо иногда говорить: я не стану запоминать то или другое, но оставляю там или здесь знак или насечку; или: я позволю своей душе вспоминать о пережитом только в связи с насечкой или знаком. Я повешу, к примеру, в углу моей комнаты изображение Богоматери и, когда изображение передо мною, стану

переживать в своей душе все, что могу пережить, обращаясь всей душой к Богородице. Ибо в домах людей, когда мы немного углубляемся на Восток Европы, нас встречают изображения Богородицы; не надо даже доходить до России, мы найдем их повсюду уже в Восточной Европе. Все переживания такого рода, в сущности – остатки эпохи локализованной памяти. Это наружная память, она привязана к месту.

Вторая ступень достигается, когда человек переходит от локализованной к ритмической памяти. Таким образом, мы имеем, во-первых, локализованную память, а во-вторых, ритмическую память. Мы подошли теперь к эпохе, когда человек не из рассудочных хитросплетений, а непосредственно из внутреннего существа развивал потребность жить в ритме. Он ощущал потребность так воспроизводить внутри себя звуки мира, чтобы образовывался ритм. Если, к примеру, его переживание коровы приводило к наименованию "му", то он не просто называл ее "му", а "му-му", а в очень древние времена, возможно, "му-му-му". То есть восприятие как бы умножалось в повторении, чтобы произвести ритм. Вы можете до сих пор проследить подобный процесс словообразования, например, в слове "кукушка", и можете заметить, что маленькие дети все еще ощущают потребность в этих повторениях. Здесь перед нами снова наследие тех времен, когда ритмическая память преобладала, когда у человека вовсе не было памяти того, что он просто переживал, а была память только на то, что он переживал в повторах, в ритмической форме. Во всяком случае, должно было присутствовать сходство в ряду смежных слов. "В основном и главном", "скала и камень": подобные ритмические выражения – последний остаток гипертрофированного стремления привести все к ритму, ибо в эту вторую эпоху, которая последовала за эпохой локализованной памяти, все неритмизированное не удерживалось. Ритмическая память была источником всего древнего искусства стихосложения, то есть всей метрической поэзии. Только на третьей стадии развилось то, что мы знаем по сей день, – временная память, когда мы больше не имеем в пространстве пункта, к которому привязываем воспоминание, и не зависим больше от ритма, но то, что уносится в потоке времени, может позднее быть вызвано снова. Эта наша совершенно абстрактная память есть третья ступень в эволюции памяти.

Вызовем в уме тот момент в человеческой эволюции, когда ритмическая память переходила во временную, когда впервые появилась эта память, которую мы с нашей абстрактной ограниченностью мышления считаем совершенно естественной; память, при помощи которой мы вызываем нечто в образной форме, не нуждаясь больше для воспроизведения в полусознательных или бессознательных ритмических повторениях. Эпоха перехода от ритмической памяти к временной есть время, когда Древний Восток колонизировал Грецию, момент, описываемый в истории как появление колоний, насаждаемых в Европе из Азии. Когда греки рассказывали о героях, которые пришли из Азии и Египта, дабы поселиться на греческой почве, они в действительности рассказывали, как великие герои вышли из страны ритмической памяти в поисках климата, где ритмическая память могла перейти во временную, в памятование во времени.

Мы можем при этом совершенно точно определить время подъема Греции. Ибо то, что названо на Востоке прародительницей Греции, было обителью людей с сильно развитой ритмической памятью. Там жил ритм. Действительно, Древний Восток может быть правильно понят лишь тогда, когда мы видим в нем страну ритма. И если мы помещаем рай не дальше во времени, чем это делает Библия, нам надо, если мы его относим к Азии, рассматривать его как страну, где чистейшие ритмы оглашают Космос и

вновь вспыхивают в человеке как ритмическая память, - страну, где человек обитал не только как восприимчивый космический ритм, но и как творец ритма в Космосе.

Вслушайтесь в Бхагават-Гиту, и вы уловите отзвук могучего ритма, который некогда жил в переживании человека. Вы услышите его отзвук также в Ведах, услышите сами в поэзии и литературе, как ее теперь называют, Западной Азии. Повсюду в них живет отзвук того ритма, что наполнял некогда всю Азию величественным содержанием и, зарождавшись внутри земного окружения, создавал эти отзвуки уже в человеческой груди, в биении человеческого сердца. Затем мы приходим к еще более древним временам, когда ритмическая память переходит в локализованную память, когда человек не обладал даже ритмической памятью, но был научен оставлять памятки в тех местах, где имел переживание. Когда он удалялся от этого места, у него не было необходимости в воспоминании, но когда возвращался обратно, то снова восстанавливал переживание. Но он делал это не сам: памятка, сама Земля восстанавливала его переживание. Так как голова есть образ Земли, то для человека знак локализованной памяти, сделанный в земле, вызывал свой образ в голове. Человек полностью сживался с Землей и в своей связи с Землей имел свою память. В Евангелиях есть отрывок, который напоминает об этом роде памяти, - там, где говорится о Христе, вписывающем что-то в землю.

Этот момент, который мы, таким образом, определили как переход от локализованной памяти к ритмической, есть время заката древней Атлантиды и миграции первых послеатлантических народов на восток в направлении Азии. Ибо мы имеем в первую очередь миграцию с древней Атлантиды - континента, который теперь образует дно Атлантического океана, - напрямик через Европу в Азию, а затем обратную миграцию культуры из Азии в Европу (см. рис. на стр. 24). Миграция атлантических народов в Азию знаменует переход от локализованной памяти к ритмической, которая позднее находит свое завершение в духовной жизни Азии. Колонизация Греции знаменует переход от ритмической памяти к временной, то есть к той, что мы несем внутри нас по сей день.

И внутри этой эволюции памяти лежит все развитие цивилизации между атлантической катастрофой и возникновением греческой цивилизации, - всего того, что дошло до нас от Древней Азии, скорее, в форме легенд и саг, чем истории. Мы не приходим к пониманию эволюции человечества на Земле, всматриваясь лишь во внешние феномены, исследуя внешние документы: необходимо устремлять внимание на внутреннюю эволюцию человека; мы должны считаться с развитием такой вещи, как способность памяти, переходящей в своей эволюции от внешнего во внутреннее существо человека.

Вы знаете, как много сила памяти значит для современного человека. Вы слышали о людях, которые в результате некоторого болезненного состояния неожиданно находили, что часть прошлой жизни, которую они совершенно свободно могли воспроизводить в памяти, полностью стерлась. Страшные переживания такого рода выпали одному моему другу незадолго до смерти. Однажды он покинул свой дом, купил на железнодорожной станции куда-то билет, сошел там и купил другой билет. Он проделал это все, утратив на время воспоминания о своей жизни, включая момент покупки билета. Он проделал это совершенно осмысленно. Он был в здравом рассудке, но его память была стерта. А когда память к нему вернулась, он обнаружил себя в приюте для бездомных в Берлине. Впоследствии оказалось, что за этот промежуток времени он исколесил пол-Европы,

будучи неспособен увязать свои переживания с прежними переживаниями жизни. Память не пробудилась в нем, пока он не оказался - сам не зная, как - в приюте для бездомных в Берлине. Это только один пример среди многих, показывающих нам, что душевная жизнь современного человека не нормальна, если не содержит непрерывную нить памяти с определенного момента нашего детства.

С людьми древних времен, которые развили локализованную память, это было не так. Они ничего не знали об этих нитях памяти. С другой стороны, они в своей душевной жизни ощущали бы себя несчастными (как бывает с нами, когда мы чувствуем, что нечто самопроизвольно стирается из нашей памяти), если бы не были окружены памятками, которые напоминали им о пережитом. И не только памятными знаками, оставленными ими самими, но и воздвигнутыми их предками или братьями и сестрами, - знаками, сходными по конструкции с их собственными и приводящими их в контакт с родичами. То, что мы внутренне ощущаем как предпосылку для невредимости нашего "я", люди прошедших времен искали вне самих себя.

Мы провели перед нашими глазами всю картину этих перемен в человеческой душе, чтобы проникнуть в их значение в истории человеческой эволюции. Через исследование вещей, подобных этим, на историю начинает проливаться свет. Сегодня я хотел показать на частном примере, как развивалась человеческая душа относительно одной способности - способности памяти. Мы увидим в ходе последующих лекций, что события истории начинают раскрываться в своем истинном облике, когда мы можем озарить их светом, исходящим из познания человеческой души.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 25 декабря 1923 г.

Из предыдущей лекции вам должно быть ясно, что правильный взгляд на историческое развитие человечества на Земле возможен только в том случае, если принять во внимание совершенно различные состояния души, которые преобладали в разные эпохи. Вчера я пытался охарактеризовать азиатский период развития, подлинный Древний Восток, и мы видели, что необходимо обратиться к тем временам, когда потомки атлантических народов прокладывали себе путь на восток после атлантической катастрофы, продвигаясь с запада на восток и постепенно заселяя Европу и Азию. Все, что происходило в Древней Азии в связи с этими народами, находилось под влиянием тех людей, духовное состояние которых приспособилось к ритму. В начале азиатского периода был еще явственен отзвук того, что существовало в полном объеме в Атлантиде - отзвук локализованной памяти. В ходе восточного развития эта локализованная память переходила в ритмическую, и я показал, как с греческим развитием произошел тот великий перелом, который принес новый вид памяти - временную.

Это значит, что азиатский период развития (мы говорим теперь о том, что правильно называть азиатским периодом, ибо то, что представляет собой история, является в действительности позднейшим и упадочным периодом) был веком людей совершенно другого склада, чем люди позднейших времен. И внешние события истории в те дни зависели от строя человеческой внутренней жизни гораздо сильнее, чем в позднейшие времена. То, что жило в душе человека, жило также во всем его существе. Не было свойственной нам независимой жизни мысли и чувства; мышление, которое не воспринимало своей связи с внутренними процессами человеческой головы,

было неизвестно. То же относится и к абстрактному чувствованию, которое не ведает связи с кровообращением. Человек обладал в те времена мышлением, которое внутренне переживалось как событие, происходящее в голове, обладал чувством, которое переживалось в ритме дыхания, в циркуляции крови и т.д. Человек переживал все свое существование как неделимое единство.

Все это тесно связано с совершенно другим переживанием человеком своей связи с надземным миром, Космосом, с духовным и физическим в Космосе. Современный человек живет, скажем, в городе или деревне, и его переживания соответственно видоизменяются. Он окружен лесами, горами и реками; или же, если он живет в городе, городские стены попадают ему на глаза на каждом шагу. Когда же он говорит о космическом и сверхчувственном, то где оно, по его мнению? Он не может указать никакой сферы, внутри которой он мог бы помыслить космическое и сверхчувственное. Он нигде не может соприкоснуться с ней, уловить ее, не говоря уж о том, что так же неуловимо и душевно-духовное. Но не так было в древневосточном потоке развития. Для восточного человека окружающий мир, который теперь мы называем нашей физической средой, был только подножием Космоса, мыслимого как единство. Человек имел в своем окружении то, что содержится в трех царствах природы, он имел вокруг себя реки, горы и т.д.; но для него эта среда была насквозь пронизана духом, пропитана им и сплетена с духом. Древневосточный человек мог бы сказать: я живу среди гор, я живу среди рек, но я также живу среди элементарных существ гор и рек; я живу в физическом царстве, но это физическое царство есть тело духовного царства. Меня повсюду окружает духовный мир, низший духовный мир.

Там, внизу, было то царство, которое стало для нас земным царством. Человек жил внутри него. Но он представлял себе (см. рис. на стр. 28), что там, где кончается одно царство (светлый), начинается другое (желто-красный), затем, выше него, еще другое (синий); и, наконец, высочайшее из достигаемых царств (оранжевый). И если бы потребовалось обозначить эти царства в соответствии с терминологией, принятой в нашем антропософском познании, - на Древнем Востоке их называли иначе, но это не существенно, мы будем называть их по-своему, - тогда будем иметь наверху для высочайшего царства первую иерархию: Серафимов, Херувимов, Престолов, затем вторую иерархию: Господств, Сил, Властей, - и третью иерархию: Начала, Архангелов, Ангелов.

А затем идет четвертое царство, где обитают человеческие существа, царство, в котором мы - в соответствии с современным методом познания - наблюдаем простые природные объекты и процессы; но в них человек Древнего Востока воспринимал всю природу пронизанной элементарными духами воды и земли. Это было Азией (см. рис.).

Азия означала низшее духовное царство, в котором обитали человеческие существа. Надо помнить, что современное представление о вещах, которым мы обладаем в нашем обычном сознании, было неизвестно человеку тех времен. Было бы нелепостью предположить, что он мог представить такую вещь, как материя, лишенная духа. Говорить, как мы, о кислороде и азоте было совершенно невозможно для человека Древнего Востока. Для него кислород был духом, духовной вещью, которая действует стимулирующе и возбуждающе на все живое, ускоряет жизненный процесс в живом организме. Азот, о котором мы думаем теперь как о содержащемся в атмосфере вместе с кислородом, был также духовен; он был тем, что струится через Космос, воздействуя на все живое и органическое так, чтобы

приготовить его к восприятию душевной природы. Такими, например, были познания людей Древнего Востока относительно кислорода и азота. И человек познавал таким образом все процессы природы в их связи с духом; распространенные в наши дни представления были ему неизвестны. Существовали отдельные индивидуальности, которые ими обладали, и именно они были посвященными. Остальное человечество в качестве обычного, повседневного сознания обладало сознанием, очень напоминающим сон наяву; это было сновидческое состояние, которое нам встречается только при аномальных переживаниях. Жизнь древневосточного человека проходила в этих снах. Он смотрел на горы, реки и облака и видел все предметы такими, какими их можно увидеть и услышать в этом сновидческом состоянии.

Представьте себе, что может, например, произойти с современным человеком. Человек задремал. Вдруг перед ним возникает в сновидении пылающая печь. Он слышит крик: "Пожар!" - Снаружи по улице проезжает пожарная машина, чтобы где-то потушить огонь. Но какая разница между представлением о работе пожарных, которую может образовать человеческий интеллект своим прозаическим путем, с помощью обыкновенного чувственного восприятия, и картинами, которые может наколдовать сон! Для человека Древнего Востока, однако, все его переживания проявлялись в таких сновидческих образах. Все во внешних царствах природы трансформировалось в его душе в образы. В этих сновидческих образах человек переживал элементарных духов воды, земли, воздуха и огня.

Но сон приносил ему еще другие переживания. Сон не был для него тем тяжелым сном, о котором мы говорим, что спим, как бревно, и ничего не знаем о себе. Я думаю, есть люди, которые спят так до сих пор, не так ли? Но тогда таких вещей не было: даже во сне сохранял человек приглушенную форму сознания. Когда он давал отдых своему телу, духовное ткалось внутри него, подобно активности внешнего мира. И в этом прядении он воспринимал существ третьей иерархии. Азию он воспринимал в своем обычном состоянии сна наяву, то есть в том, что было, так сказать, повседневным сознанием того времени. Ночью во сне он воспринимал третью иерархию. А время от времени в его сон входило еще более приглушенное сознание, но такое, которое глубоко затрагивало человеческий характер. Таким образом, эти восточные народы имели, во-первых, свое повседневное сознание, в котором все видоизменялось в имажинации и образы. Эти образы не были столь реальны, как в еще более древние времена, например, времена Атлантиды и Лемурии или в лунную эпоху. Тем не менее, они присутствовали еще во время этого азиатского развития.

Итак, днем у людей были образы. А во сне они имели переживание, которое можно облечь в следующие слова: мы дремлем в отношении обычного земного существования, зато входим в царство Ангелов, Архангелов и Архаев и живем среди них. Душа освобождается от телесности и живет среди существ высших иерархий.

Люди вместе с тем четко знали, что тогда как они в Азии жили с гномами, ундинами, сильфами и саламандрами, то есть с элементарными духами земли, воды, воздуха и огня, - во сне, когда тело отдыхает, они переживали существ третьей иерархии в планетарном бытии, - во всем, что обитает в относящейся к Земле планетарной системе. Бывали, однако, моменты, когда спящий, воспринимая третью иерархию, ощущал: очень странная область приблизилась ко мне. Она принимает меня в себя, она отрывает меня от земного существования. - Он не ощущал этого, будучи погружен в существ третьей иерархии, а ощущал только тогда, когда

наступало еще более глубокое сонное состояние. Хотя у людей никогда не оставалось подлинного сознания того, что происходило во время сонного состояния такого рода, тем не менее, переживания, связанные со второй иерархией, глубоко запечатлевались во всем существе человека. И это переживание оставалось в человеческом чувстве и по пробуждении. Человек мог тогда сказать: я был милостиво благословлен высшими духами, чье существование протекает по ту сторону планетарного бытия. - Так эти древние люди говорили о той иерархии, которая включает в себя Господства, Силы и Власти. То, что мы теперь описываем, было обычными состояниями сознания в более древний азиатский период. Два первых состояния сознания - сон наяву, бодрствование во сне и сон, в котором присутствовала третья иерархия переживались заведомо всеми. А многие, наделенные особым природным даром, переживали также вторжение более глубокого сна, во время которого вторая иерархия проникала в человеческое сознание.

А посвященные в мистерии, те достигали уже следующей ступени сознания. Какой была ее природа? Ответ изумляет, ибо дело в том, что посвященный Древнего Востока достигал того же самого сознания, которое вы имеете теперь! Вы развиваете его совершенно естественным способом на втором или третьем году жизни. Никто на Древнем Востоке не достигал этого состояния сознания естественным путем, его развивали в себе искусственно. Посвященный должен был вырабатывать его из снов наяву. Пока он пребывал в этом сне наяву, сонном бодрствовании, он видел повсюду образы, находившиеся только в более или менее символическом соответствии с тем, что теперь мы наблюдаем в ясных, четких очертаниях; в качестве посвященного, однако, он приходил к видению вещей такими, какими мы их видим теперь в нашем обычном сознании; посвященные при помощи своего развитого сознания могли изучать то, что современные дети учат в школе. И различие было не в содержании. Конечно, им не были известны абстрактные формы букв, которые мы имеем теперь: письменные знаки находились в более тесной связи с предметами и процессами Космоса. Чтение и письмо, тем не менее, изучалось в те дни одними посвященными, ибо чтение и письмо можно изучать, только обладая тем ясным интеллектуальным сознанием, которое естественно для современного человека.

Допустим, что где-нибудь, там или здесь, возник бы заново этот мир Древнего Востока, населенный человеческими существами, имеющими тот род сознания, который был присущ людям в те времена, и вы бы появились среди них с вашим современным сознанием; тогда для них вы были бы посвященными. Различие заключено не в содержании сознания. Вы были бы посвященными. Но в тот момент, как эти люди признали бы вас посвященными, они немедленно постарались бы прогнать вас из страны всеми средствами, которые были им доступны; ибо для них было бы совершенно ясно, что посвященный не должен познавать вещи таким путем, как мы познаем теперь. Он не должен был, например, уметь писать, как мы умеем писать теперь. Если бы я мог перенестись в умонастроение человека того времени и встретил бы такого псевдопосвященного, то есть современного человека обычных способностей, я должен был бы сказать о нем: он умеет писать, он ставит на бумаге знаки, которые что-то значат, и не знает, какая это дьявольская вещь - делать такое, не нося в себе сознания, что это можно делать, только будучи проводником божественного космического сознания; он не знает, что человек может ставить такие знаки на бумаге, только когда может ощущать, как бог проявляется в его руке, в самих пальцах, проявляется в его душе, позволяя ей выразить себя через эти буквы. - Различие здесь заключено не в содержании сознания, а в способе постижения и понимания вещей. Именно у посвященного древних времен это происходило совершенно по-другому, нежели у современного человека,

имеющего то же самое в отношении содержания. Прочтите мою книгу "Христианство как мистический факт"*, новое издание которой недавно появилось, и вы найдете прямо в начале аналогичное указание относительно природы посвященного древних времен. И в самом деле, так бывает всегда в ходе мирового развития. То, что развивается в человеке в последующий период естественным путем, должно было в предыдущие эпохи приходиться через посвящение. /*"Христианство как мистический факт и мистерии древности" (Издание полного наследия (ИПН), том 8)/

Благодаря тем фактам, которые я здесь привел, вы можете отметить коренное различие между строем души, который превалировал среди восточных народов в доисторические времена, и устройством людей позднейших цивилизаций. В древности было другое человечество, которое могло называть Азией низшее небо и понимать под своей землей всю окружающую природу. Они знали, где было низшее, последнее небо. Сравните это с воззрениями современных людей. Насколько далек современный человек от того, чтобы рассматривать все окружающее как последнее небо! Большинство людей не может о нем думать как о последнем по той простой причине, что они не знают ни о каком предшествующем.

Итак, мы видим, как в древневосточные времена духовное глубоко проникало в природу, во все природное бытие. Но мы также находим среди этих народов нечто такое, что большинству из нас теперь легко может показаться крайне варварским. Человеку тех времен показалось бы страшно варварским, если бы кто-нибудь умел писать с тем умонастроением, в каком мы теперь можем писать; это бы показалось ему поистине дьявольским. С другой стороны, многим современным людям кажется варварским то, что в Азии тех отдаленных времен было вполне естественным: а именно, то, что народы, мигрировавшие с запада на восток, часто с крайней жестокостью порабощали жителей данной местности, захватывали у них земли, а их самих обращали в рабство. Однако таково в основном содержание восточной истории по всей Азии. Тогда как люди обладали, как я описывал, высокодуховным представлением о вещах, их внешняя история протекала в постоянных завоеваниях чужих земель, население которых порабощалось. Несомненно, это покажется многим чрезвычайно варварским. Теперь, хотя захватнические войны еще бывают, люди воспринимают их как компромисс с совестью. И это справедливо даже относительно тех, кто поддерживает и защищает такие войны; они тяготят их совесть. В те времена, однако, у человека была совершенно чистая совесть относительно этих захватнических войн, он чувствовал, что такие завоевания были дозволены богами. Стремление к миру, любовь к миру, которая возникла позднее и охватила большую часть Азии, в действительности - продукт более поздней цивилизации. Территориальные приобретения через завоевания и порабощение населения - характерная черта ранней цивилизации Азии. Чем глубже мы погружаемся в доисторические времена, тем больше мы там обнаруживаем таких завоеваний. Войны Ксеркса и других ему подобных - поистине бледные тени того, что происходило в ранние эпохи.

Но существует определенный принцип, лежащий в основе этих завоеваний. Обладая теми состояниями сознания, которые я вам описывал, человек находился совершенно в других отношениях со своими ближними, а также с окружающим миром. Определенные различия между разными частями населенной Земли утратили теперь свое ведущее значение. В то время эти различия давали о себе знать совершенно другим путем. Позвольте обрисовать вам в качестве примера что-нибудь часто происходившее.

Допустим, здесь у нас слева - европейский регион (рис. на стр. 35), здесь справа - азиатский. Народ-завоеватель (красный) движется с севера Азии,

распространяя свои завоевания на другие области Азии и завоевывая их население (красный и желтый).

Что же на самом деле происходило? На характерных примерах того, что является истинным выражением тенденции исторического развития, мы находим, что агрессоры, как народ или как раса, были молоды, полны юношеских сил. Что значит сегодня быть юным? Что это значит для человека современной эпохи? Это означает располагать в каждый момент такими силами смерти, чтобы иметь возможность восполнять силы души, которым необходимы именно процессы распада, протекающие в человеке. Ибо, как вы знаете, мы имеем в себе растущие, расцветающие силы жизни, но не эти жизненные силы делают нас разумными, мыслящими существами: наоборот, они приглушают наше сознание. Силы смерти, силы разрушения, которые также постоянно в нас активны, всегда преодолеваются снова и снова во время сна силами жизни, пока в конце концов мы не соберем вместе все силы смерти в едином завершающем событии смерти; эти силы суть источник разумности, самосознания. Так обстоит дело с современным человечеством. Но возьмем юную расу, юный народ, вроде тех, которые я описывал, страдающий от преизбытка собственных жизненных сил и постоянно имеющий чувство: я ощущаю, как моя кровь все время бьется о внутренние стенки тела. Я не могу переносить этого. Мое сознание не становится разумным. Ибо по причине самой моей юности я не могу полностью развить мою человеческую сущность.

Обычный человек так не говорил, но так говорили посвященные в мистериях, и посвященные были теми, кто руководил и направлял весь ход истории. Народ этого типа имел преизбыток юности, преизбыток жизненных сил, и слишком малое количество того, что может быть названо рассудительностью. Он оставлял свою родину и завоевывал область, где жил более старый народ, - народ, который тем или другим путем принял в себя силы смерти, ибо уже пришел в упадок. Более молодая нация выступала против старшей и поработала ее. Не было необходимости, чтобы кровные узы связывали победителей и побежденных. То, что бессознательно происходило между ними в душевной сфере, действовало омолаживающим образом, а также действовало на рефлексивные способности. То, что победитель получал от поработанных, которых он использовал при постройке нового дома, было потребностью его сознания. Стоило ему только обратить внимание на этих рабов, и в душе смягчалась тенденция к затемнению, а взамен пробуждалась сознательность, разумность.

То, что мы в наши дни достигаем как индивиды, в те времена достигалось совместным проживанием с другими. Народ, который смотрел на мир как победитель и господин, - юный народ, не располагающий силой рефлексии, - нуждался в окружении, так сказать, народа, который имел в себе больше сил смерти. В преодолении другого народа он пробивался к тому, что требовалось для его собственной эволюции. Итак, мы находим, что эти восточные битвы, зачастую столь пугающие и предстающие нам в таком варварском аспекте, в действительности не что иное, как импульсы человеческого развития. Они были необходимы. Человечество не могло бы развиваться на Земле, не будь этих ужасных войн и битв, которые представляются нам такими варварскими.

Уже в те времена посвященные мистерий видели мир таким, каким мы видим его теперь. Только они соединяли с этим восприятием другой строй души, другое умонастроение. Для них все, что они переживали в ясных, резких очертаниях, - так же, как мы теперь переживаем объекты в резких

очертаниях, когда воспринимаем их через органы чувств, - было во всяком случае всегда чем-то таким, что для человеческого сознания исходило от богов. Ибо какими представлялись внешние объекты посвященному тех времен?

Возьмем, например, для простоты и наглядности вспышку молнии. Вы хорошо знаете, что современный человек видит просто молнию (см. рис. сверху). Человек древних времен видел иначе. Он видел живых духовных существ, движущихся в небе (желтое), а четкое очертание молнии совершенно исчезало. Он видел сонм, процессию духовных существ, проносящихся над ним или в космическом пространстве. Молнии как таковой он не видел. Он видел сонм духов, парящих и движущихся через космическое пространство. Посвященный, как и прочие люди, также видел духовный сонм, но он развил внутри себя такое же восприятие, как и у нас теперь, и поэтому для него вся картина начинала затуманиваться и небесный сонм постепенно исчезал из виду; тогда вспышка молнии могла обнаружиться в том виде, в каком ее теперь видит каждый. Вся природа в той форме, в какой мы видим ее сегодня, могла быть постигнута в прежние времена только через посвящение. Но как человек относился к такому познанию? Он никоим образом не смотрел на познания, достигнутые таким способом, с тем безразличием, с каким рассматривают познание и истину в настоящее время. Существовало строгое моральное начало в человеческом переживании познания. Если мы обратим наш взор на происходившее с неопитами мистерий, то это надо описать следующим образом: когда избранные индивиды, пройдя суровые внутренние испытания, посвящались в природовоззрение, доступное теперь каждому, они совершенно естественным образом имели такое чувство: вот человек с его обычным сознанием. Он видит сонм элементарных существ, проносящихся по воздуху. Но именно потому, что он имеет такое восприятие, он лишается свободной воли. Он полностью принадлежит божественно-духовному миру. - Ибо в этом сне наяву, сонном бодрствовании, воля не свободна, скорее, она есть нечто, втекающее в человека как божественная воля. И посвящаемый, который видел, как эти имажинации редуцируются к молнии, учился говорить благодаря своему посвястителю: я должен быть человеком, обладающим в мире свободой без богов, для которого боги исключены из глубин мирового содержания. - В известной мере для посвященного то, что вы видите в четких контурах, было отринутым богами содержанием мира, в который вступал посвящаемый, дабы стать независимым от богов.

Вы должны теперь понять, что это состояние должно было быть невыносимым для посвященного, не будь для него моментом возмещения за это. Такие моменты имели место. Ибо, хотя, с одной стороны, посвященный учился переживать Азию в ее богооставленности, лишенности духа, он учился, с другой, познавать еще более глубокое состояние сознания, чем то, что достигало второй иерархии. Познавая мир, оставленный богами, он учился также познавать мир Серафимов, Херувимов, Престолов.

В определенный момент эры азиатского развития, приблизительно в его середине, - позднее мы уточним даты, - состояние сознания посвященных было таково, что они проходили по Земле с восприятием царств Земли, очень близким к тому, которым обладает современный человек; они ощущали его, однако, в своих конечностях. Они ощущали свои конечности свободными от богов в богооставленной земной субстанции. Но взамен того они встречали в этой богооставленной стране высоких богов - Серафимов, Херувимов, Престолов. Как посвященные, они учились познавать уже не серо-зеленых духовных существ, которые были образом леса, образами деревьев: они учились в качестве посвященных познавать лес, лишенный духа. Но за ними оставалась в виде компенсации возможность встретить в лесу существ

первой иерархии, они могли встретить некоторых существ из царства Серафимов, Херувимов и Престолов.

Все это, понятое как формообразующее начало в социальной жизни человечества, есть основная особенность в историческом развитии Древнего Востока. И движущая сила дальнейшего развития находилась в поиске взаимной адаптации юных и старых рас, дабы молодые расы могли созревать через общение с древними, души которых они поработили. И как далеко мы ни заглянем назад в Азию, повсюду мы найдем, как молодые расы, не способные из себя развить рефлексивные способности, обретают их в захватнических войнах. Но когда мы переводим свой взор от Азии к Греции, мы находим совсем Другое развитие. Повсеместно в Греции в момент полного расцвета греческой культуры мы находим людей, которые хотя и могли познать старость, но были не способны пронизать старение полнотой духовности. Я многократно привлекал ваше внимание к мудрому греческому изречению: "Лучше быть нищим в мире живых, чем царем в царстве теней."* Греки не смогли решить проблемы смерти ни вовне в природе, ни в человеке. С другой стороны, они имели смерть опять-таки в себе. Итак, в Греции мы находим не жажду рефлексивного сознания, а предчувствие и страх смерти. Подобного страха не ощущали молодые восточные народы: они выступали с завоеванием, если в качестве расы находили себя неспособными переживать смерть естественным путем.

Но внутренний конфликт, который греки переживали в связи со смертью, стал в свою очередь внутренне-побудительным импульсом для человечества и привел к тому, что нам известно как Троянская война. Для обретения силы рефлексии грекам не было необходимости искать смерти от рук чуждой расы. Грекам требовалось прийти в правильное соотношение с тем, что они ощущали и переживали в смерти, требовалось обрести полнокровное таинство смерти. И это привело к великому столкновению между греками и азиатским народом, от которого они произошли. Троянская война была войной скорби, войной предчувствия и страха. Мы видим встретившихся лицом к лицу греков, которые ощущали внутри себя смерть, но как бы не знали, что с нею делать, - и представителей малоазиатской жреческой культуры, которые были склонны к завоеваниям, которые хотели смерти, но не имели ее. У греков была смерть, но они не знали, как приспособиться к ней. Им требовался сплав с другим элементом, чтобы что-то с ней поделаться. Ахиллес, Агамемнон - эти люди носили в себе смерть, но не знали, как в ней разобраться. Они смотрели окрест себя на Азию. Там, в Азии, они видели народ, который находился в обратном положении, страдавший под прямым влиянием противоположного душевного состояния. Повсюду были такие люди, которые не ощущали смерть столь интенсивным образом, как сами греки, но для которых в глубине смерти ощущалось необычайное богатство жизни.

Все это было выражено удивительным образом Гомером.* /*См. Гомер "Одиссея", XI песнь, стихи 489-491; слова Ахилла в подземном мире./ Где бы он ни позволял троянцам возобладать над греками, всюду он дает нам увидеть этот контраст. Вы можете увидеть это, например, в характерных фигурах Гектора и Ахиллеса. И в этом контрасте выражено то, что имело место на границе Азии и Европы. Азия, в те древние времена имевшая как бы переизбыток жизни над смертью, алкала смерти. Европа имела - на греческой почве - переизбыток смерти в человеке, и человек не мог обрести правильного отношения к ней. Таким образом, с другой точки зрения, мы видим Европу и Азию противопоставленными друг другу. С одной стороны, мы имеем переход от ритмической памяти к временной; с другой - два совершенно различных переживания в отношении смерти в человеческой организации.

Завтра мы рассмотрим более детально контраст, на который я мог только указать в конце сегодняшней лекции, и, таким образом, приблизимся к более полному пониманию перехода от Азии к Европе. Ибо это имело глубокое и мощное влияние на эволюцию человека, и без его понимания мы не сможем прийти к подлинному пониманию развития, через которое мы проходим в настоящее время.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

Дорнах, 26 декабря 1923 г.

Тринадцать лет назад, почти что в этот день, в курсе лекций, которые я читал в Штутгарте между Рождеством и Новым годом,* я говорил о тех же событиях, которые мы будем рассматривать в настоящем цикле лекций. Только мы должны несколько изменить точку зрения. /*"Оккультная история. Эзотерические рассмотрения кармических взаимосвязей личности и событий во всемирной истории" (ИПН, том 126)

В первых двух вводных лекциях мы старались приобрести понимание того радикального изменения в человеческом строе души и характере, которое произошло в ходе человеческого развития - как доисторического, так и исторического. Для сегодняшней лекции - во всяком случае, для ее начала - нам не потребуется возвращаться на несколько тысячелетий назад. Вы знаете, что с позиций духовной науки мы придаем огромное значение так называемой атлантической катастрофе (в ее последствиях для человеческой эволюции), которую претерпела Земля во времена, обычно известные как ледниковый период. Это был последний акт в исчезновении Атлантического континента, который образует в настоящее время дно Атлантического океана; вслед за тем мы имеем, как мы часто описывали, пять последующих культурных эпох, доходящих до нашего времени. Две первые из них не оставили следа в исторической традиции, ибо литература, оставшаяся на Востоке, даже все то, что содержится в изумительных Ведах, в глубокой ведической философии, есть только отзвук того, что нам пришлось бы описывать при желании изобразить эти древние эпохи. В моем "Очерке тайноведения" я уже говорил о них как о древнеиндийской и древнеперсидской эпохах.

Сегодня мы не будем углубляться так далеко в прошлое; мы направим наши мысли к тому периоду, который я часто называл египетско-халдейским, - периоду, предшествовавшему греко-латинскому. Мы уже обращали внимание на тот факт, что за время между атлантической катастрофой и греческим периодом произошло огромное изменение в отношении сил человеческой памяти, а также социальной жизни человечества. Такой памяти, какой мы обладаем теперь, - временной памяти, с помощью которой мы можем путешествовать во времени, - не существовало в этот третий послеплатонический период; человек имел тогда, как мы описывали это в предыдущей лекции, память, связанную с ритмическим переживанием. И мы видели, как эта ритмическая память произошла от более ранней памяти, которая была особенно сильна в атлантический период, - а именно, от локализованной памяти, при которой человек носил внутри себя только сознание настоящего момента, но использовал всеми способами вещи, которые он находил во внешнем мире или сам оставлял там в качестве памяток: с их помощью он ставил себя в связь с прошлым, и не только своим прошлым, но и с прошлым человечества в целом.

В этой связи мы должны думать не только о памятках, которые были на Земле: в те древние времена конstellляции на небесах также служили

человеку в качестве памяток, особенно планетные конstellляции при их возвратных повторах во всей их многовариантности. Из этих конstellляций человек узнавал, каков был ход вещей в ранние времена. Так небо и Земля действовали совместно, чтобы создать древнему человечеству локализованную память.

Итак, человек давно прошедших времен отличался по всей своей конституции от человека более позднего времени и еще больше от человека современного. Современный человек в бодрственном состоянии носит внутри себя "я" и астральное тело, как бы не замечая их; большинство людей не замечает, как физическое тело несет внутри себя вместе с эфирным телом гораздо более важную организацию астрального тела и "я". Вы, конечно, знакомы с этими взаимосвязями. Но древнее человечество ощущало этот факт своего собственного существа совершенно иначе. И так обстоит дело с человечеством, к которому мы должны обратиться, когда мы возвращаемся к третьей эпохе послееатлантической культуры - египетско-халдейской. В то время человек переживал себя как дух и душу в значительной степени за пределами своего физического и эфирного тела даже в бодрственном состоянии. Он знал, как различать: это мой дух и душа, - мы, конечно, называем их "я" и астральным телом, - и это соединено с моим физическим и эфирным телом. Человек проходил через мир с этим переживанием двойственности. Он не называл свое физическое и эфирное тело - "я". Он называл "я" только свою душу и дух, - то, что было духовным и было определенным образом связано внизу с его физическим и эфирным телами, имело с ними такую связь, которую он мог наблюдать и чувствовать. И в своем духе и душе - в "я" и астральном теле - человек осознавал вхождение божественно-духовных иерархий, так же как теперь он чувствует вхождение природных веществ в свое физическое тело.

Теперь человеческое переживание в физическом теле имеет следующую природу. Человек знает, что через процесс питания, процесс дыхания он воспринимает субстанции внешних царств природы: сначала они снаружи, затем - внутри него. Они входят в него, проникают в него и становятся частью его самого. В те ранние эпохи, когда человек переживал некое обособление своей душевно-духовной природы от своего физическо-эфирного, он знал, что Ангелы, Архангелы и другие существа вплоть до более высоких иерархий сами суть духовные субстанции, которые проникают в его душу и дух и становятся, если можно так выразиться, частью его самого. Так что в каждое мгновение жизни он мог сказать: во мне живут боги. И он смотрел на свое "я" не как на сотворенное снизу, средствами физических и эфирных субстанций, а как на дарованное милостью свыше, как на приходящее от иерархий. И как ношу или, скорее, как повозку жизни, в которой он был вынужден передвигаться в физическом мире, - так представлял он себе свою физическо-эфирную природу. Не уяснив этого, мы не поймем хода событий в эволюции человечества.

Теперь мы проследим этот ход событий на множестве разных примеров. Сегодня путеводной нитью нам будет то же самое, чего я коснулся тринадцать лет назад, когда говорил об историко-мифологическом документе, который изображает самую древнюю фазу развития, - именно ее мы теперь собираемся рассматривать: я подразумеваю эпос о Гильгамеше. Эпос о Гильгамеше имеет отчасти былинный характер, и поэтому сегодня я передаю вам события, которые я описывал тринадцать лет назад, так, как они представляются непосредственно духовному видению.

В некоем городе в Малой Азии - он назван в эпосе Эрек* - жил человек, принадлежавший к типу завоевателя, о котором мы говорили в последней лекции, - типу, который закономерно происходил из всех душевных и социальных условий эпохи. /*Город назван в Библии (Бытие 10, 10) Эреком;

клинописный текст именуется Урук./ Эпос называет его Гильгамешем. Мы имеем, значит, дело с личностью, которая сохранила множество особенностей человечества более ранних времен. Но этой личности было ясно, что она имеет как бы двойственную природу, - с одной стороны, духовно-душевную природу, в которую спускаются боги, а с другой стороны - физическо-эфирную, в которую входят физические и эфирные земные и космические субстанции, - представители человечества ее времени уже стояли перед переходом к следующей ступени человеческой эволюции. Переход этот заключался в следующем: "я"-сознание, которое незадолго перед этим находилось в душевно-духовной части, теперь, если можно так выразиться, погрузилось в физическо-эфирную часть, так что Гильгамеш был одним из тех, которые перестали говорить "я" духовно-душевной части своего существа, той, где они ощущали присутствие богов, а говорили "я" тому, что было в них от земного и эфирного. Это был новый строй души.

Но вместе с таким душевным строем, когда "я" спустилось из духа и души и вошло в качестве сознательного "я" в телесное и эфирное, эта личность сохранила еще в себе привычки, принадлежащие к прошлому, и в особенности привычку переживания памяти исключительно в связи с ритмом. Еще она удержала то внутреннее чувство, которое было необходимо, чтобы учиться познавать силы смерти, ибо только силы смерти могут дать человеку то, что приводит его к разумности. Таким образом, исходя из факта, что личность Гильгамеша приводит нас к душе, которая уже прошла через много инкарнаций на Земле и теперь вошла в новую форму человеческого существования, которое я уже описывал, мы находим его у той черты физического существования, которая рождает в нем некую неуверенность. Древняя привычка к завоеваниям и древняя ритмическая память становились неуместными для жизни на Земле. И потому переживания Гильгамеша были исключительно переживаниями переходной эпохи. Поэтому произошло так, что, когда эта личность по старой привычке завладела городом, который в эпосе назван Эрек, в городе возникла смута. Сначала Гильгамеш вызывал неприязнь. В нем видели чужака, и он на самом деле не смог бы в одиночку справиться со всеми трудностями, которые возникли в результате захвата города. Затем там появилась, - ибо судьба привела ее туда, - другая личность. Эпос о Гильгамеше называет ее Эабани.*/*В клинописном тексте назван Энкиду или Энгиду./ Эта личность относительно поздно спустилась на Землю из того планетарного существования, которое земное человечество вело на протяжении некоторого времени и описание которого вы можете найти в моем "Очерке тайноведения". Вы знаете, что во времена атлантической эпохи души нисходили - одни раньше, другие позже - на Землю с разных планет, будучи удалены туда с Земли на очень ранней ступени земной эволюции.

В Гильгамеше перед нами выступает индивидуальность, которая вернулась сравнительно рано на Землю; так что ко времени, о котором мы говорим, она уже пережила много земных воплощений. В другой индивидуальности, которая теперь также пришла в тот город, мы имеем такую, которая пребывала сравнительно долго в планетарном бытии и лишь позднее обрела свой путь обратно на Землю. Вы можете прочесть об этом в моих штутгартских лекциях, читанных с несколько другой точки зрения тринадцать лет назад.

Итак, эта вторая индивидуальность вошла в тесную дружбу с Гильгамешем, и совместно они смогли учредить социальную жизнь города на действительно прочной основе. Это было возможно потому, что у этой второй индивидуальности оставался большой запас знаний, приобретенный за время пребывания в Космосе вне Земли, по причине малочисленности земных инкарнаций. Эабани имел, как я уже говорил в Штутгарте, нечто

вроде просветленного восприятия - ясновидение, яснослышание и то, что мы можем назвать ясноведением. Таким образом, мы имеем в одной личности остатки древних завоевательских обычаев и ритмически настроенной памяти, а в другой - то, что осталось ей от видения и прозрения в скрытые мистерии Космоса; из слияния этих двух вещей выросла, как порой случалось в те древние времена, вся социальная структура этого города в Малой Азии. Мир и счастье низошли на город и его обитателей, и все было бы в порядке, не случись одного события, которое повернуло весь ход дела в другом направлении.

В этом городе существовали мистерии, мистерии некой богини, и эти мистерии хранили очень много тайн Космоса. Но это были в смысле тех времен, можно сказать, синкретические мистерии, то есть в этих мистериях были собраны откровения из разных мистерий Азии. И содержание этих мистерий культивировалось и преподавалось там различными и меняющимися, сообразно моменту, способами. Но это было труднодостижимо для личности, которая носит в эпосе имя Гильгамеша, и он высказал обвинение против мистерий, считая, что их учения противоречивы. И так как две личности, о которых мы говорим, держали в своих руках на деле весь порядок в городе, так что возражения против мистерий исходили с самой вершины социальной лестницы, возникшие трудности довели до того, что мистериальные жрецы воззвали к тем силам, которые в прежние времена были доступны человеку в мистериях. Вы не удивитесь, услышав, что в древних мистериях человек мог действительно обращаться к духовным существам высших иерархий, ибо, как я говорил вам вчера, для Древнего Востока Азия была ничем иным, как низшим небом, и на этом низшем небе человек сознавал присутствие божественно-духовных существ и общался с ними. Такое общение особенно культивировалось в мистериях. Итак, жрецы мистерий Иштар обратились к тем духовным силам, к которым они всегда обращались, когда искали просветления, и вышло так, что эти духовные силы наложили некую кару на город.

В те времена это выражали следующим образом: нечто, бывшее в действительности высокой духовной силой, действовало в Эреке как звериная сила, как страшная, призрачная звериная сила. Всевозможные беды обрушились на жителей - физические болезни, а также душевные расстройства. В результате личность, привязанная к Гильгамешу, именуемая в эпосе Эбани, умерла, но, дабы миссия другой личности могла быть продолжена на Земле, она осталась в духовной связи с этой личностью даже после своей смерти. Итак, когда мы рассматриваем последующую жизнь и развитие личности, которая в эпосе носит имя Гильгамеша, мы должны видеть в ней еще совместную деятельность двух личностей, причем таким образом, что в последующие годы жизни Гильгамеш получает интуиции и озарения от Эбани и продолжает действовать, хотя и в одиночку, но не просто из собственной воли, а из воли их обоих, из слияния обеих волей.

То, что я представил вам здесь, есть нечто такое, что было вполне осуществимо в те древние времена. Человеческая жизнь мысли и чувств не была тогда столь же единой и неделимой, как теперь. Поэтому человек не мог иметь опыта свободы в том смысле, в каком мы знаем его теперь. Было вполне возможно либо для духовного существа, которое никогда не воплощалось на Земле, действовать через волю земной личности, либо, как в этом случае, для человека, который прошел через врата смерти и вел посмертное существование, говорить и действовать через волю какой-нибудь личности на Земле. Так было с Гильгамешем. И из того, что возникло из слияния двух волей, Гильгамеш смог познать с достаточной ясностью, в каком моменте в истории человечества стоял он сам. Благодаря влиянию духа, который инспирировал его, он начал познавать, что "я" погрузилось в

физическое и в эфирное тела, которые смертны, и с этого момента проблема бессмертия начала играть весьма сильную роль в его жизни. Все его устремления были направлены на то, чтобы теми или иными средствами проникнуть в самое сердце этой проблемы. Мистерии, в которых сохранялось то, что могло быть сказано в те дни на Земле относительно бессмертия, неохотно открывали свои тайны Гильгамешу. Мистерии еще имели собственные традиции, и в их традициях сохранялось также в значительной мере живое знание, существовавшее на Земле в атлантические времена, когда древняя, первоначальная мудрость правила среди людей.

Но носители этой первоначальной мудрости, которые некогда странствовали по Земле в качестве духовных существ, давным-давно удалились с нее и основали космическую колонию на Луне, так как это чистое ребячество считать, что Луна есть мертвое, обледенелое тело, как это описывают современные физики. Луна есть, прежде всего, космическое местопребывание тех духовных существ, которые были первыми великими учителями земного человечества, - существ, которые некогда принесли земному человечеству первородную мудрость и которые, когда Луна покинула Землю и нашла себе место в планетарной системе, также удалились и устроили себе обитель на Луне. Тот, кто в наши дни через имагинативное восприятие может достигнуть истинного познания Луны, получает также познание духовных существ этой космической колонии, которые были некогда учителями древней мудрости человечества на Земле. То, чему они учили, сохранялось в мистериях, равно как и те импульсы, через которые человек сам мог придти в определенную связь с этой древней мудростью. Личность, которая именуется в эпосе Гильгамешем, не имела однако живой связи с мистериями Малой Азии. Но благодаря сверхчувственному воздействию друга, который в посмертном существовании был еще с ним связан, в Гильгамеше возник внутренний импульс искать в мире путь, на котором он мог бы прийти к переживанию бессмертия души.

Впоследствии, в средние века, если человек желал узнать что-то относительно духовного мира, он должен был погрузиться в собственное внутреннее существо. В новейшие времена скажут, что нужен еще более внутренний процесс. Но в той древности, о которой мы говорим, для человека было фактом ясного и точного знания, что Земля есть не просто глыба камня, о которой говорят книги по геологии, но что Земля - живое существо, - более того, живое существо, наделенное духом и душой; как крошечное насекомое, которое ползает по человеку, и может что-то узнать о человеческом существе, когда проползает по его носу и лбу или по его волосам; как насекомое достигает своих познаний таким способом, совершая путешествие по человеку, так и в те древние времена через странствия и познание Земли с ее различной конфигурацией в разных регионах человек достигал проникновения в духовный мир. И он мог это делать независимо от того, был ли ему открыт доступ в мистерии или нет. В действительности, нет более поверхностного описания, чем рассказы о том, как Пифагор и другие* скитались вдоль и поперек в поисках знания. /*См. Диоген Лаэртский "Знаменитые философы", том II, книга 8, "Пифагор"; см. также "Платон" и др./ Человек странствовал по Земле, чтобы воспринимать то, что открывалось в этих многообразных конфигурациях, в том, что он мог наблюдать в различных формах и очертаниях Земли в разных местах, и не только Земли в ее физическом аспекте, но Земли также как души и духа. В наши дни человек может отправиться в Африку, в Италию, - и все же, за вычетом внешних подробностей, которые привлекают внимание и бросаются в глаза, его переживания в этих местах может очень мало отличаться от его переживаний дома. Ибо человеческая восприимчивость к глубоким различиям, которые существуют между разными местами Земли,

утратилась. А в тот период, которым мы теперь занимаемся, она еще не отмерла. Поэтому импульс странствий по Земле, дабы обрести через это что-нибудь, что помогло бы решить проблему бессмертия, имел для Гильгамеша глубокий смысл.

Итак, он пустился странствовать. И это привело его к очень важному результату. Он пришел в область, близкую к той, которую мы теперь называем Бургенланд; это район, о котором много говорили в недавние времена и относительно которого много препирались - будет ли он принадлежать Венгрии или нет. Все социальные условия страны, конечно, сильно изменились с тех отдаленных времен. Гильгамеш пришел туда и нашел там мистериальный центр, - главный жрец мистерий зовется в эпосе Ксисутрос*./Или Бероссос, грецизированная форма шумерийского имени Зиусудра, - жрец Бея в Вавилоне, который около 280 г. до Р.Х. написал на греческом языке вавилоно-халдейскую историю, почерпнутую из вавилонских храмовых архивов; в клинописном тексте Утнапиштим./ Эти древние мистерии были подлинными наследниками старых атлантических мистерий, - только, конечно, в измененной форме, как тому и следовало быть по прошествии столь долгого времени.

И было так, что в этом древнем мистериальном центре знали, как оценить и взвесить способность познания, которой обладал Гильгамеш. Он был встречен с пониманием. Ему предстояло пройти испытание - одно из тех, что в те дни часто накладывались на учеников мистерий. Он должен был выполнить определенные упражнения при полном бодрствовании в течение семи дней и семи ночей. Это было слишком много для него, и его подвергли только суррогату подобного испытания. Для него были приготовлены некие вещества, которые он принял и с их помощью получил известное озарение, хотя, как это всегда бывает в тех случаях, когда экстремальные условия не соблюдаются, озарение могло быть сомнительным в некоторых отношениях. Тем не менее, какая-то степень озарения была достигнута, и произошло известное проникновение в великие взаимосвязи Вселенной, в духовную структуру Вселенной. И потому, когда Гильгамеш завершил свое странствие и вернулся домой, он фактически обладал высоким духовным проникновением.

Он странствовал вдоль Дуная, продвигаясь по северному берегу реки, пока снова не прибыл домой на свою родину, на свою обетованную землю. Но раньше, чем он прибыл домой, - ввиду того, что он получил посвящение в послееатлантические мистерии не оптимальным, а отчасти неправильным способом, - его настигло первое же искушение, которое обрушилось на него и ввергло его в ужасный порыв гнева; это случилось в связи с происшествием, которое привлекло его внимание: до его слуха дошли известия о некоторых происшедших в городе событиях. Он услышал о случившемся прежде, чем достиг города и разразился бурей гнева; и в результате этого озарение, полученное им, почти полностью померкло, так что он прибыл домой без него.

Тем не менее, - и в этом особенная черта этой личности, - он еще обладал способностью через связь с духом своего умершего друга прозревать в духовный мир или, по крайней мере, получать сообщения оттуда. Но это все-таки разные вещи - средствами посвящения обрести непосредственное видение в духовном мире или получать сообщения от личности из загробного мира. Все же можно утверждать определенно, что у Гильгамеша осталось нечто от прозрения в природу бессмертия. Я оставляю пока в стороне переживания, через которые проходит человек после смерти; они и в те дни уже не играли значительной роли в сознании последующей инкарнации; во внутренней структуре жизни они проявлялись очень сильно, но не в сознании.

Таким образом, перед вами две эти личности, которых я описал и которые совместно привели к выражению духовную конституцию человека третьей послеатлантической культурной эпохи, приблизительно в средней точке ее развития, - эти две личности, которые жили еще таким образом, что весь уклад их жизни был сам по себе строгим доказательством двойственности человеческой природы. Один из них - Гильгамеш - осознавал эту двойственность, хотя он одним из первых пережил нисхождение "я"-сознания, нисхождения "я" в физическую и эфирную природу человека. Другой, в силу того, что он прошел на Земле через малое число инкарнаций, обладал ясновидческим познанием, благодаря которому знал, что не существует такой вещи, как материя, но все является духовным, а так называемое материальное - только другая форма духовного.

Теперь вам должно быть ясно: если человеческое существо тогда было устроено таким образом, то человек, конечно, не мог думать и чувствовать так же, как мы теперь. Все его мышление и чувство полностью отличались от нашего. И то, что такие личности могли получать, конечно, было совершенно не похоже на то, что преподают теперь в школах и университетах. В те дни все, что получал человек, все, имевшее духовную или культурную природу, приходило к нему из мистерий, откуда оно распространялось среди людей всеми возможными путями. Мудрецы мистерий, жрецы были подлинными попечителями человечества.

Так что особенностью этих двух личностей было то, что в описываемой инкарнации они были неспособны - из-за особого устройства души - приблизиться к мистериям своей родины. Тот, кого эпос зовет Эбани, был близок мистериям благодаря своему пребыванию во внеземных областях Космоса; тот, кого звали Гильгамеш, пережил род посвящения в послеатлантические мистерии, что породило, однако, только незрелый плод. В результате оба как бы чувствовали в своем существе нечто такое, что приближало их к первичным временам земного человечества. Оба могли спросить себя: как мы стали такими? Какую роль мы играли в эволюции Земли? Ведь мы стали такими благодаря эволюции Земли; какой же путь мы проделали?

Вопрос о бессмертии, который был причиной таких страданий и разлада для Гильгамеша, был связан в те дни с необходимостью прозрения в развитие Земли с прадревних времен. В те времена нельзя было мыслить или переживать бессмертие души до тех пор, пока не происходило одновременно некоего прозрения в то, как души людей, которые присутствовали уже в очень ранних фазах Земли, - во время ступеней развития Древнего Солнца и Древней Луны, - созерцали приближение того, что впоследствии стало земным. Люди чувствовали свою принадлежность Земле. Они чувствовали, что для самопознания человек должен прозревать свою связь с Землей.

Тайное знание, которое культивировалось во всех мистериях Азии, было в первую очередь и по преимуществу космическим знанием; мистериальная мудрость и учения раскрывали истоки земной эволюции в связи с Космосом. Так что в этих мистериях перед человеком открывалось жизненным образом - таким, что это могло в нем стать животворными идеями, - широкое обозрение того, как развивалась Земля и как в бурлении и кипении субстанций и сил Земли, через все солнечные, лунные и земные периоды эволюции человек развивался вместе со всеми этими субстанциями. Все это живейшим образом преподносилось человеку.

Один из центров мистерий, где преподавались такие вещи, уцелел в гораздо более поздние времена. Это были Эфесские мистерии, мистерии Артемиды Эфесской. Мистерии имели в самой середине своего алтаря изображение богини Артемиды. Когда в наше время мы рассматриваем

репродукцию богини Артемиды Эфесской, то имеем, пожалуй, лишь гротескное впечатление от женского образа со множеством грудей. Это потому, что мы не представляем, как подобные вещи переживались в древние времена; тогда значительным было именно переживание, совершавшееся перед лицом того или иного факта. Ученики мистерий должны были проходить через известные приготовления, прежде чем приводились к подлинному центру мистерий. В Эфесских мистериях центром было это изображение богини Артемиды. Когда ученик возводился к центру, он становился единым с подобным изображением. Когда он стоял перед изображением, он терял сознание того, что пребывает в границах своей кожи. Это отождествление себя в сознании с божественным образом имело в Эфесе следующий результат: ученик теперь уже не просто смотрел на земные царства природы, которые окружали его, на камни, деревья, реки, облака и т.д. - но, когда он чувствовал себя единым с образом Артемиды, когда как бы входил в образ Артемиды, он получал внутреннее видение своей связи с эфирными царствами. Он чувствовал себя единым с миром звезд, единым с процессами в мире звезд. Он не воспринимал земную субстанцию под человеческой кожей, он ощущал свое космическое бытие. Он ощущал себя в эфирном.

И при этом перед ним возникали ранние состояния Земли и человеческой жизни на Земле. Он начинал видеть, чем были эти ранние состояния. В настоящее время мы рассматриваем Землю как большую каменную глыбу или скалу, покрытую на большей части поверхности водой и окруженную воздушной сферой, содержащей кислород, азот и другие вещества, - содержащей фактически то, что требуется челове-

скому существу для дыхания и т.д. И когда начинают умозрительно истолковывать то, что предлагает со временное научное знание, тогда мы приходим к прелестным результатам! Ибо только посредством духовного видения можно проникнуть к условиям, преобладавшим в прадревние времена. Но подобное духовное видение, относящееся к первичным состояниям Земли и человечества,* достигалось Эфесскими учениками, когда они отождествляли себя с образом богини. /*См. "Очерк Тайноведения", а также "Эволюция с точки зрения истинного" (ИПН, том 132) и лекцию от 01. 12. 1923 г. в "Обликах Мистерий" (ИПН том 232)./ Они приходили к постижению того, что прежде окружение Земли (теперешняя атмосфера) было не таким: окружением Земли на месте нынешней атмосферы был необычайно разреженный белок, летуче-текучее белковое вещество. И они видели, как все живущее на Земле черпало для своего существования силы из этого летуче-текучего белкового вещества, которое было распространено над Землю; и также все жило в этом веществе. Они видели, как то, что уже наличествовало в некотором смысле внутри этого вещества, - тонко распределенное, повсюду стремящееся к кристаллизации (см. рис. на стр. 56, красноватое), - как то, что существовало в необычайно разреженном состоянии в виде кремниевой кислоты, было в действительности чем-то вроде органа восприятия для Земли и могло воспринимать в себя со всех сторон имагинации и влияния из окружающего Космоса. И, таким образом, в кремниевой кислоте, содержащейся в земной белковой атмосфере, были повсюду имагинации, - конкретно, внешне обнаруживаемые.

Эти имагинации имели форму гигантского растениеобразного организма, и из того, что было, так сказать, "имагинировано" в Землю таким способом, развились позднее - через поглощение атмосферной субстанции - растения, то есть все то, что имеет растениеобразную природу. Сначала оно было в окружении Земли в летучей флюидической форме, только позднее

оно погрузилось в почву и стало тем, что нам известно как растения. Помимо кремниевой кислоты в эту белковую атмосферу было также внедрено другое вещество - известь в крайне разреженном состоянии. Опять-таки, из этой известковой субстанции под влиянием свертывания белка возникло животное царство. А человеческое существо воспринимало себя внутри всего этого. Оно ощущало себя единым с Землей. Оно жило в том, что Земля творила из сил имажинации как растительное, жило в том, что возникало в земном как животное, так, как я вам сейчас описал. Каждый человек ощущал себя, в сущности, распростертым по всей Земле, единым с Землей. Так что человеческие существа - как я описывал в связи с платоновским учением в книге "Христианство как мистический факт" человеческую идееобразующую способность - проницали друг друга.

Итак, судьба привела к тому, что две личности, о которых я говорил в Штутгарте и говорю вам снова здесь, перевоплотились в последователей мистерий Эфеса и там восприняли в свои души с глубоким благочестием те вещи, которые я здесь обрисовал в общих чертах. Благодаря этому их души были как бы внутренне уплотнены. Через мистерии они теперь восприняли как земную мудрость то, что прежде было доступно им только в переживании, - но по большей части в переживании бессознательном. Таков был человеческий опыт этих личностей, поделенный между двумя отдельными инкарнациями. Благодаря этому они несли внутри себя крепкое сознание человеческой связи с высшим, с духовным миром и вместе с тем крепкую, интенсивную способность чувствовать и переживать свое отношение к земному.

Ибо если вы постоянно имеете два совместных течения, которые вы не можете разделить, тогда они растворяются и теряются друг в друге. Если же они ясно различимы, вы можете судить об одном с помощью другого. Эти две личности могли также, с одной стороны, из самой жизни судить о духовном аспекте высшего мира, что приходило к ним как отзвук из прежних инкарнаций. И теперь - так как происхождение царств природы было им сообщено в мистериях Эфеса под влиянием богини Артемиды - они могли, с другой стороны, понимать, как возникли вещи, находящиеся на Земле вне человека, как постепенно все внечеловеческое на Земле было образовано из первичного вещества и как это же вещество воспринял также и человек. И жизнь этих двух личностей - которая частично приходится на последние годы, когда Гераклит* еще жил в Эфесе, а отчасти на последующее время, - стала особенно богатой внутренне и была мощно озарена изнутри светом великих космических тайн. Было в них кроме того крепкое сознание того, как человек в своей душевной жизни может быть соединен не только с тем, что горизонтально распростерто вокруг него на Земле, но и с тем, что тянет ввысь, когда он сам достигает высот своим существом. /*Гераклит Эфесский, около 535-475 до Р.Х. - философ досакратик./ Такова была внутренняя организация душ этих двух личностей, которые действовали совместно в начале египетско-халдейской эпохи, а затем вместе жили во времена Гераклита и впоследствии в связи с мистериями Эфеса. И теперь эта совместная деятельность может быть прослежена дальше. Организация души, которая развилась у обоих, прошла через смерть, через духовный мир и начала готовить себя к земной жизни, которая должна была опять-таки поставить задачи, которые теперь, конечно, выглядели совершенно иначе. И когда мы наблюдаем, каким образом эти личности находили затем свой путь в истории земного развития, мы можем видеть, как благодаря переживаниям души в прежние времена (эти переживания имеют свое кармическое продолжение в следующей земной жизни) подготавливаются такие вещи, которые принимают совершенно другую форму в последующей жизни, после того, как эти личности еще раз вступают в земную эволюцию человечества.

Я привел этот пример потому, что эти две личности появились в конце того периода, который имел необычайное значение в истории человечества. Я указывал на это в моих лекциях в Штутгарте тринадцать лет назад; фактически я разбирал все это с определенной точки зрения. Эти личности, которые сначала, в египетско-халдейскую эпоху, прошли через то, что я могу назвать широкомасштабной космической жизнью, а затем углубили этот космический опыт внутренне, в смысле определенного уплотнения своих душ, теперь, в последующей инкарнации, жили как Аристотель и Александр Великий*./ *Аристотель, 384-322 до Р.Х.; Александр Великий, 356-323 до Р.Х. с 336 македонский царь, умер в Вавилоне./ Когда понимают скрытые глубины душ Аристотеля и Александра Великого, тогда начинает проясняться, как я объяснял в Штутгарте, все, что проявилось столь проблематично в этих двух личностях, чья жизнь протекала во времена, когда греческая культура склонялась к упадку и начинало преобладать римское владычество.

Об этом мы поговорим завтра, в последующей лекции.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Дорнах, 27 декабря 1923 г.

Моей вчерашней задачей было показать на примере отдельных личностей, как историческое развитие мира идет своим путем. Тот, кто стремится к дальнейшему углублению в духовную науку, не может представлять вещи, не указывая на последствия событий, отражающиеся в человеческом существе. Ибо только в нашу эпоху человек ощущает себя - по причинам, которые мы будем обсуждать в ходе этих лекций - отрезанным как отдельное существо от остального мира. Во все предыдущие эпохи и, надо отметить, во все последующие, человек ощущал и снова будет ощущать себя членом всего Космоса, принадлежащим всему миру, так же как палец (как я часто говорил) не может отдельно быть сам по себе, но может существовать только при человеческом организме. Ибо в тот момент, когда палец отделен от организма, он больше не палец, он начинает отмирать, он - нечто совсем другое и подчинен совсем другим законам, нежели когда он принадлежит человеческому организму. И как палец является пальцем в связи со всем организмом, тем же самым образом человек есть существо, имеющее ту или другую форму - во время земной жизни или в жизни между смертью и новым рождением - в связи с космическим целым. Сознание этого было в прежние эпохи и снова возникнет в будущем; оно только померкло и затемнилось, дабы человек мог развить полноту переживания свободы. Но чем больше мы углубляемся в древние времена, тем больше находим у человека сознание принадлежности ко всему Космосу.

Я обрисовал вам две личности: одну, именуемую в знаменитом эпосе Гильгамешем, и другую - Эбани. Я показал вам, как эти личности жили в древнюю египетско-халдейскую эпоху в соответствии с тем, что было возможно для людей того времени, и как они затем через Эфесские мистерии пережили углубление. И я сказал вам в конце моей вчерашней лекции, что те же самые человеческие существа принимали позднее участие в историческом развитии мира как Аристотель и Александр. Чтобы теперь полностью понять ход земного развития в те времена, когда все это происходило, мы должны всмотреться более пристально в то, что такие души могли воспринять в себя в эти три следующие друг за другом периода.

Я говорил вам о том, как личность, которая скрыта под именем Гильгамеша, предприняла паломничество на Запад и прошла через род западного послеатлантического посвящения. Образуем себе сначала понятие о природе подобного посвящения, чтобы лучше усвоить то, что пришло позднее. Нам надо, естественно, обратиться к тому месту, где отзвук древнего атлантического посвящения сохранялся продолжительное время. Это относится к Гибернийским мистериям*, о которых я недавно говорил нашим Дорнахским друзьям. Я должен теперь повторить кое-что из сказанного тогда, прежде чем мы сможем прийти к полному и ясному пониманию разбираемого предмета. /*(Подробнее см. в Материалах к Изданию полного наследия Рудольфа Штейнера, вып. № 69)./

Незадолго перед тем - 7, 8 и 9 декабря 1923 г. (в "Обликах мистерий", Издание полного наследия, том 232) - Рудольф Штейнер уже подробно говорил об этом. Сравнение обоих описаний может привести к вопросу, не идет ли при этом речь о двух взаимоисключающих описаниях одной и той же вещи: процесс, который описан в лекциях "Облики мистерий", - переживание зимних имагинаций под воздействием солнечной колонны, переживание летних имагинаций под воздействием лунной колонны - кажущимся образом перечеркивается описанием в лекции от 27 декабря, где зимние образы возникают как раз от лунной колонны, а летние - от солнечной. Более точное сравнение обоих описаний приводит все же к тому, что речь идет о двух различных аспектах переживания: в предлагаемой лекции - о переживании непосредственно перед обоими колоннами, благодаря которому ученик познает себя самого как солнечное или лунное существо; напротив, в лекции от 8 декабря - о постепенно впервые возникающем отзвуке, обусловленном произошедшим переживанием колонн, которые открываются ученику как приступающие извне космические действия Солнца и Луны.

Мистерии Гибернии, ирландские мистерии, существовали долгое время. Они оставались еще ко времени основания христианства, и это были мистерии, которые в достовернейшем виде сохранили определенные черты древнего учения мудрости атлантических народов. Позвольте обрисовать вам переживания человека, посвящаемого в ирландские мистерии в послеатлантическую эпоху. Прежде чем получить посвящение, он должен был быть строго подготовлен; подготовка, через которую надо было пройти до вхождения в мистерии, всегда была в те времена необычайно строгой и суровой. Человек, собственно, должен был внутренне преобразить свой душевный строй, всю свою человеческую конституцию. В Гибернийских мистериях считалось важным, чтобы ученик научился распознавать в мощном внутреннем переживании, что иллюзорно в его окружении, - во всех тех вещах, которым человек приписывает существование на почве своего чувственного восприятия. Тогда он мог бы осознать все трудности и препятствия, которые встречают человека, когда он стремится к истине, подлинной истине. И ему показывали, как, в сущности, все, что окружает нас в чувственном мире, есть иллюзия и что истина скрывается позади иллюзии, так что истинное бытие фактически недоступно человеку через чувственное восприятие.

Возможно, теперь вы скажете, что сами давно уже пришли к этому убеждению; что вы знаете это достаточно хорошо. Но все познания, которые человек может иметь в современном сознании относительно иллюзорного характера мира чувств, есть ничто по сравнению с тем внутренним надрывом, внутренней трагикой, которую люди тех времен переживали при подготовке к Гибернийскому посвящению. Ибо, когда говорят теоретически: все есть майя, все есть иллюзия, - то принимают это слишком легко. Но тренировка Гибернийских учеников направлялась к такому моменту, когда они должны были сказать себе: для человека нет возможности пробиться

сквозь иллюзию и прийти к подлинному, истинному бытию.

Учеников готовили таким образом, что поначалу, исходя из отчаяния, они довольствовались иллюзией. Они приходили в состояние отчаяния: иллюзорность, воспринимаемая ими, была настолько всемогущей и настолько всеобъемлющей, что невозможно было пробиться сквозь нее. И в жизни этих учеников мы всегда находим настрой: прекрасно, тогда мы должны оставаться в иллюзии. Но это значит: мы должны утратить почву под ногами, ибо нельзя твердо стоять на почве иллюзии. – Поистине, мои дорогие друзья, о строгости и суровости подготовки в древних мистериях мы едва ли можем составить представление. Люди отшатнулись бы в ужасе перед тем, чего требует действительное внутреннее развитие.

Таким было переживание, которое приходило к ученикам относительно бытия и его иллюзорного характера. А затем их ожидало сходное переживание относительно поиска истины. Они учились постигать помехи, которые человек имеет в своих эмоциях, мешающих ему придти к истине, все мутные и буйные чувства, колеблющие ясный свет знания. И тогда еще раз они приходили к великому моменту, когда говорили себе: если нет истины, тогда мы живем - мы должны жить - в заблуждении, в неправде! Ибо для человека такой приход к периоду жизни, когда он отчаивается в бытии и истине, означает то, что он вырывает из себя свою человеческую сущность.

И все это давалось, дабы человек через переживание, обратное тому, которого он должен был достичь в конце в качестве своей цели, мог прийти к этой цели с правильным и глубоким человеческим чувством. Ибо пока не выучишься тому, что значит жить в заблуждении и иллюзии, не сможешь ценить бытие и истину. И ученик Гибернии должен был учиться ценить истину и бытие. И когда все это было пройдено, после переживания как бы до самого предела противоположного полюса тому, чего могли бы достичь, ученики вводились (и здесь я должен правильно передать то, что как реальность имело место в Гибернийских мистериях), - они вводились в род святилища, где находились две статуи-колонны необычайно мощной гипнотической силы и гигантского размера. Одна из этих статуй-колонн внутри была полый; оболочка, заключавшая полое пространство, то есть весь материал, из которого состояла статуя, был целиком эластичным. При нажатии на статую в месте давления образовывалась выемка, но стоило перестать давить, как форма восстанавливалась. Вся статуя-колонна была сделана таким образом, что в наибольшей степени была проработана голова; когда человек приближался к статуе, он имел следующее ощущение: силы устремляются из головы в гигантское тело. Ибо, конечно, он не мог видеть внутреннего пространства, он мог ощутить его только при нажатии. И ученика поощряли нажать. Он имел чувство, что силы головы излучаются по всему остальному телу, что в этой статуе голова значит все.

Я охотно допускаю, мои дорогие друзья, что если современный человек в нашей нынешней повседневной прозе жизни предстал бы перед этой статуей, он едва ли был бы способен пережить что-нибудь, кроме абстрактных идей относительно нее. Это действительно так. Но совершенно другое дело - сначала пережить всем своим внутренним существом, душой и духом, да и кровью и нервами мощь иллюзии и мощь заблуждения, а затем после этого пережить суггестивную мощь подобной гигантской фигуры.

Статуя была мужского пола. Рядом с ней стояла другая статуя, женского пола. Она не была пустой. Она была сделана не из эластичного, а из пластичного материала. Когда ученик нажимал на эту статую, - опять-таки его побуждали сделать это, - он разрушал форму. Он образовывал впадину в теле.

После того, как ученик убеждался, как в одной статуе в силу ее эластичности форма всегда восстанавливается и как другая статуя деформируется при нажатии, и после некоторых других вещей, о которых я буду говорить, он покидал это место и вводился туда обратно, только когда все разрушения, которые он произвел в пластичной, неэластичной женской фигуре, были устранены и статуя вновь оказывалась неповрежденной. Благодаря всем приготовлениям, через которые ученик проходил, - я могу дать их только эскизно, - он имел в связи со статуей женской природы глубокое внутреннее переживание во всем своем существе - теле, душе и духе. Это внутреннее переживание было, конечно, уже подготовлено в нем раньше, но возникало в полной мере через гипнотическое влияние статуи. В нем возникало чувство внутреннего оцепенения. Это действовало в нем так, что он видел свою душу наполненной имагинациями. И эти имагинации были картинами земной снежной зимы, картинами, изображающими зиму Земли. Так ученик приводился к созерцанию зимнего в духе - изнутри наружу.

А в связи с другой, мужской статуей он имел иное переживание. Он чувствовал, как если бы все живое в нем, что обычно бывает рассредоточено по всему телу, вошло в его кровь, как если бы кровь была пронизана силами и рвалась из его кожи. Тогда как перед одной статуей он чувствовал, что становится обледенелым скелетом, он чувствовал теперь перед другой, что все живое в нем перегорает в тепле и он живет в туго натянутой коже. И это переживание всего нутра человека, рвущегося из кожи, позволяло ученику получить новое озарение. Он мог сказать себе: ты теперь чувствуешь, чем бы ты был, если бы из всего что есть в Космосе на тебя действовало одно Солнце. Таким способом он учился познавать деятельность Солнца в Космосе и то, как эта деятельность распределена в Космосе. Он учился познавать отношение человека к Солнцу. И он узнавал, что причина того, что человек в действительности не такой, каким он ощущал себя под гипнотическим влиянием солнечной статуи, заключалась в том, что другие силы, действуя из других углов Космоса, преобразуют эту деятельность Солнца. Таким путем ученик учился переживать себя в Космосе. А когда ученик испытывал гипнотическое влияние лунной статуи, когда в нем возникал крепкий мороз оцепенения и внутреннее переживание зимнего ландшафта (в случае солнечной статуи он переживал в духе летний ландшафт), тогда он чувствовал, чем он был бы, если бы существовали только лунные влияния.

Что в действительности знает человек о мире в наши дни? Он знает, скажем, что цветок цикория синий, что роза - красная, небо - голубое и т.д. Но эти факты не производят на него сильного или проникновенного впечатления. Это только сообщения о нашем ближайшем окружении. Если человек хочет знать тайны Космоса, он должен тогда стать всем своим существом и в сильной степени - органом чувства. Благодаря гипнотическому влиянию статуи Солнца все существо ученика сосредотачивалось в циркуляции крови. Он учился познавать себя как солнечное существо, когда переживал внутри себя это гипнотическое влияние. Он учился познавать себя как лунное существо, переживая гипнотическое влияние лунной статуи. И тогда он мог рассказать из этих внутренних переживаний, которые он получил, как Солнце и Луна действуют на человеческое существо, так же как теперь мы можем сказать из опыта нашего зрения, как действует на нас роза, или из опыта нашего слуха сказать о действии звука ми-бемоль и т.д. Так ученики этих мистерий переживали еще даже в послеатлантические времена, как человек включен в Космос. Это было для них непосредственным переживанием.

То, что я рассказал вам сегодня, есть всего лишь краткий очерк тех

грандиозных переживаний, которые обретались в мистериях Гибернии и продолжались вплоть до первых веков христианской эры. Это было космическое переживание - переживание Солнца и переживание Луны.

В мистериях Эфеса и Малой Азии ученик проходил переживания совершенно другого рода. Там он переживал особенно сильным образом, всем существом своим то, что впоследствии нашло парадигматическое выражение в начальных словах Иоаннова Евангелия: "В начале было Слово. И Слово было Богом. И Слово было Бог."

В Эфесе ученик приводился не к двум статуям, а к одной, известной как Артемида Эфесская. Отождествляя себя - как я говорил вчера - с этой статуей, которая воплощала полноту жизни, жизненное полнокровие, ученик прокладывал себе дорогу в космический эфир. Всем своим внутренним восприятием и переживанием он поднимался из простого земного существования к переживанию космического эфира. И тогда он был ведом к новому знанию. Прежде всего ему сообщалась истинная природа человеческого языка. А затем, исходя из человеческого языка, то есть из человеческого образа космического Логоса, ученику показывалось, как космическое Слово прядет и правит во Вселенной.

Повторяю, я могу описывать эти вещи лишь в грубых чертах, - то как они протекали. Внимание ученика пристально привлекалось к тому, что происходит, когда человеческое существо говорит, когда оно оставляет печать своего слова в исходящем дыхании. Ученик приводился к переживанию того, что человек своим внутренним деянием воплощает в жизнь, - что происходит в стихии воздуха; а затем того, как два дальнейших процесса соединяются с тем, что происходит в элементе воздуха.

Представьте, что мы здесь имеем выдохнутый воздух, в котором запечатлены некие слова, произнесенные человеком (см. рис. на стр. 68, правая часть, светло-синий с красной линией). В то время как это дыхание, оформленное в слова, устремляется из груди наружу, ритмическая вибрация опускается вниз и проходит по всему жидкому элементу, омывающему человеческий организм (желтый, вода). Так что в момент речи человек имеет на уровне гортани, его речевого органа, воздушные ритмы. Но вместе с речью происходит волнообразное вздымание и бурление всего жидкого тела в человеческом существе. Жидкость, находящаяся в человеке ниже речевой зоны, приходит в движение и вибрирует в резонанс. Вот что на самом деле означает то, что, когда мы говорим, наша речь сопровождается чувством. Если водный элемент в человеческом существе не будет вибрировать в резонанс подобным образом, речь будет исходить из него нейтрально, индифферентно, человек не будет пронизывать свою речь чувством. А вверх, в направлении головы, поднимается элемент тепла (красный), и слова, которые мы запечатлеваем в воздухе, сопровождают устремляющиеся вверх волны тепла, которые пронизывают голову и дают нашим словам возможность сопровождаться мыслью. Итак, когда мы говорим, то имеем три вещи: воздух, теплоту и воду или жидкость.

Этот процесс, который один дает полную картину того, что живет и струится в человеческой речи, принимался учеником Эфеса за исходный пункт. Тогда ему становилось ясно, что происходящее в человеческом существе есть антропоморфизированный космический процесс и что некогда, в отдаленные времена, сама Земля действовала подобным же образом. Только тогда это был не воздушный, а водный элемент, жидкий элемент (левая часть рисунка, синий), - который я описывал вчера как летучий жидкий белок, обладающий волнообразным движением и бурлением. В человеке, микрокосме, когда он говорит на исходящем

дыхании, был некогда вместо воздуха летучий жидкий элемент - белок, который окружал Землю в качестве атмосферы. И как теперь воздух переходит в элемент тепла, так белок вверху переходил в некий воздушный элемент (слева, светло-синий), а внизу в некий земной элемент (светлый). И подобно тому, как в нашем теле чувства возникают благодаря жидкому элементу, точно так же и в Земле зарождаются земные образования, земные силы, - все то, что действует внутри Земли. А вверху, в воздушном элементе, возникают прядущие космические мысли, творчески действующие в земном.

Величественным и мощным было впечатление, которое человеческое существо получало в Эфесе, когда ему показывали, как в его собственной речи живет микрокосмический отзвук того, что некогда было макрокосмическим. И когда ученик Эфеса говорил, он чувствовал приходившее к нему через переживание речи проникновение в деятельность космического Слова. Он мог воспринимать, как космическое Слово приводит в движение летуче-текущий элемент, придавая ему движение, полное смысла и важности; он видел также, как Слово восходит вверх - к творческой космической мысли, и вниз - к зарождающимся земным силам.

Так пролагал ученик себе путь в космическое, участь правильному пониманию того, что было в его собственной речи. "Внутри тебя находится человеческий Логос. Человеческий Логос действует через тебя во время твоей жизни на Земле. Ты, как человек, есть человеческий Логос (ибо через то, что устремляется вниз в жидком элементе, мы, как люди, формируемся из речи; тогда как через то, что устремляется вверх, мы обладаем человеческим мышлением во время нашей земной жизни. И если в тебе человеческая сущность есть микрокосмический Логос, то некогда в начале начал был Логос, и Он был с Богом, и Сам был Бог".

В Эфесе получали глубокое понимание этого, ибо понимание обреталось изнутри и через человеческое существо.

Рассматривая личность, подобную той, что скрывалась под именем Гильгамеша, вы должны помнить, что вся его жизнь протекала в ближайшем окружении мистерий, ибо вся культура, вся цивилизация в древние времена исходила из мистерий. Поэтому когда я называю вам имя "Гильгамеш", вы должны смотреть на него - поскольку он жил в Эреке - не как на лично посвященного в мистерии Эрека, но как на обитателя цивилизации, пронизанной переживаниями, обусловленными только что описанным отношением человека к Космосу. Затем к этой личности, во время ее паломничества на Запад, пришло переживание, которое позволило ей непосредственно познакомиться если не с самими Гибернийскими мистериями, - она не углублялась столь далеко, - то с тем, что культивировалось в колонии Гибернийских мистерий, находившейся, как я говорил вам, на месте нынешнего Бургенланда. То, что Гильгамеш получил там, жило в его душе и продолжало развиваться в жизни между смертью и новым рождением; а в следующей земной жизни он пережил в Эфесе углубление души.

Углубление души пережили обе индивидуальности, о которых мы говорили. Поистине это было, как если бы огромная волна поднялась из глубин цивилизации тех времен и обрушилась на души этих двоих. Они пережили в живой и насыщенной реальности то, что в послегомеровской Греции было только прекрасным отзвуком чего-то прошедшего.

Именно в Эфесе можно было иметь как бы запоздалое переживание всего этого. Эфес был тем местом, где также жил Гераклит и где столь многое из древней реальности можно было еще пережить даже в позднюю греческую эпоху вплоть до VI-V веков до Р. Х. В Эфесе еще можно было иметь ощущение цельной реальности, в которой некогда жил человек, - в те дни,

когда он еще имел непосредственное отношение к божественно-духовному, когда Азия была для него только низшим из небес, когда он еще имел связь с высшими небесами, объемлющими низшее. В те далекие времена человек переживал в Азии присутствие природных духов, а выше - присутствие Ангелов, Архангелов и т.д., а еще выше - Властей и остальных иерархий. И можно сказать: поскольку уже в самой Греции оставались только отзвуки прежней реальности и то, что было действительностью, трансформировалось в образы сказаний о героях (в которых, однако, еще ясно просматривались указания на изначальную реальность); поскольку в Греции драматический элемент изначальной реальности обрел жизнь в Эсхиле, - то в Эфесе, собственно, оставалась возможность того, что при погружении в глубокую тьму мистерий человек ощутит отзвуки той древней реальности, когда он еще жил в непосредственной взаимосвязи с божественно-духовным миром. Главной особенностью грека было то, что он взял древнее переживание человеком Космоса и погрузил его в миф, в прекрасное, в стихию искусства, преобразуя его в образы, которые казались ему более человеческими и близкими.

Теперь мы должны обратиться ко времени, когда, с одной стороны, греческая цивилизация достигла своей вершины, когда она гордо нанесла в персидских войнах как бы последний удар по древней азиатской реальности, а с другой - Греция уже начинала склоняться к упадку. Мы должны обрисовать себе, что должен был переживать человек подобной эпохи, если он еще носил в своей душе ясный отзвук того, что некогда было божественно-духовной земной реальностью в теле, душе и духе человека.

Мы увидим, как Александр Великий и Аристотель жили в мире, не вполне приспособленном для них, - в мире, который на самом деле таил для них большую трагедию. Дело в том, что Александр и Аристотель стояли в совершенно другом отношении к духовному, чем окружающие. Ибо хотя о них нельзя сказать, что они особенно интересовались Самофракийскими мистериями, они, тем не менее, чувствовали душевную близость к тому, что происходило с Кабирами в этих мистериях. По правде говоря, и в средние века были люди, которые понимали, что это значит. Современные люди имеют совершенно ложные представления о средневековье. Они не понимают, что вплоть до XIII и XIV столетий существовали личности во всех сословиях, которые обладали ясным духовным видением, - во всяком случае, в той области, которую на Древнем Востоке называли Азией. "Песнь об Александре", * написанная неким патером, является очень значительным документом позднего средневековья. По сравнению с современными историческими данными о деяниях Александра и Аристотеля поэма Лампрехта, созданная где-то в XII веке, являет грандиозную концепцию, родственную древнему пониманию того, что пришло через Александра Великого. /*Лампрехт - церковник, французский священнослужитель; поэма написана около 1125 г., всемирный эпос, - цветочный эпизод - см. собрание писем Александра матери и Аристотелю (стихи 5004-5205)./

Возьмите, к примеру, отрывок из поэмы, где дается такое удивительное описание: "С приходом весны вы идете в лес и попадаете на опушку, где цветут цветы и солнце стоит так, что тень падает от деревьев на цветы. И тогда вы можете видеть, как по весне в тени деревьев духи - дети цветов - выходят из цветочных чашечек и водят на поляне хороводы. " - В этом описании Лампрехта мы можем отчетливо воспринять отблеск древнего и подлинного переживания, еще доступного людям того времени. Они не входили в лес прозаически, говоря: здесь трава, а там цветы, а там вот деревья; но если они приближались к лесу, а солнце светило из-за него и тень падала на цветы, то в тени деревьев являлся им из цветов целый мир обитателей цветов, - обитателей, которые реально являлись им прежде, чем

они вступали в лес. Ибо, войдя в лес, они воспринимали других стихийных духов. Эта пляска цветочных духов являлась патеру Лампрехту, и ему особенно нравилось описывать ее. Это поистине значительно, мои дорогие друзья: Лампрехт еще даже в XII, в начале XII века, желая описать походы Александра, пронизывает их повсюду описаниями природы, которые содержат откровения о стихийных царствах. В основе его "Песни об Александре" лежало такое сознание: "Дабы описать то, что происходило некогда в Македонии, когда Александр начинал свои походы в Азию, наставляемый Аристотелем, мы не можем попросту описывать прозаическую Землю как раму этих событий; нет, описывая их достоверно, мы должны включить туда, наряду с прозаическим описанием Земли, царства элементарных существ".

Какой контраст с современной книгой по истории, которая, конечно, вполне приспособлена для нашего времени! Там вы прочтете, как Александр, вопреки совету своего учителя Аристотеля, задумал взять на себя миссию присоединения варваров к цивилизованному человечеству, приведя, так сказать, к единому культурному знаменателю цивилизованных греков - эллинов, македонцев - и варваров. Это, несомненно, вполне убедительно для современности. Но какое же это ребячество по сравнению с настоящей истиной! С другой стороны, мы получаем грандиозное впечатление, когда смотрим на картину походов Александра, данную нам Лампрехтой, который приписывает им совершенно другую цель. Мы чувствуем, что то, что я описывал как вхождение природно-элементарных царств, духовного, в физическую природу, - требовалось только в качестве вступления. Ибо какова цель Александровых походов в "Песни об Александре" Лампрехта?

Александр приходит к воротам рая! Хотя это выражено на христианском языке того времени, это в высокой степени соответствует, как я покажу, подлинной правде. Ибо походы Александра не были предприняты только ради завоевания, еще менее - для присоединения варваров к грекам вопреки совету Аристотеля. Нет, они были проникнуты настоящей и высокодуховной целью. Их импульс исходил из духа. Мы читаем о них в поэме Лампрехта, который с огромным воодушевлением спустя пятнадцать столетий после смерти Александра рассказывает эту героическую историю. Он рассказывает о том, как Александр подошел к воротам рая, но не смог вступить в него, ибо, как говорит Лампрехт, только тот может вступить в рай, кто обладает подлинным смирением, а Александр, живя в дохристианскую эпоху, еще не мог им обладать. Только христианство могло принести человечеству подлинное смирение. Тем не менее, если воспринять эти вещи без предрассудков, а с открытым умом, мы увидим, как Лампрехт, христианский священник, еще ощущает нечто от трагедии Александровых походов.

Не без особого умысла я говорил об этой "Песни об Александре". Ибо теперь вас не удивит, если мы начнем с походов Александра, чтобы описать, что произошло прежде и что потом в истории западного человечества в его связи с Востоком. Ибо лежащее в основе этих вещей ощущение, как мы видели, было еще широко распространено в сравнительно поздний период средневековья. И не только как общее ощущение: оно существовало в столь конкретной форме, что могла возникнуть "Песнь об Александре", описывающая с удивительной драматической силой события, происходившие благодаря двум душам, которые я охарактеризовал. Значение этого момента в истории Македонии простирается, с одной стороны, далеко в прошлое, а с другой - далеко в будущее. Важно уразуметь, что всемирно-исторический трагизм осеняет все, что связано с Аристотелем и Александром. Даже внешне трагизм выдает себя. Это видно вот из чего, мои дорогие друзья.

Ввиду особых обстоятельств - роковых для мировой истории - только самая незначительная часть из сочинений Аристотеля дошла до Западной Европы и в дальнейшем изучалась и сохранялась Церковью; фактически это были только сочинения по логике и сочинения, облеченные в логическую форму.

Но серьезное изучение того немногого, что сохранилось из естественнонаучных сочинений Аристотеля, показывает, каким мощным видением связей Космоса с человеческим существом он еще обладал. Разрешите мне обратить ваше внимание только на одно.

Мы говорим в наше время о земных стихиях: водном, воздушном, огненном или тепловом элементе, а затем об эфире. Как же Аристотель изображает все это? Он описывает Землю, твердую, прочную землю (см. рис., светлое ядро); жидкую землю, воду (светло-красное); затем воздух (синее); и все пронизано и окружено огнем (ярко-красное). Но для Аристотеля "Земля" в этом смысле простирается до Луны. А из Космоса, простираясь от звезд до Луны, - не в сферу Земли, как сказано, а только до Луны, - приходит к нам как бы из Зодиака, от звезд - эфир, наполняющий космическое пространство (светлое на периферии). Эфир простирается вниз вплоть до Луны.

Эрудит может все это еще прочесть в книгах, написанных об Аристотеле. Но сам Аристотель постоянно повторял своему ученику Александру: тот эфир, что удалился по ту сторону сферы земного тепла, - световой эфир, химический эфир и жизненный эфир, - был некогда соединен с Землей. Он достигал Земли. А с удалением Луны на древних стадиях эволюции эфир удалился от Земли. И поэтому все, что окружает нас в пространстве как мертвый мир, - так протекало Аристотелево наизидание Александру, - не проникнуто эфиром. Но с приходом весны растения, животные и человеческие существа возрождаются на Земле к новой жизни; тогда элементарные духи вновь низводят эфир из сферы Луны в этих новорожденных существ. Так что Луна есть формовщик и ваятель существ.

Стоя перед огромной женской фигурой в Гибернийских мистериях, ученик мистерий имел ярчайшее переживание того, что эфир в действительности не принадлежит Земле, но ежегодно низводится туда элементарными духами на потребу расцветающей жизни. И так было и для Аристотеля. Он еще имел глубокое проникновение в связь человеческого существа с Космосом. Его ученик Теофраст* помещал сочинениям, которые трактуют эти вещи, дойти до Запада. Однако некоторые из них дошли до Востока, где еще сохранялось понимание таких истин. Оттуда они были принесены евреями и арабами через Северную Африку и Испанию на запад Европы, где столкнулись так, как я уже описывал, с влияниями Гибернийских мистерий, поскольку те выражались в цивилизации и культуре этих народов. /*Теофраст, 390-305 до Р.Х. - ученик Аристотеля, нареченный наследником Аристотеля в качестве руководителя афинской школы перепатетиков./

Но все же то, что я вам описал, было не более как отправной точкой для учения, которое Аристотель передал Александру. Это учение всецело относилось к внутреннему переживанию. Я бы мог вкратце описать его примерно так: Александр учился у Аристотеля понимать то, как земной, водный, воздушный и огненный элементы, живущие вне человека в окружающем мире, живут также внутри самого человеческого существа, в связи с чем оно является микрокосмом. Он изучал, как в костях человеческого существа живет земной элемент и как в циркуляции крови и во всех его жидкостях и соках живет водный элемент. Воздушный элемент проявляется во всем, что относится к дыханию и динамике дыхания - речи,

а огненный элемент живет в мыслях человека. Александр обладал еще сознательным ведением жизни в элементах. И рука об руку с этим переживанием жизни в элементах шло также переживание близкого и интимного отношения к Земле. В наши дни, путешествуя на восток, запад, север и юг, мы не замечаем того, что при этом устремляется в наше существо (ибо замечаем лишь то, что воспринимают наши органы внешних чувств). Так, мы видим только то, что воспринимают имеющиеся в нас твердые (земные) субстанции, а не то, что воспринимают другие стихии, присутствующие в нашем организме. Но Аристотель учил Александра примерно так: когда ты передвигаешься по Земле к востоку, ты постепенно втягиваешься в элемент, который тебя иссушает. Ты втягиваешься в сухость (см. рис. на стр. 78).

Не надо видеть в этом то, что если человек едет в Азию, то человек будет полностью иссушен. Мы сталкиваемся здесь, конечно, с такими воздействиями, которые Александр смог ощущать в себе после того, как получил руководство и указания Аристотеля. Он мог ощущать, когда был в Македонии, следующее: я имею в себе какую-то толику влажности, которая убывает при углублении на восток. Таким образом, в своих странствиях по Земле он воспринимал ее конфигурацию так, как вы можете через прикосновение воспринять какую-нибудь часть тела, - скажем, слегка проводя рукой по некоторым частям тела человека, воспринимать разницу между носом, глазом и ртом. Такая личность могла воспринимать разницу между переживанием, которое у нее возникало, когда она уходила в сухость, и переживанием, которое в ней было, с другой стороны, при углублении на запад и постепенным вхождением во влажность.

Другие дифференциации человек еще переживает и по сей день, хотя и грубо. В направлении к северу он переживает холод; в направлении к югу - тепло, огненный элемент. Но взаимодействия влажности и холода в направлении северо-запада он уже не переживает. Аристотель пробудил в Александре все то, через что прошел Гильгамеш, когда воспринял в непосредственном внутреннем переживании то, что ощущается в направлении северо-запада в промежуточной зоне между влажностью и холодом: воду. Человек, подобный Александру, не только не мог так выразиться, но и действительно не говорил так: здесь проходит путь на северо-запад. Вместо этого говорил: этот путь проходит там, где преобладает элемент воды. В промежуточной зоне между влажностью и теплом лежит элемент, в котором преобладает воздух. Таким было учение в древнегреческих Хтонических мистериях и в древних Самофракийских мистериях,* и этому же учил Аристотель своего ближайшего ученика. А в зоне между холодом и сухостью, - то есть в направлении из Македонии к Сибири, - у человека было переживание того региона Земли, где преобладала сама земля, земное, - стихия земли, твердость. В промежуточной зоне между теплом и сухостью, то есть в направлении к Индии, переживалась область Земли, где правил элемент огня. Поэтому ученик Аристотеля, указывая на северо-запад, говорил: там я чувствую деятельность духов воды на Земле; указывая на юго-запад, говорил: там я чувствую духов воздуха; указывая к северо-востоку, видел там главным образом парение духов земли; указывая к юго-востоку, по направлению к Индии, видел парение духов огня, видел их там в их собственной стихии. / *Ср. лекции от 14 и 21 декабря 1923 г. в "Обликах мистерий" (ИПН, том 232)./

И в заключение, мои дорогие друзья, вы можете почувствовать глубокую, тесную связь между природным и моральным, когда я сообщу вам, что Александр говорил следующим образом: я должен покинуть холодно-

влажную стихию и устремиться в огненную, - я должен предпринять поход в Индию. Это был способ выражения, тесно связанный как с природным, так и с моральным. Я подробнее скажу об этом завтра. Сегодня я хотел дать вам картину того, что жило в те времена; ибо во всем, что происходило между Аристотелем и Александром, мы можем увидеть также отражение огромного и мощного сдвига, который произошел в мировой истории. В те времена еще было возможно интимным образом говорить ученикам о великих мистериях прошлого. А затем человечество начало воспринимать преимущественно логику, абстрактное знание, категории и отбросило все остальное. Поэтому мы должны усматривать в этих событиях проявление огромного, глубокого сдвига в историческом развитии человечества и при этом решающий момент в ходе всей европейской цивилизации в ее связи с Востоком.

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ

Дорнах, 28 декабря 1923 г.

Среди мистерий древности Эфес занимает особое место. Вы помните, что, рассматривая роль Александра в развитии Запада, я упомянул также мистерии Эфеса. Мы только тогда постигнем значение событий древних и более новых времен, если поймем и оценим великий сдвиг, который произошел в характере мистерий (которые были в действительности тем источником, из которого проистекли все древние цивилизации) при переходе с Востока на Запад и, в первую очередь, в Грецию. Этот сдвиг был следующего рода.

Когда мы обращаемся к древним мистериям Востока, мы повсюду получаем впечатление: жрецы мистерий, исходя из своего видения, были в силах открывать своим ученикам великие и важные истины. Чем дальше мы уходим в прошлое, тем больше эти мудрецы или жрецы имеют власть вызывать в мистериях непосредственное присутствие самих богов, духовных существ, которые правят планетарными мирами, правят событиями и явлениями Земли. Боги реально присутствовали там.

Связь человеческого существа с макрокосмом открывалась во множестве разных мистерий столь же грандиозным образом, как я обрисовывал вам ее вчера в связи с мистериями Гибернии, а также учениями, которые Аристотель еще мог передать Александру Великому. Главная особенность всех древних восточных мистерий заключалась в том, что моральные импульсы не были резко отделены от природных. Когда Аристотель указывал Александру на северо-запад, где преобладают духи стихии воды, оттуда приходил не только физический импульс, - как мы теперь воспринимаем, когда дует северозападный ветер и т.п., - а с физическим приходили также и моральные импульсы. Физическое и моральное были едины.

Это было возможно благодаря тому, что через познание, полученное в этих мистериях, - дух природы реально воспринимался в мистериях, - человек чувствовал себя единым со всей природой. Здесь мы наблюдаем некую связь человека с природой, еще существовавшую как раз во времена, протекшие между жизнью Гильгамеша и его грядущей инкарнацией, когда он также находился в тесном контакте с мистериями, а именно, с Эфесскими. В людях того времени мы находим еще живое видение и восприятие связи человеческого существа с духом природы. Эту связь они воспринимали следующим образом. Благодаря изучению деятельности стихийных духов в природе и деятельности разумных существ в планетарных процессах, человек приходил к такому убеждению: повсюду вокруг я вижу проявления растительного мира - зеленые побеги, почки и цветы, затем плоды. Я вижу однолетние растения на лугу и в поле, что расцветают весной и снова увядают осенью. Я также вижу деревья, которые растут столетиями, образуя снаружи кору, деревенея и вращая вширь и вглубь в землю своими

корнями. Но все, что теперь я вижу вовне, - однолетнюю траву и растения, деревья, которые прочно врастают в землю, - все это в былые времена я как человек нес внутри себя.

Вы знаете, что теперь, когда в воздухе есть углекислота, возникшая в результате дыхания человеческих существ, мы можем чувствовать, что сами выдохнули углекислоту, выдохнули ее в пространство. Поэтому у нас теперь слабая связь с Космосом. Благодаря воздушной части нашей природы, благодаря воздуху, который является основой дыхания, и прочим воздушным процессам, протекающим в человеческом организме, мы имеем живую связь с великой Вселенной, с макрокосмом. Человеческое существо может теперь взглянуть на свое исходящее дыхание, на углекислоту, которая была в нем, а теперь - вне его. Но так же, как теперь мы можем взглянуть на углекислоту, которую выдыхаем, - мы обычно этого не делаем, но могли бы, - так посвященные древности смотрели на весь растительный мир. Те, кто получил посвящение в восточных мистериях или воспринял мудрость, проистекавшую из восточных мистерий, мог сказать: я оглядываюсь на древнюю солнечную эпоху в развитии мира, - тогда я еще носил в себе растения. После того я дал им истечь из меня в широкие круги земного существования. Но до тех пор, пока я носил растения внутри себя, пока я еще был тем Адамом Кадмоном, который объемлет всю Землю и вместе с ней растительный мир, до тех пор весь этот растительный мир состоял из водно-воздушной субстанции.

Затем человеческое существо отделило от себя этот растительный мир. Представьте, что вы стали огромны, как вся Земля, а затем отделили, как бы выделили внутрь себя растительное начало природы, и эта растительная субстанция проходит через метаморфозы в водном элементе - зарождается, увядает, расцветает, видоизменяясь, принимая различные облики и формы, - тогда вы вновь вызовете в вашей душе чувства и переживания того, как это некогда было. Те, кто воспринял воспитание и обучение на Востоке примерно во времена Гильгамеша, могли сказать себе, что так оно было когда-то. И когда они смотрели окрест себя на луга и видели рост зелени и цветов, они говорили: мы отделили растения от себя, мы выделили их из себя на ранних ступенях нашего развития, и Земля восприняла их. Земля наделила их корнями и придала им их древесную природу; древесная природа в мире растений происходит от Земли. Но растительная природа как таковая была в целом как бы сброшена человеческим существом и воспринята Землею. Таким образом, человек ощущал внутреннее сродство со всей растительной природой.

С высшими животными человек не ощущал связи такого рода. Ибо он знал, что только тогда может занять свое истинное место на Земле, когда преодолит животную форму, оставив животных позади себя в своей эволюции. Растения он пронес с собою вплоть до Земли и тогда передал их ей, дабы она могла воспринять их в свое лоно. Для растений человек был на Земле посредником богов, посредником между богами и Землею.

Люди, которые имели это великое переживание, получали чувство, которое можно обрисовать совсем просто (см. рис.). Человеческие существа пришли на Землю из Вселенной (желтый). Вопрос количества этих существ при этом не играет роли, ибо, как я говорил вчера, они все находились друг в друге. То, что впоследствии становится растительным миром, отделяется от человека, Земля воспринимает его и дает ему укорениться (темно-зеленая штриховка). Человеческое существо испытывало чувство, как если бы оно облачило Землю в растительное одеяние (красное на периферии), а Земля была бы ему благодарна за это облачение и приняла от него в водно-воздушный элемент то, что он смог как

бы вдохнуть в нее. Входя в это переживание, человек чувствовал себя тесно связанным с божеством, с главным божеством Меркурия. Через ощущение: мы сами принесли растения на Землю, - человек вступал в особое отношение к богу Меркурию.

С другой стороны, по отношению к животным человек имел иное чувство. Он знал, что не может принести их с собой на Землю: он должен был отбросить их, должен был освободиться от них, иначе он не смог бы правильным образом развить свою человеческую форму. Он оттолкнул от себя животных; они были отброшены с его пути (красная штриховка снаружи, рис. на стр. 83) и затем прошли через свое собственное развитие на гораздо более низком уровне, чем человеческий. Так человек древних времен - эпохи Гильгамеша и позднее - ощущал себя между животным и растительным царством. В отношении растительного царства он был сеятелем, который погружал семя в землю и оплодотворял им землю, выступая как посредник богов. По отношению к животному царству он чувствовал, как если бы он отбросил его от себя, дабы сделаться человеком, не обременяя себя животными, которые в результате были задержаны и приостановлены в развитии. Весь египетский культ животных связан с такими воззрениями. Также то глубокое чувство сострадания к животным, которое мы находим в Азии, связано с этим. Это было грандиозным природовоззрением, когда человек чувствовал свою связь, с одной стороны, с растительным миром, а с другой - с миром животных. По отношению к животному он испытывал чувство освобождения. В отношении растения он испытывал близкое и интимное сродство. Растительный мир был частичкой его самого, и он испытывал искреннюю любовь к Земле, поскольку Земля восприняла в себя частичку человечества, дала жизнь растениям, позволила им в себе укорениться и даже поделилась своим веществом, чтобы деревья оделись корою. Моральный элемент всегда присутствовал, когда человек судил об окружающем физическом мире. Глядя на растения на лугу, он воспринимал не одно только естественное произрастание. Он воспринимал и чувствовал моральное отношение человека к этому произрастанию. Что касается животных, человек опять-таки чувствовал к ним другое моральное отношение: он пробивал себе дорогу в стороне от них.

Так мы находим в мистериях по всему Востоку грандиозное природовоззрение. Позднее такие мистерии были и в Греции, но со значительно менее действенным восприятием природы и духа в природе. Конечно, греческие мистерии грандиозны и возвышенны, но они существенно отличаются от восточных. Особенность последних состояла в том, что они не стремились помочь человеку ощущать себя на Земле, но благодаря им человек ощущал себя частью Космоса, частью Вселенной. В Греции мистерии поначалу проходили такую стадию, когда человек ощущал себя соединенным с Землей. На Востоке сам духовный мир созерцался или ощущался в мистериях. Абсолютно правильно будет сказать, что в древневосточных мистериях сами боги являлись среди жрецов, которые воссылали молитвы и совершали жертвоприношения. Храмы мистерий были в те времена земным пристанищем богов, где боги одаряли людей через жрецов тем, чем они могли одарить их из небесных сокровищ. В греческих же мистериях являлись скорее образы богов, изображения, как бы фантомы, - настоящие и неподдельные, но фантомы, не более, - уже не божественные существа, не реальности, а призраки. И поэтому греки имели совершенно другое переживание, чем люди, принадлежавшие к древней восточной культуре. Греки чувствовали, что боги существуют, но для человека доступны только изображения богов, так же как мы несем в памяти картины

прошлых переживаний, но уже не сами переживания.

Таким было основное чувство, которое исходило из греческих мистерий. Грек чувствовал, что он несет в себе как бы космические воспоминания, - не проявления самого Космоса, а изображения, - изображения богов, а не самих богов, изображения событий и процессов на Сатурне, Солнце и Луне. Не было больше живой связи с тем, что действительно происходило на Сатурне, Солнце и Луне, - того рода живой связи, какую человеческое существо имеет со своим детством. У людей восточной цивилизации была эта реальная связь с Солнцем, Луной и Сатурном. Они получали ее из своих мистерий. А мистерии греков имели картинный или образный характер. В них являлись тени духовно-божественной реальности. Но при этом еще происходило нечто также очень важное, ибо существовало еще другое различие между восточными и греческими мистериями.

В восточных мистериях, если человек хотел познать нечто из грандиозных, гигантских переживаний, осуществляемых там, он всегда должен был выждать правильный момент. То или другое переживание можно было обрести только через соответствующие жертвоприношения, которые совершаются одни - осенью, другие - только весной, третьи - опять-таки в зените лета, а четвертые - глубокой зимой. Иногда жертвоприношения приносились богам в определенный момент, отмеченный особой конstellацией Луны. В это особое время боги являлись в мистериях, и люди могли там присутствовать при их появлениях. Если момент упускался, то приходилось ждать бывало до тридцати лет, пока вернется случай, когда эти божества опять откроются в мистериях. Все, что относится к Сатурну, например, может войти в сферу мистерий только раз в 30 лет; все связанное с Луной - примерно раз в 18 лет, и т.д. Жрецы восточных мистерий зависели от времени, а также от места и от прочих обстоятельств при получении грандиозных, гигантских познаний и созерцаний. Совершенно различные откровения воспринимались в глубине горной пещеры - и высоко на вершине горы. Или же откровение различалось в зависимости от того, находился ли человек на побережье или в глубине континента в Азии. Так что особенностью мистерий Востока была определенная зависимость от места и времени. В Греции грандиозные, гигантские реальности исчезли. Изображения еще оставались. И эти изображения не зависели от времени года, хода столетий или места: люди могли иметь изображения, когда подготавливались правильным образом, когда проделывали то или другое упражнение или совершали то или другое личное жертвоприношение. Если человек достигал известного уровня в жертвоприношении или в личной зрелости, тогда в силу того, что он как человеческое существо продвинулся так далеко, он мог созерцать тени великих мировых событий и великих мировых существ.

Вот в чем заключается важное изменение в природе мистерий, с которыми мы встречаемся при переходе от Древнего Востока к Греции. Древневосточные мистерии подлежали условиям пространства и местности, тогда как в греческих мистериях принималось во внимание само человеческое существо и то, что оно приносило богам. Бог, так сказать, являлся в своем фантомообразном, призрачном виде, когда человеческое существо, благодаря пройденному подготовлению, становилось достойным воспринять бога в призрачной форме. Таким образом, мистерии Греции поистине готовили дорогу современному человечеству.

Далее, мистерии Эфеса стоят посередине между древневосточными и греческими мистериями. Они занимают особое место. Ибо Эфесские посвященные могли еще переживать нечто из гигантских, величественных истин Древнего Востока, Их души еще были затронуты глубоким внутренним переживанием связи человеческого существа с макрокосмом и

макрокосмическими божественно-духовными существами. В Эфесе человек еще мог созерцать сверхземное, и в немалой мере. Отождествление с Артемидой, богиней мистерий Эфеса, еще приносило человеку живое чувство своей связи с царствами природы. Растительный мир (преподавалось ему) - твой; Земля только восприняла его от тебя. Животный мир ты превзошел. Ты оставил его позади. Ты должен оглядываться на животных с возможным величайшим состраданием; они должны были отстать на пути, дабы ты мог сделаться человеком. - Чувство единства с макрокосмосом было переживанием, еще доступным посвященному в Эфесе, он еще получал его непосредственно от самих реальностей.

Вместе с тем мистерии Эфеса были, так сказать, предназначены первыми обратиться к Западу. Как таковые они уже имели независимость от времен года или от хода столетий; также они не зависели от места на Земле. В Эфесе упор делался еще на упражнения, через которые проходило человеческое существо, делая себя зрелым благодаря жертвоприношениям и самоотдаче богам. Так что, с одной стороны, в отношении содержания своих мистериальных истин мистерии Эфеса еще обращались назад, к Древнему Востоку, тогда как, с другой стороны, они уже были направлены на развитие самого человека и потому приспособлялись к природе и характеру грека. Это были самые последние из восточных мистерий Греции, где титанические древние истины могли еще приблизиться к человеку; ибо на Востоке мистерии в основном уже пришли в упадок.

А в мистериях Запада эти древние истины пребывали дольше. Мистерии Гибернии существовали еще спустя столетия после рождения христианства. Эти Гибернийские мистерии являются, тем не менее, вдвойне тайными и оккультными; да будет вам известно, что даже с помощью так называемой Акаша-хроники совсем не просто проникнуть в скрытые тайны статуй, о которых я вам говорил вчера, - солнечной статуи и лунной статуи, мужской и женской. Приблизиться к изображениям восточных мистерий и вызвать их из астрального света сравнительно легче для того, кто прошел обучение подобным вещам. Но стоит кому-нибудь приступить или пожелать приступить к мистериям Гибернии в астральном свете, то первым делом он будет оглушен. Они отбросят его от себя. Эти ирландские, эти Гибернийские мистерии сегодня добровольно не позволят узреть себя в образах Акаша-хроники, несмотря на то, что они дольше сохранялись в своей первоначальной чистоте.

Далее, мы должны помнить, что та индивидуальность, которая жила в Александре Великом, входила в тесный контакт с Гибернийскими мистериями во времена Гильгамеша, когда тот предпринял путешествие на Запад, в местность, соседствующую с нынешним Бургенландом. Эти мистерии жили в этой индивидуальности, жили на очень древний манер. Ибо это было в те времена, когда Запад еще оглашался мощным отзвуком атлантической эпохи. А потом все эти переживания были пронесены через душевное состояние, которое протекает между смертью и новым рождением. А еще позднее оба друга - Эабани и Гильгамеш - обрели себя снова в совместной жизни в Эфесе, и там они вступили в глубоко сознательное переживание того, что во времена Гильгамеша пережили более или менее бессознательно или подсознательно в связи с божественно-духовными мирами. Их жизнь в Эфесские времена была сравнительно мирной, они имели возможность переработать и усвоить воспринятое в более грозные времена.

Позвольте напомнить вам, в чем заключалось то, что перешло в Грецию перед тем, как они снова появились в эпоху упадка Греции и расцвета Македонии. Греция прежних времен, Греция, которая раскинулась вширь и также обнимала в своих границах Эфес и даже проникала непосредственно

в Малую Азию, имела еще в своих призрачных образах отзвук древнего времени богов. Связь человека с духовным миром, хотя и призрачно, но все еще переживалась. Однако Греция стремилась постепенно освободиться от призраков; мы можем наблюдать, как шаг за шагом греческая цивилизация уходила от того, что можно назвать божественной цивилизацией, и все больше и больше принимала характер сугубо земной.

Нужно правдиво сказать, что в наши дни самое важное в истории человеческого развития остается попросту незатронутым внешним материалистическим рассмотрением истории! Необычайно важным для понимания всего греческого характера и культуры является тот факт, что в греческой цивилизации мы находим лишь призрачный образ, фантом древней божественной реальности, в которой человек имел общение со сверхчувственными мирами, ибо человек уже постепенно выбирался из этого божественного и учился использовать свои собственные индивидуальные, личные духовные способности. Это происходило шаг за шагом. В драмах Эсхила в художественных образах отображено то чувство, которое еще оставалось в человеке от древнего времени богов. Но едва выступил Софокл, как человек начал отрываться от этого ощущения связи с божественно-духовным существованием. А затем появляется нечто, связанное с именем, значение которого еще недостаточно оценено исторической наукой, однако на этот счет есть и другие мнения.

Видите ли, в древнегреческие времена не было необходимости письменно фиксировать исторические события. Вы спросите, почему? Потому что существовали живые тени всего важного, что происходило в прошлом. История открывалась в том, что являло себя в мистериях. Там люди имели доступ к призрачным образам, живым образам-теням. Зачем же тогда было записывать историю? Позднее, однако, пришло время, когда теневые образы погрузились в низший мир, где человеческое сознание не могло более воспринимать их. Тогда и возникло стремление записывать происходящее. Появился Геродот,* первый историк, записавший историю в прозе. И с того времени можно назвать множество его последователей; во всех них действовало то же самое побуждение - отторгнуть человечество от божественно-духовного и поместить его в сугубо земное. /*Геродот из Галикарнассоса, 5 век до Р.Х. - древнейший греческий историк; Персидские войны/ И все же на протяжении всей греческой культуры все это тяготевшее к земному развитие было озарено сиянием, свет которого, как мы услышим завтра, не проник ни в Рим, ни в средневековье. А там, в Греции, свет был. А что касается призрачных образов, даже блекнувших теневых образов заката греческой цивилизации, то человек все же еще чувствовал, что они божественны в своей основе.

Посреди всего этого, как прибежище, где человек находил разъяснение относительно того, что существовало как бы фрагментарно в греческой культуре, - стоял Эфес. Гераклит получил наставление в Эфесе, как и многие другие великие философы, такие как Платон и Пифагор. Эфес был поистине тем местом, где сохранялась в известной мере древняя восточная мудрость. И те две души, которые обитали позднее в Аристотеле и Александре Великом, побывали в Эфесе спустя некоторое время после Гераклита и смогли там воспринять из наследия древнего знания восточных мистерий то, что еще оставалось в мистериях Эфеса. То, что было в Эфесе существом мистерий, особенно проникновенным образом связало себя с душой Александра. И теперь мы подходим к одному из тех исторических событий, которое с тривиальной точки зрения могут посчитать простой случайностью, но которое коренится глубоко во внутренних взаимосвязях развития человечества.

Чтобы проникнуть в значение этого события, припомним следующее. Мы

должны помнить, что в тех двух душах, которые стали впоследствии Аристотелем и Александром Великим, жило, в первую очередь, все то, что они восприняли в отдаленных временах в прошлом, а потом проработали. И затем в Эфесе нечто уже жившее в их душах исполнилось необычайной ценностью. И мы можем сказать, что вся Азия - в той ее "греческой" форме, которую она приняла в Эфесе, - жила в этих двух душах, в особенности в душе того, кто впоследствии стал Александром Великим. Представьте себе роль, сыгранную этой личностью. Я описывал вам, какой она была во времена Гильгамеша; а теперь вы должны представить, как в живом общении между Александром и Аристотелем познания, связанные с Древним Востоком и Эфесом, были воспроизведены, но воспроизведены в новой форме. Только представьте себе это. Представьте, что должно было бы произойти, если бы гигантский документ, который с неслыханной интенсивностью жил в этих душах, если бы этот гигантский документ, мистерии Эфеса, еще присутствовал и если бы Александр в инкарнации Александра повстречал мистерии Эфеса! Если мы сможем составить об этом понятие, мы сможем правильно оценить тот факт, что в тот день, когда родился Александр, Герострат бросил факел в святилище Эфеса; в тот же самый день, когда родился Александр, храм Дианы Эфесской был предательски сожжен до основания. Он исчез, и навсегда; его монументальный документ со всем, что к нему относилось, перестал существовать. Он существовал только как историческая миссия в душе Александра и его учителя Аристотеля.

А теперь вы должны связать все то, что жило в душе Александра, с тем, о чем я говорил вчера, когда показывал вам, как миссия Александра Великого была вдохновлена импульсом, исходящим из конфигурации Земли. Вы легко поймете, как то, что на Востоке было реальным откровением божественно-духовного, как бы угасло с Эфесом. Другие мистерии были, в сущности, уже упадочными, сохранявшими только традиции, хотя, надо сказать, эти традиции могли еще пробудить ясновидческие силы в особо одаренных натурах. Но великолепие и слава, титанизм старых времен прошли. С Эфесом окончательно угас свет, распространявшийся с Востока. Теперь вы можете оценить решение, которое Александр принял в своей душе: вернуть Востоку утраченное, вернуть хотя бы в той форме, в какой оно сохранилось в Греции, - в призрачной, теневой картине. Отсюда идея экспедиции в Азию; при этом необходимо было продвинуться как можно дальше, дабы еще раз принести Востоку - хотя бы в призрачной форме, в которой оно существовало в греческой культуре, - то, что он утратил.

И теперь мы видим, что Александр, осуществляя эту экспедицию, удивительным образом не собирается покорять существующие культуры, не старается привить Востоку эллинизм в каком-нибудь внешнем смысле. Повсюду, куда бы он ни приходил, Александр Великий не только принимал обычаи страны, но мог также непосредственно исходить из помыслов и чаяний людей, обитающих на захваченной им территории, мог проникнуться их мыслями. Когда он приходит в Египет, в Мемфис, его воспринимают как спасителя и освободителя от духовных пут, сковывающих местное население. Он одаривает персидское царство культурой и цивилизацией, которую сами персы никогда не смогли бы произвести. Он проникает даже в Индию. Он замышляет план привести к равновесию, гармонии эллинскую и восточную цивилизации. На каждом шагу он основывает академии. Академии, основанные в Александрии, в Северном Египте, известны больше: они имели величайшее значение для последующих времен. Но в первую очередь важен тот факт, что по всей Азии были учреждены большие и малые академии, в которых в последующие времена сохранялись и изучались труды Аристотеля. Начатое таким образом Александром продолжало действовать в Малой Азии веками, снова и снова повторяя себя

как бы затихающим эхом. Одним мощным ударом Александр насадил аристотелевское природоведение в Азии и даже в Индии. Ранняя смерть помешала ему достичь Аравии, хотя это было его основной целью. Но он проник на Восток вплоть до Индии, а также в Египет. Повсюду он насаждал духовное познание природы, полученное им от Аристотеля, делая его плодоносным для людей. Ибо всюду он давал народу почувствовать, что это им родное, а не чуждый элемент, не орудие эллинизма, навязанное им. Такое могла осуществить только огненная натура Александра. В последующие годы много ученых вышло из Греции. Помимо Эдессы, существовала, в частности, такая академия, как Гонди-Шапур, получавшая постоянное подкрепление из Греции на протяжении многих последующих столетий.

Чудесный подвиг был этим осуществлен! Свет, исходивший с Востока (красный справа налево, светлое пятно, рис. на стр. 94), уничтоженный в Эфесе факелом Герострата, - этот свет, вернее, его призрачный отблеск, снова теперь возгорелся из Греции и продолжал сиять (светло-зеленый слева направо) - до того драматического момента, когда под

восточно-римской тиранией* школы греческих философов были окончательно закрыты. В VI веке н. э. последние греческие философы сбежали в академию Гонди-Шапур. /*Юстиниан, восточно-римский император (527-565), крестьянский сын, послал в 529 г. в Афины Эдикт, запрещающий преподавание философии и разъяснение права, в результате чего семь последних афинских философов покинули Римскую империю и переселились в Персию./

Во всем этом мы видим взаимодействие двух элементов: один - идущий вперед, и другой, - остающийся позади. Миссия Александра базировалась более или менее бессознательно на следующем факте: волны цивилизации проникали в Грецию на люциферический манер, тогда как в Азии они оставались на заднем плане ариманическим образом. В Эфесе было равновесие. И Александр, в день рождения которого пал физический Эфес, решил основать духовный Эфес, который посылал бы далеко на Восток и на Запад свой солнечный свет. В этом на самом деле была цель, лежавшая в основе всех его предприятий: основать духовный Эфес, простирающийся через Малую Азию на восток к Индии, включая также египетскую Африку и восток Европы.

Невозможно понять духовное развитие западного человечества, пока мы не увидим его на этом фоне. Ибо вскоре вслед за попыткой распространить по всему миру древний почитаемый Эфес, в египетской Александрии было спрятано то, что некогда имелось в Эфесе, - только вместо сияющих букв это были стершиеся знаки. Вскоре вслед за этим поздним цветением Эфеса начала утверждать себя совершенно новая сила - сила Рима. Рим, как это следует из самого названия, есть новый мир, - мир, который не имеет ничего общего с призрачными образами Греции, в котором человек хранит лишь воспоминания об этих прежних временах. Мы не встретим более серьезного или более важного прорыва в истории, чем этот. После сожжения Эфеса благодаря предприимчивости Александра был создан план созидания духовного Эфеса; и этот духовный Эфес затем отбрасывается новой силой, которая заявляет о себе на Западе сначала как Рим, позднее как христианство и т.д. И мы только тогда понимаем развитие человечества правильно, когда говорим: мы с нашим способом постижения через интеллект, с нашим способом свершения через волю, мы с нашими чувствами и настроениями можем смотреть вглубь веков не дальше Древнего Рима. Там все понятно. Но мы не можем оглянуться ни на Грецию,

ни на Восток. Туда мы должны всматриваться в имагинациях. Там необходимо духовное видение.

Да, мы можем оглядываться на Юг с обычным прозаическим пониманием, но не на Восток. Смотря на Восток, мы должны обращаться к имагинациям. Мы должны видеть на заднем плане могущественные храмы мистерий прадревней послееатлантической Азии, в которых мудрые жрецы разъясняли каждому из своих учеников его связь с божественно-духовным Космосом; там может быть найдена цивилизация, которая воспринимается из мистерий во времена Гильгамеша, как я вам описывал. Мы должны видеть эти удивительные храмы разбросанными по всей Азии, а на переднем плане - Эфес, сохраняющий еще в своих мистериях многое из того, что сошло на нет в других храмах Востока, хотя вместе с тем он сам уже стал по характеру греческим. Ибо в Эфесе человеку не надо было больше ни выжидать благоприятной конstellляции светил или нужного времени года, ни самому ждать, пока он достигнет определенного возраста перед тем, как получать откровения богов. В Эфесе, если человек для того созрел, он мог приносить жертвы и проделывать определенные упражнения, которые позволяли ему так подойти к богам, что они милостиво нисходили к нему. И вот в этом мире, который предстает перед вами в этой картине, были обучены и подготовлены во времена Гераклита две личности, о которых мы говорили. Затем в 356 г. до н.э., в день рождения Александра Великого, мы видим языки пламени, рвущиеся из храма в Эфесе. Александр Великий находит своего учителя в Аристотеле. И это сходно с тем, как если бы из этого рвущегося к небу пламени Эфеса раздался мощный глас для имеющих слух: стройте духовный Эфес, и пусть старый физический Эфес стоит в человеческой памяти как его центр, как средоточие.

Итак, мы имеем перед собой образ Древней Азии с ее мистериальными центрами, а на переднем плане Эфес и учеников его мистерий. Мы видим горящий Эфес, а затем видим экспедиции Александра, которые перенесли на Восток вклад Греции в прогресс человечества, так что в Азию вернулось в форме образов то, что она утратила в своей реальности.

Всматриваясь в Восток и давая нашей имагинации оторваться от потрясающих событий, которые мы там наблюдаем, мы можем увидеть в истинном свете эту древнюю главу человеческой истории, - ибо она должна быть схвачена имагинацией. А затем мы постепенно распознаем на переднем плане восход римского мира, мира средневековья, мира, который продолжается до нашего времени. Все другие разделения истории на периоды - древний, средневековый и новый, или как их еще могут назвать, - ведут к ложным представлениям. Но если вы глубоко и внимательно изучите картину, которую я поставил перед вами, она даст вам истинное проникновение в скрытые течения, пронизывающие европейскую историю вплоть до наших дней.

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ

Дорнах, 29 декабря 1923 г.

Особо важным для понимания истории Запада в его отношении к Востоку представляется период за три-четыре столетия перед и три-четыре столетия после Мистерии Голгофы. Подлинное значение событий, которые мы рассматриваем, - событий, достигших апогея в подъеме аристотелизма и в экспедициях Александра в Азию, - заключено в том факте, что они образуют как бы заключение той цивилизации Востока, которая еще была погружена в импульсы мистерий.

Окончательный конец чистым и подлинным импульсам мистерий Востока положил преступный пожар в Эфесе. После этого мы находим только традиции мистерий, традиции и призрачные образы, - так сказать, остатки древней боговдохновенной цивилизации, которые были разбросаны по Европе и в особенности по Греции. А через четыреста лет после Мистерии Голгофы произошло другое великое событие, на котором видно то, что еще оставалось из обломков - ибо можно их так назвать - мистерий. Вспомнимся в образ Юлиана Отступника*./* Юлиан, прозванный отступником, - римский император (361-363) - см. Лекцию от 19 апреля 1917 г. в "Краеугольных камнях постижения мистерии Голгофы" (ИПН, том 175)./ Юлиан Отступник, римский император, получил посвящение в IV веке в той мере, в какой посвящение было тогда возможно, - через одного из иерофантов Элевзинских мистерий. Это значит, что он вошел в переживание древних божественных тайн Востока, насколько подобное переживание было еще возможно в Элевзинских мистериях.

У истоков рассматриваемого периода стоит сожжение храма в Эфесе; день сожжения Эфесского храма был также тем днем, когда на свет появился Александр Великий. Этот период завершается в 363 г. днем насильственной смерти Юлиана Отступника в глубинах Азии. Между этими двумя днями стоит Мистерия Голгофы. А теперь исследуем немного этот период времени как звено в цепи всей истории человеческого развития. Если мы хотим взглянуть дальше за черту этого периода, нам надо прежде всего изменить нашу силу видения и восприятия. Это изменение очень сходно с тем, о котором мы слышали в другой связи. Только мы редко, размышляя о подобных вещах, соотносим их друг с другом.

Вспомните, как в книге "Теософия" я описывал различные миры, связанные с человеком. Я описал их как физический мир; переходный мир, граничащий с ним, иначе - мир душ; затем мир, в который только высочайшая часть нашей природы может получить доступ, - мир духов. Оставив в стороне частные особенности этого мира духов, через который современный человек проходит между смертью и новым рождением, и вглядываясь только в его более общие качества и особенности, мы находим, что должны дать новую ориентацию всем нашим мыслям и чувствам прежде, чем сможем постичь страну духов; и любопытно, что мы должны изменить и переориентировать нашу внутреннюю жизнь мыслей и чувств тем же самым образом, как если бы мы хотели постигнуть то, что лежит за границей указанного периода. Ошибкой было бы воображать, что мы можем, пользуясь современными представлениями, понять происходившее до сожжения Эфесского храма. Нам нужно образовать другие понятия и другие представления, дабы проникнуть взором к человеческим существам, которые были так же уверены в постоянной связи своей души с богами, как в том, что через дыхание человек приходит в соприкосновение с наружным воздухом.

Начиная с этого мира, мира, который есть род земного девахана, земной страны духов, - ибо земной мир ничего не дает нам для понимания этого мира, - мы подходим к промежуточному периоду, продолжающемуся от 356 г. до Р.Х. и примерно до 363 г. после Р.Х. А что лежит за пределами этого периода? С одной стороны этого периода находится Азия,

с другой - Европа, между ними лежит мир, из которого человечество, как раз по определению, вышло тем же самым образом, каким древнее человечество из восточного мира через Грецию вошло в Римскую империю (см. рисунок). Ибо то, что через столетия средневековья вплоть до наших времен развивалось как цивилизация, это цивилизация, которая строилась,

развивалась в стороне от собственно внутреннего существа мистерий, развивалась на основе того, что человек может выстроить с помощью своих собственных понятий и представлений. Мы можем наблюдать начало этой тенденции в Греции со времен Геродота и далее.

Геродот описывал факты истории внешним образом и не касался духовного, или касался в высшей степени ошибочно. И другие вслед за ним идут дальше в том же направлении. Тем не менее, в Греции мы всегда ощущаем как бы последнее дуновение тех тенеподобных образов, которые должны напоминать человеку о духовной жизни. С другой стороны, Рим открывает период, к которому современный человек все еще чувствует сродство, - период, имеющий совершенно новый образ мысли и чувства, разнящийся даже от того, что мы наблюдаем еще в Греции. Только такая личность, как Юлиан Отступник, испытывает что-то вроде непреодолимой тяги к древнему миру и проявляет определенную честность в поисках посвящения в Элевзинские мистерии. Но то, что Юлиан мог получить в этих мистериях, не обладало уже силой познания. И более того, он сам принадлежал к миру, в котором люди уже не могли овладеть в своей душе традициями мистерий Востока.

Современное человечество никогда бы не возникло, если бы за Азией не последовала сначала Греция, а затем Рим. Современное человечество базируется на личности, на личности индивида. Восточное человечество было построено иначе. Человек Востока чувствовал себя частью непрерывного божественного процесса. Боги имели свои цели в земной эволюции. Боги желали того или другого, и то или другое свершалось внизу на Земле. Боги воздействовали на волю людей, инспирируя их. Все, что совершали могущественные и великие личности Востока, о которых я говорил, было вдохновлено богами. Боги повелевали, человек осуществлял. И мистерии были приспособлены и организованы в древние времена для этой цели - соединить божественную волю и человеческое деяние.

В Эфесе мы впервые находим нечто другое. Там ученики мистерий, как я вам говорил, были озабочены состоянием собственной зрелости и более не наблюдали времена и периоды года. Появился первый признак личности. Там же в прежних инкарнациях Аристотель и Александр Великий восприняли личностный импульс. Но теперь наступает новый период, заря нового периода, когда Юлиан Отступник переживает как бы в последний раз устремление человека вместить даже в этот поздний век мистерии Востока. Теперь человеческая душа становится совершенно другой по сравнению с тем, чем она была в Греции.

Представьте себе еще раз человека, получившего некоторые знания в Элевзинских мистериях. Конституция его души не заимствована из этих мистерий: ею он обязан тому простому факту, что живет в эту эпоху. Когда современный человек вспоминает, когда он, как говорится, копается в себе, то что он, собственно, может припомнить? Он может припомнить что-нибудь такое, что сам лично пережил во время его теперешней жизни, может быть, пережитое двадцать или тридцать лет назад. Эта мысленная ретроспекция, конечно, не идет дальше его собственной личной жизни. А для человека, который принадлежал, к примеру, к Эфесской цивилизации, это было иначе. Если он получил, пусть в малой степени, знания, доступные ему в Эфесе, то у него процесс воспоминания протекал так, что, когда он уходил в себя в воспоминании, в его душе всплывали вместо воспоминаний, относящихся к его личной жизни, события доземного существования, события, предшествовавшие земному периоду эволюции. Он переносился в лунный период, солнечный период, предшествовавшие отдельным царствам природы. Он мог также смотреть внутрь себя и видеть общность человека с космическим целым; он видел, как человек связан и соединен с Космосом.

И все это, жившее в его душе, было настоящей "собственной" памятью - космической памятью человека.

Мы можем поэтому сказать, что имеем здесь дело с тем периодом, когда в Эфесе человек мог переживать тайны Вселенной. Человеческая душа обладала памятью о давно прошедших космических эпохах. Такой памяти предшествовало эволюционно еще что-то: ей предшествовало реальное переживание этих ранних времен. От этого осталось только прозрение в ранние эпохи. Но в то время, о котором рассказывает эпос о Гильгамеше, мы не можем говорить о памяти о прошлых космических эпохах, мы должны говорить о настоящем переживании минувшего. - После эпохи космической памяти пришло то, что я назвал промежуточной эпохой от Александра до Юлиана Отступника. Пропустим на время этот период. Затем следует эпоха, которая породила западную цивилизацию средних веков и современности. Здесь уже больше нет памяти о космическом прошлом, еще меньше переживания прошлого в настоящем; ничего не осталось, кроме традиции.

Переживание прошлого в настоящем

Память души о космическом прошлом

Традиция

Теперь можно вести письменную хронику. Возникает история. История впервые появляется в римский период. Подумайте, мои дорогие друзья, какое потрясающее изменение мы здесь имеем. Подумайте, как ученики в Эфесских мистериях жили со временем, принимали в нем участие. Им не требовалось книг по истории. Письменные летописи были бы для них смехотворны. Довольно было размышления и достаточно глубокой медитации, и прошлое вставало из глубин человеческого сознания. Здесь не было демонстрации психоанализа в духе современных докторов: человеческая душа испытывала огромный подъем, вызывая таким способом минувшее из живой памяти.

Но в последующие времена человечество утратило эту способность, и возникла необходимость записывать прошедшее. Но в то время, пока человек давал захиреть своей древней силе космической памяти и стал топорным образом записывать великие события мира, - все это время в его внутреннем существе развивалось личное воспоминание, личная память. - Ибо каждая эпоха имеет собственную миссию, у каждой эпохи собственная задача. Здесь вы имеете обратную сторону того, что я представил вам в самой первой лекции этого цикла, когда описывал возникновение того, что мы обозначили "временной памятью". Эта память во времени, или временная память, имевшая свою, так сказать, колыбель в Греции, развивалась через римскую культуру в средневековье и в новые времена. И ко времени Юлиана Отступника уже вполне было заложено ядро культуры личности; доказательство тому - не пошедшее, в сущности, на пользу Юлиану Отступнику посвящение в Элевзинские мистерии.

Теперь мы подошли к периоду, когда человек Запада, начиная с III или IV века после Р.Х., вплоть до нашего времени проводит свою земную жизнь полностью вне духовного мира, живет в ставших пустыми абстракциями понятиях и идеях. В Риме даже сами боги стали абстракциями. Мы достигли времени, когда человечество лишилось какого-либо знания о живой связи с духовным миром. Земля больше уже не Азия, низшее из небес, Земля - сама по себе некий мир, а небеса далеки, непроницаемы и покрыты тьмой для человеческого взора. Наступило время, когда человек вырабатывает в себе личность под влиянием римской культуры, которая распространилась по всем странам Запада.

И точно так же, как мир душ граничит с духовным миром, миром духов,

лежащим выше, так и цивилизация Запада, своего рода мир душ, во времени граничит с духовным восточным миром. И этот мир душ простирается вплоть до наших дней. И теперь, в наше время, большинство людей совершенно не замечает того факта, что снова происходит другое громадное изменение. Тем из вас, кто часто слушает мои лекции, известно, что я неохотно называю какой-нибудь период переходным, потому что в действительности таковым является каждый период, - каждый период означает переход от былого к грядущему. Суть в том, что во что переходит. Сказанное уже наводит на мысль, что в этом случае, как бы переходя из мира духов в мир душ, приходишь затем в физический мир. В современной же цивилизации, - какой она развивалась до сих пор, - мы можем снова и снова находить отзвуки духовного. Сам материализм не обходится без отзвуков духа. Истинный и искренний материализм во всех областях пребывает с нами только с середины XIX века и в своем полном значении понят еще немногими. Но он действует здесь с гигантской силой, и теперь мы совершаем переход к третьему миру, который в действительности так же отличается от предшествовавшего римского мира, как этот последний от восточного.

Далее, существует еще один период времени, который выпадает из линии такого развития: это период между Александром и Юлианом. На середину этого периода приходится Мистерия Голгофы. Те, кому была принесена Мистерия Голгофы, не восприняли ее как люди, понимающие мистерии: иначе они имели бы совершенно другие понятия о Христе, который жил в человеке Иисусе из Назарета. Только немногочисленные современники Мистерии Голгофы, посвященные в тогдашние мистерии, могли иметь подобные понятия. Но зато большая часть западного человечества не имеет представлений и понятий для духовного постижения Мистерии Голгофы. Поэтому первым путем, на котором Мистерия Голгофы обрела себе место на Земле, был путь внешней традиции. Только в самые первые столетия существовали такие люди, которые могли постигать духовно, благодаря своей причастности к мистериям, то, что произошло при Мистерии Голгофы.

Но это не все. Было еще что-то, о чем я говорил вам в недавно прочитанных лекциях,* и мы должны к этому снова вернуться. /*"Облики Мистерий" (ИПН, том 232)./ Повсюду в Гибернии, в Ирландии, еще оставались отзвуки древней атлантической мудрости. В мистериях Гибернии, эскизное описание которых я вам дал, имелись две статуи, действовавшие суггестивно на человека, делая для него возможным взирать на мир так же остро, как его видели древние атланты. Строго охранялись эти мистерии Гибернии, окутанные атмосферой глубокой серьезности. Такими они были во времена, предшествовавшие Мистерии Голгофы, и такими же они оставались во времена Мистерии Голгофы. Мистерия Голгофы происходила в Азии; в Иерусалиме произошли события, которые стали позднее известны людям через Евангелия путем традиции. Но в тот момент, когда Мистерия Голгофы разыгрывалась в Палестине, в тот же самый момент она стала известна в мистериях Гибернии и созерцалась ясновидчески. И хотя никакие устные вести не доходили и никакая связь не была возможна, но в мистериях Гибернии это событие совершилось в символической картине одновременно с ее действительным осуществлением в Иерусалиме. К познанию ее приходили не через традицию, а духовным путем. Тогда как в Палестине это величайшее событие разыгрывалось в конкретной физической реальности, в мистериях Гибернии, через выполнение определенных ритуалов, в то же самое время, когда осуществлялась Мистерия Голгофы, живая картина ее присутствовала в астральном свете.

События человеческой эволюции тесно связаны между собой;

существовал как бы род расселины или провала, распространявшийся в то время по миру, в котором постепенно исчезала былая близость человека к богам.

На Востоке древнее видение богов пришло в упадок после сожжения Эфеса. В Гибернии оно оставалось еще несколько веков после Христа, но впоследствии исчезло и там. И все, что излучалось из Мистерии Голгофы, развилось через традицию, передавалось путем устной традиции, и мы находим на Западе рост цивилизации, покоящейся всецело на устной традиции. Позднее эта цивилизация опирается, скорее, на внешнее наблюдение природы, на исследование природы при помощи внешних чувств, что соответствует традиции - письменной или устной - в сфере истории.

Итак можно сказать: здесь мы имеем цивилизацию личности. И в этой цивилизации Мистерия Голгофы со всем тем, что принадлежит духу, больше не воспринимается человеком, она просто передается как история (см. рис. на стр. 108). Мы должны представить со всей ясностью эту картину - образ цивилизации, из которой удалено все духовное. Эта культура начинается со времени, последовавшего за Юлианом Отступником, и продолжается до тех пор, пока, в конце XIX века, начиная с конца 70-х годов, не приходит как бы новый зов человечеству с духовных высот. Начинается эпоха, которую я часто описывал как эпоху Михаила. Сегодня я хочу охарактеризовать ее как эпоху, в которой человек, если он хочет оставаться при своем старом материализме, - а большая часть человечества желает этого, - неизбежно падет в страшную пропасть; у него нет никакого другого пути, как опуститься и стать недочеловеком, он попросту не сможет удержаться на человеческом уровне. Чтобы устоять на человеческом уровне, он должен раскрыть свои чувства духовным откровениям, которые снова приближаются с конца XIX века. Теперь это абсолютно необходимо.

Ибо вы должны знать, что в Герострате действовали известные духовные силы. Он был, так сказать, последним клинком, обнаженным некоторыми духовными силами из Азии. Когда он швырял горящий факел в храм в Эфесе, за ним стояли демонические существа, держа его, как держат меч или основание факела; он был только мечом или факелом в их руках. Ибо эти демонические существа вознамерились не допустить существ из сферы духа в грядущую европейскую цивилизацию; духовному надо было перекрыть туда доступ.

Аристотель и Александр противостояли деятельности этих существ. И что же они свершили в истории? Благодаря походам Александра естествознание Аристотеля проникло в Азию, добротное естествознание распространилось повсеместно. Не в одном только Египте, но и повсюду в Азии Александр основывал академии и эти академии превращал в обители древней мудрости, где еще долго могло продолжаться ее изучение. Туда всегда могли прийти мудрецы Греции и найти там прибежище. Благодаря Александру естествознание было перенесено в Азию.

В Европу это глубокое естествознание не могло проникнуть тем же образом. Европа не могла совершенно честно принять его. Она хотела только внешнего знания, внешней культуры, внешней цивилизации. Поэтому ученик Аристотеля Теофраст извлек из аристотелизма то, что Запад мог воспринять, и распространил. Это были по большей части логические сочинения. Но и это очень важно. Ибо все сочинения Аристотеля имеют ту особенность, что они читаются иначе, чем сочинения других авторов, и даже его абстрактные и логические сочинения не составляют исключения. Ради эксперимента прочтите сначала Платона, а затем Аристотеля с внутренней сосредоточенностью, в медитативном духе, и вы найдете, что при этом

возникают совершенно разные переживания. Когда современный человек читает Платона с истинно духовным чувством и с медитативным настроением, через некоторое время у него возникает ощущение, подобное тому, как если бы его голова была немного выше, чем она есть на самом деле, как если бы он вырос за пределы своего физического организма. Это непременно переживание каждого, кто читает Платона, если не читать его совершенно засушенным образом.

С Аристотелем дело обстоит иначе. С Аристотелем у вас никогда не будет чувства, что вы выходите из своего тела. Когда вы читаете Аристотеля, подготовившись медитативно, вы найдете, что он работает непосредственно в физическом человеке. Ваша физическая природа делает шаг вперед через чтение Аристотеля. Его логика действенная; это не логика простого наблюдения и рассмотрения, это логика, которая действует во внутреннем существе. Сам Аристотель на голову выше всех педантов, которые пришли за ним и развили логику, исходя из него. В некотором смысле мы можем сказать, что сочинения Аристотеля понимают правильно только тогда, когда рассматривают их как книги для медитации. Так вот примечательно обстоит дело. Подумайте, что бы произошло, если бы естественнонаучные сочинения Аристотеля перешли на Запад и пришли в Среднюю и Южную Европу. Несомненно, они бы много дали, но вредным образом. Ибо естествознание, которое Аристотель мог передать Александру, требовало для своего постижения таких душ, которые еще соприкасались с духом Эфесской эры, - с временем, что предшествовало сожжению Эфеса. Такие души могли быть найдены только в Азии или в Египте; и именно туда это природоведение, проникающее в существо природы, было принесено походами Александра (разработка рисунка: оранжевое справа). Только позднее и в разбавленной форме оно пришло в Европу многими и разнообразными путями, - в особенности, например, через Испанию, но всегда в очень разжиженной или, можно сказать, причесанной форме (желтое справа налево).

Сочинения Аристотеля, которые непосредственно проникли в Европу, были его сочинениями по логике и философии. Они выжили и обрели новую жизнь в средневековой схоластике.

Таким образом, у нас есть два этих течения. С одной стороны, мы всегда имеем поток мудрости, который растекается вширь и вглубь среди простого народа, - это тайный источник многих средневековых мыслей и взглядов. Это посев, который когда-то давно, благодаря своим походам, Александр перенес в Азию, а теперь он снова вернулся обратно в Европу разными путями - через арабов, например, а позднее - с сонмами возвратившихся крестоносцев. Мы находим его в каждом уголке Европы незаметно струящимся в скрытых местах. В эти места приходили люди, вроде Якоба Беме, Парацельса и многих других, чтобы воспринять то, что пришло туда окольными путями и сохранялось в этих широких примитивных кругах европейской жизни. И у нас в Европе было гораздо больше народной мудрости, чем обычно признается. Поток продолжается даже теперь. Он питает своими приливами мудрости такие резервуары, как Валентин Вейгель,* или Парацельс, или Якоб Беме и еще многие, чьи имена менее известны. А иногда он встречается - как, например, в Базилиусе Валентинусе** - с новым потоком, который позднее проникает в Европу. / *Якоб Беме (1575-1624), Теофраст Парацельс (1493-1541); Валентин Вайгель (1533-1588) см. Рудольф Штейнер "Мистика на заре современной духовной жизни" (ИПН, том7)./ /** Базилиус Валентинус - алхимик XV века, бенедиктинский монах в Эрфурте. Под его именем около 1600 г. была опубликована серия алхимических трудов. См. лекцию Рудольфа Штейнера от 26 апреля 1924 г. в "Эзотерических рассмотрениях кармических

взаимосвязей", том 2 (ИПН, том 236)./ В средневековых монастырях живет алхимическая мудрость: не та алхимия, что демонстрирует просто превращения материи, но алхимия, которая демонстрирует внутреннюю природу изменений самого человеческого существа во Вселенной. Тем временем признанные школяры были заняты другим Аристотелем, - дурно понятым, приглашенным, "логизированным" Аристотелем. Но эта Аристотелева философия, которую изучали схоласты и последующие ученые, принесла-таки Западу благодеяние. Ибо только в XIX веке, когда разучились понимать Аристотеля и просто изучали его, как если бы это была книга, подобная прочим, а не книга для упражнений в медитации, - только в XIX веке вышло так, что люди больше ничего не получали от Аристотеля, потому что он больше не жил и не действовал в них, ибо стал не книгой упражнений, а предметом изучения. До XIX века Аристотель был книгой для упражнений в медитации, но в XIX веке все было направлено на то, чтобы превратить то, что некогда было упражнением, работой, активной силой, в абстрактное знание. /*"Гимнаст... Риторик... Доктор" - подробнее Рудольф Штейнер говорил об этом в "Современной духовной жизни и воспитании" (Издание полного наследия, том 307), а также 24 июля 1924 г. в "Педагогической ценности человеческого познания в культурном мире педагогики" (ИПН, том 310)./

Рассмотрим теперь эти вещи под другим углом зрения. В Греции еще была смелая уверенность, что прозрение и понимание исходит из всего человеческого существа. Учитель есть гимнаст. Из всего человеческого существа, пребывающего в движении, - ибо сами боги проявляются в телесных движениях человека, - рождается нечто такое, что затем проявляется и обнаруживает себя как человеческое понимание. Гимнаст есть учитель. В Риме ритор вступает на место гимнаста. Нечто уже отнято от человеческого существа в его цельности; тем не менее мы имеем еще все-таки связь с деянием, производимым человеческим существом в некоей части его организма. Какие движения имеются во всем нашем существе, когда мы говорим? Мы говорим нашим сердцем и легкими, мы говорим, захватывая область нашей диафрагмы и ниже. Мы не можем сказать, что речь живет так же интенсивно во всем человеческом существе, как движения гимнаста, но она живет в большей части его. Что касается мыслей, они, конечно, не более как экстракт из того, что живет в речи. Ритор занимает место гимнаста. Гимнаст имеет дело со всем человеческим существом, ритор выключает члены и имеет дело только с частью человеческого существа, а также о том, что посылается из этой части в голову и там становится постижением и пониманием. Третья стадия появляется только в новые времена, и это - стадия доктора, который натаскивает только голову своих учеников, заботится только о мыслях. "Профессоров красноречия назначают в некоторых университетах даже еще в XIX веке, но они уже не нужны этим университетам, ибо исчез обычай высоко ценить искусство речи, сохранило вес одно мышление. Риторы вымерли. Доктора и профессора, следившие за наименьшей частью человеческого существа, а именно, за его головой, стали заводилами в воспитании.

Пока еще там присутствовал настоящий Аристотель, была тренировка, дисциплина, упражнения, которые человек получал от изучения его трудов. Оба потока протекали параллельно. И тем из нас, кто не особенно молод и кто интересовался развитием мысли за последние десятилетия XIX века, хорошо известно (если нам доводилось идти к деревенскому люду по примеру Парацельса), что последние остатки средневекового народного знания, из которого черпали Якоб Беме и Парацельс, еще существовали в Европе даже в 60-е и 70-е годы прошлого века. Более того, также верно и то, что внутри неких орденов и в жизни определенных замкнутых кругов род

внутренней дисциплины по Аристотелю культивировался вплоть до последних десятилетий XIX века. Так что в прошлые годы можно было еще повстречать здесь и там как бы последние побеги Аристотелевой мудрости, которую Александр принес в Азию, Африку и Испанию. Это та же самая мудрость, которая обрела новую жизнь в таких людях, как Базилиус Валентинус, и тех, что пришли после, и из которой черпали Якоб Беме, Парацельс и многие другие. Она опять вернулась в Европу, но другим путем - через крестоносцев. Аристотелева мудрость существовала, рассеянная вглубь и вширь среди простого народа. Приятно отметить, что в последние десятилетия XIX века последние отзвуки древнего природоведения, принесенные в Азию экспедициями Александра, еще могли быть услышаны, хотя и в несколько искаженной и трудно узнаваемой форме. В старой алхимии, в старом знании о связях между силами и субстанциями природы, столь поразительно живучем среди простого деревенского люда, мы снова можем обнаружить его последние отголоски. Теперь они вымерли; теперь они прошли, их более нельзя услышать.

Точно так же в те годы можно было еще найти отдельных личностей, являвших собой свидетельство Аристотелевых духовных наставлений; теперь и их не стало. Так сохранялось то, что некогда было перенесено на Восток (дальнейшая разработка рисунка; красное справа налево), и то, что на окольном пути через ученика Аристотеля Теофраста было перенесено на Запад (синее - из центра влево). Но то, что было перенесено на Восток, снова вернулось назад. В 70-е, 80-е годы XIX века новое, не-посредственное духовное познание могло примкнуть к тому, что как последние побеги коренилось в событиях, которые я вам описал.

Существует поистине удивительное взаимодействие во всех этих вещах. Ибо мы можем видеть, как в них присутствовали походы Александра и учение Аристотеля, - чтобы не дать порваться нитям, что связуют человека с древней духовностью, как бы прострочить ими грядущую материалистическую цивилизацию, дабы они выдержали до того времени, как будут даны новые духовные откровения.

С этой точки зрения мы можем обрести правильное понимание исторических событий, ибо часто то, что кажется бесполезными начинаниями, чревато глубоким значением для исторического развития человечества. Легко сказать, что экспедиции Александра в Азию и Египет прошли и миновали. Но это не так. Легко сказать, что Аристотель перестал существовать в XIX веке. Но существовать он не перестал. Оба потока продолжались до того момента, как стало возможно обновить жизнь духа.

Я многократно говорил вам в разной связи, как новая духовная жизнь началась в конце 70-х годов XIX в, и как, отправляясь от этого поворотного момента столетия, она разрасталась все больше и больше. Наша задача - воспринять во всей полноте поток духовной жизни, льющийся на нас с высот. Ибо теперь мы находимся в таком периоде, который означает настоящий переход к духовному раскрытию человечества. И если мы не сознаем этих удивительных связей и того, как глубоко настоящее связано с прошлым, тогда мы окажемся поистине слепыми к важным событиям, которые происходят вокруг нас в духовной жизни нашего времени. И большинство людей нашего времени беспробудно спят в отношении самых важных событий. Но задача антропософии в том и состоит - пробудить человека ото сна.

Я верю, что все вы, пришедшие сюда на это Рождественское собрание, чувствуете импульсы, призывающие вас пробудиться. Приближается день, когда это собрание закончится, наступит годовщина того дня, когда

разгорелось страшное пламя, разрушившее Гетеанум. Пусть мир думает, что хочет, о сожжении Гетеанума; для развития антропософского движения этот пожар имеет огромное значение. Но мы не сможем судить обо всем его значении, пока не обратим свой взор еще кое на что. Снова, мысленно всматриваясь в физические языки пламени, разгоревшиеся в ту ночь, мы видим изумительное зарево, которое отбрасывал плавящийся металл органических труб и других металлических конструкций, создавая в пламени удивительную игру красок. А затем мы пробегаем в памяти прошедший год. Но в этой памяти должен жить тот факт, что физическое есть майя, что мы должны искать правду о языках огня в духовном пламени, которое теперь надлежит возжечь в наших сердцах и душах. Из материального пепелища Гетеанума должен для нас возникнуть духовно-живой Гетеанум.

Я не верю, мои дорогие друзья, что можно постичь это в полном всемирно-историческом смысле, если мы не сумеем, глядя на пламя, вздымавшееся страшными, огромными языками над Гётеанумом, который был нам так дорог, всмотреться в то же самое время в то другое преступное сожжение храма в Эфесе, когда Герострат, ведомый демоническими силами, швырнул в храм горящий факел. Когда мы сведем эти два события вместе, поставив одно на переднем, другое на заднем плане, то тогда будем иметь картину, которая даст нам, может быть, достаточно сил, чтобы глубоко запечатлеть в наших сердцах то, что мы потеряли год назад и что мы должны стремиться построить заново.

ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ

Дорнах, 30 декабря 1923 г.

Последний великий прорыв в историческом развитии человечества произошел в первой трети XV века - об этом мы часто говорили; это - переход в развитии от души рассудочной к душе сознательной: мы живем как раз в эпоху, когда человечество развивает преимущественно душу сознательную. И в эту эпоху полностью утрачено истинное проникновение в сам дух природы, утрачена взаимосвязь человеческого существа с более глубокими импульсами и силами природы. В наши дни, когда мы рассматриваем человека в смысле его физической конституции, мы говорим, к примеру, о химических веществах, называя их, как химики, элементами. Но человеку так же мало пользы знать, что еда содержит углерод и азот, как часовщику знать, что часы в его руках состоят из стекла и, скажем, серебра и каких-нибудь других материалов. Всякое знание подобного рода, сводящее истинные субстанции к этим материальным абстракциям, - водороду, кислороду и т.п., - не дает никакого истинного знания человеческому существу. Механизм часов становится понятным при наблюдении в нем связанной системы сил; и аналогично, если мы хотим понять природу и существо человека, мы должны постичь деятельность различных импульсов, которые обнаруживаются во всех царствах природы, понять их действие именно в человеческом существе, ибо здесь они проявляются иначе, чем в других царствах природы. Но в новые времена больше уже не осталось никакого подлинного прозрения в связи человека со Вселенной. Вплоть до XIV и XV веков это видение и знание еще сохранялось; постепенно приходя в упадок, оно, тем не менее, продолжало еще в большей или меньшей степени существовать, и одаренные натуры еще могли им инстинктивно пользоваться. Но позднее истинное проникновение в человеческую связь со Вселенной, доступное еще для немногих, вроде Парацельса, Якоба Беме и других, мало-помалу совершенно утратилось.

Что знает, к примеру, новейшее естествознание, которое постепенно крепло с XV столетия, об отношении, скажем, растительного или животного мира к человеческому существу? Ученый исследует растения в их химической структуре и пытается теми или другими средствами изучать проявления в человеке тех же самых химических элементов. В результате, возможно, он пытается составить понятие - обычно безуспешно! - о влиянии этих субстанций на здоровое и больное человеческое существо. Но все эти исследования, в сущности, сгущают тьму незнания вокруг человека. В наши дни, если мы действительно желаем прогресса в нашем познании человека на основе исторически достигнутого проникновения, необходимо и важно заново изучать, в чем заключается истинное отношение человеческого существа к окружающей его природе.

Вплоть до последней великой революции в человеческом сознании, свершившейся в XV веке, существовало ясное восприятие огромного различия между металлами, которые находятся в человеческом существе, и теми, что находятся в природе. При исследовании различных субстанций в физической природе человека, в ней - в большей или меньшей степени - обнаруживаются определенные металлы. К примеру, в человеческом организме имеется железо в сочетании с другими субстанциями, также имеется магний, и мы могли бы назвать множество других. Вплоть до XV века люди были весьма чувствительны к разнице между металлами, которые можно обнаружить при исследовании человеческого организма, и теми, что имеются во внешней природе, но не сразу обнаруживаются в человеческом организме. Люди прежних времен говорили: человек есть микрокосм; все, что имеется во внешнем мире, в макрокосме, имеется в том или ином виде и в человеке. И это было для них не просто общим, абстрактным принципом, но для продвинутого хоть немного в посвятельном познании это закономерно вытекало из того, что знали о природе человека и природе Вселенной. Люди знали, что к подлинному пониманию человека придут только тогда, когда сведут воедино всю природу, со всеми ее импульсами, со всеми ее субстанциальными составляющими. И лишь тогда можно получить образ, имагинацию существа человека. Элемент же дисгармонии вторгается в этот образ тогда, когда мы встречаем что-то в природе, чего нельзя обнаружить в человеке. Так мыслили естествоиспытатели IX-XI веков. Но в те времена было известно и нечто другое, а именно: то, что воспринято через физическое питание - только часть, может быть, даже не самая важная, того, что служит подкреплением физического организма или, скорее, всего человеческого организма в целом.

В наши дни для современного человека нетрудно подняться над уровнем концепции физического питания и включить туда также дыхание, ибо дыхание также есть форма обмена веществ. Но ему не придет в голову продвинуться дальше. Прежний естествоиспытатель шел дальше. Ему было ясно, что, когда человек смотрит на предметы, он не просто видит глазами, но во время процесса восприятия он получает через глаза в бесконечно малых дозах нечто из субстанции Вселенной. И не только через глаза, но и через уши, и через другие части организма. И средневековый естествоиспытатель полностью сознавал величайшее значение тех субстанций, которые встречаются в ничтожных количествах в человеческом организме (таких, например, как свинец), которые человек воспринимает в бесконечно малых дозах, - субстанций, которые могут быть обнаружены там, где мы не ожидаем их найти. Свинец это металл, наличие которого в человеке нельзя непосредственно продемонстрировать. Но свинец фактически рассеян по всему физическому Космосу в состоянии очень тонкого раствора, и человеческое существо извлекает свинец из Космоса при помощи процесса, который во много раз более тонок, нежели процесс дыхания. Человеческое существо непрерывно выделяет субстанции,

выбрасывая их в направлении периферии. Вы не только обрезаете себе ногти: вы непрерывно сбрасываете субстанции с вашей кожи. Но по мере того, как одни субстанции таким образом отбрасываются, другие приобретаются и воспринимаются организмом.

Таким был образ мыслей, в котором жил естествоиспытатель в средние века - в IX, X, XI или XII веке. У него не было весов, не было никаких грубых измерительных инструментов, которыми измеряют, как действуют вещества и силы; для него было задачей глубже проникнуть во внутренние качества природы, понять ее внутренние импульсы и ее связь с человеческим существом. И люди могли на этом пути узнавать множество вещей, которые они однажды в будущем откроют заново. Ибо, по правде говоря, современность ничего не знает об истинной природе человеческого существа.

Вы знаете, что, когда мы исследовали конституцию человека, мы в результате говорили (чтобы иметь определенный вид классификации или схемы): человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и "я", или организма "я". Прекрасно и ясно. На первый взгляд это просто слова; но неплохо начать именно с них, каждый может вынести из них хоть слабое понятие об истине. Но если мы хотим воспользоваться этой классификацией в практической жизни, особенно в медицине, признанной необычайно важной сферой деятельности и одной из тех, которые на каждом шагу зависят от нашего познания человеческого существа, - тогда мы не можем, конечно, оставаться при словах: мы должны войти в то, что находится за ними и наполняет их содержанием. Мы сначала спросим: как насчет физического тела? Как составить о нем правильное понятие? (Вы скоро увидите, почему я об этом заговорил). Возьмем какой-нибудь предмет на земле вне человеческого существа, - скажем, к примеру, камень. Камень падает на землю. Мы говорим: камень тяжелый, он притягивается Землей, у него есть вес. Мы обнаруживаем и другие силы, действующие на камень. Он имеет кристаллическую структуру, поэтому в нем действуют формообразующие силы. Но они родственны земным силам. Короче говоря, когда мы оглядываемся вокруг, то повсюду находим вещества, подчиненные земной природе. Запомним это как следует: мы имеем вещества, которые подчинены земной природе.

Кто-нибудь, не уяснивший себе этих вещей, может быть, возьмет и укажет нам на кусок угля, кусок черного угля. Чем он является на самом деле? В недрах Земли это уголь; но в тот момент, когда вы удаляете его хотя бы на небольшое расстояние от Земли, он перестает быть углем. То, что делает его углем, не что иное, как силы Земли. Так что вы можете сказать: здесь вот Земля, а внутри нее земные силы; но силы Земли присутствуют также в каждом малом предмете, который я нахожу здесь на Земле. И физическое тело человека, хотя оно, конечно, поразительно устроено, тем не менее, в сущности, тоже предмет, стоящий в зависимости от физических сил Земли, - сил, исходящих из центра Земли. Поэтому физическое тело человеческого существа может быть описано как подчиненное силам, исходящим из центра Земли (стрелки, направленные внутрь, рис. на стр. 119). Но на Земле существуют и другие силы. Эти другие силы исходят из всего окружения Земли, из далекой периферии (стрелки, исходящие из центра, рис. на стр. 119). Представьте на минуту, что вы удаляетесь все дальше от Земли в безмерные выси. Из этих безмерных высей действуют на Землю силы в противовес силам Земли, причем со всех направлений. Да, это реальность, такие силы существуют, приходя изо всех направлений Вселенной и действуя повсюду в направлении к центру Земли. Можно получить их совершенно ясную и конкретную картину следующим образом.

Вы помните, что самой важной субстанцией, образующей основу любого организма, - будь то растение, животное или человек, - является белок. Белок также образует основу для зародыша нового растения, животного или человеческого организма. Из оплодотворенной зародышевой клетки возникает то, что развивается в организм, и субстанцией зародыша является белок. В наши дни вместо настоящего исследования начинают фантазировать и рисуют себе белок, составленный из путанной комбинации химических веществ. Говорят, что он состоит из углерода, кислорода, водорода, азота, серы, а также примесей фосфора, - все в сложном сочетании. Так что атомист видит в белке образец химической комбинации. Атомы и молекулы принято представлять устроенными самым сложным образом. И эта сложная молекула белка, или как вам еще ее угодно назвать, возникает в материнском организме животного или растения; она развивается дальше, из нее рождается новое животное, которое возникает исключительно благодаря наследственности.

С духовной точки зрения все это явная нелепость. Истина в том, что белок материнского животного не есть вовсе сложное химическое соединение: оно расплывается, разрушается и низводится до хаоса. Белок, который в другом случае содержится в теле, еще до известной степени организован, но белок, образующий основу для размножения, отличается именно той особенностью, что он находится в состоянии полной дезорганизации. Материя, содержащаяся в нем, низводится до хаоса и не входит ни в какие соединения; она присутствует в виде простой груды, без порядка и соразмерности; и по этой самой причине белок не подчинен Земле. До тех пор пока белок может тем или другим способом удерживаться в состоянии внутреннего сцепления, до тех пор он подчинен силам, действующим из центра Земли. С того момента, как белок внутренне разрушен и расщеплен, он переходит под влияние всей сферы Космоса. Силы действуют на него отовсюду. И тогда мы получаем крошечный комочек белка, который образует основу для размножения. Этот крошечный комочек белка есть образ всего Космоса, ибо белковая субстанция была расщеплена, разрушена и низведена до хаоса, то есть превращена в космический прах, и благодаря этому стала пригодной для воздействия всего Космоса. Обо всем этом люди в наши дни просто не имеют представления.

Они воображают, что взрослая курица имеет сложный белок; он входит в состав яйца. Затем возникает новая курица. Это продолжение развития белка, его дальнейшее развитие. Затем - опять зародышевая субстанция; и так она переходит от курицы к курице. На самом же деле это не так. Всякий раз, когда происходит переход от одного поколения к другому, белок открывается влияниям всего Космоса. Так что, с одной стороны, мы имеем земные субстанции, подчиненные земным, или исходящим из центра Земли силам. Но мы можем также представить эти земные субстанции обращенными при известных обстоятельствах к силам, которые действуют внутрь из всех уголков, из отдаленнейших пределов Вселенной. Эти силы действуют в человеческом эфирном теле. Эфирное тело подлежит силам Космоса. Таково истинное представление о физическом и эфирном теле. - Допустим, что вы спросите: что такое мое физическое тело? Ответ в том, что это то тело, которое подчиняется силам, исходящим из центра Земли. Что такое мое эфирное тело? Это то, которое подчиняется силам, приходящим в него со всех сторон из периферии. Можно даже показать это на рисунке. Представьте, что это человеческое существо. Его физическое тело есть то, что подчиняется силам, идущим в направлении центра Земли (рис. на стр. 122, красный). Его эфирное тело есть то, которое подчиняется силам,

устремляющимся в него со всех сторон от границ Вселенной (рис. на стр. 122, зеленый). Здесь мы имеем систему сил в человеке. Существуют силы, что тянут вниз, - они действительно присутствуют во всех вертикальных органах, - и существуют силы, что устремлены извне внутрь, в этом направлении (стрелки, рис. на стр. 122). Вы, действительно, можете распознать в человеческих формах, где больше представлен один вид сил, а где - другой. Для ног очевидно, что их форма вызвана тем фактом, что они больше приспособлены к земным силам. Голова больше приспособлена к силам периферии. Аналогично вы можете исследовать также и руки, и это небезынтересно. Прижмите руки плотно к туловищу, и они будут подчиняться силам, идущим в направлении центра Земли. Двигайте ими свободным образом, и вы сами подчините их силам, стремящимся в них со всех сторон с периферии.

Такова на самом деле разница между руками и ногами. Ноги неизменно подчинены центростремительным силам Земли, тогда как руки таковы только в определенном положении, зависят, так сказать, от положения. Человек может изъять их из сферы ориентированных к земле сил и поместить в средоточие тех сил, которые мы называем эфирными, - сил, вливающих внутрь с периферии. И аналогичное вы можете увидеть для каждого органа, - то, каким образом он включен во всю космическую систему.

Вот таковы ваше физическое и эфирное тело. Как же обстоит дело с астральным телом? В пространстве нет других видов сил, кроме этих двух. Астральное же тело черпает свои силы по ту сторону пространства. Если эфирное тело получает их отовсюду с периферии, то астральное тело получает их по ту сторону пространства.

Мы можем найти в природе определенные места, где физические силы Земли входят прямо-таки в гущу эфирных сил, которые устремляются туда со всех сторон. Вы можете представить себе белок, который поначалу находится в физической земле. До тех пор пока сера, углерод, кислород, водород и азот могут быть в нем распознаны каким-либо химическим способом, белок фактически подчинен земным силам. Но с того момента, как он входит в сферу процесса воспроизведения, он изымается из физических сил. Силы Вселенной начинают действовать на него в его дезорганизованном состоянии. Возникает новый белок как образ всей Вселенной.

Но, видите ли, иногда неожиданно возникает следующее положение: дезорганизация, разрушение белка не может зайти достаточно далеко. Вы можете наблюдать белковую субстанцию такого рода, к примеру, у некоторых животных. Чтобы произошло размножение, необходимо, чтобы белковая субстанция была расщеплена, полностью разрушена, - так, чтобы она могла подвергнуться действию сил всего Космоса. Но животному может что-то помешать образовать в целях размножения такую белковую субстанцию, которая могла бы непосредственно отдаться всему макрокосму; чтобы быть способной к размножению, белковая субстанция должна подвергнуться действию всего макрокосма. Животное в рассматриваемом случае не может образовать белковую субстанцию, способную к воспроизведению без дальнейшей помощи. Так обстоит дело с осой-орехотворкой. Что тогда делает орехотворка? Она откладывает свое яйцо в какую-нибудь часть растения. Вы можете раз за разом находить эти орешки

на дубах и других деревьях, на которых орехотворка откладывает свои яйца. К примеру, в листе вы можете увидеть эти странные образования, в каждом листе - по яйцу орехотворки. Почему это так? Почему яйцо орехотворки откладывается в дубовый лист, в результате чего образуется дубовое яблоко, несущее внутри яйцо, которое теперь способно развиваться? Причина этого в следующем. Лист растения содержит внутри себя эфирное тело, которое вписано в весь космический эфир. Он приходит на помощь яйцу орехотворки. Предоставленное само себе яйцо орехотворки беспомощно. Поэтому орехотворка откладывает его в кусочек растения, которое уже содержит эфирное тело, включенное во всю систему космического эфира. Так что орехотворка обращается к дубу, чтобы получить помощь в разрушении ее белка, так, чтобы мировая периферия смогла подействовать на него через дубовый лист, через дуб. Само по себе яйцо орехотворки было бы обречено на гибель, ибо оно не может быть разрушено, оно слишком сильно консолидировано.

Здесь мы можем подсмотреть удивительную деятельность природы. Но та же самая деятельность имеется в природе и в других местах. Допустим, например, что животное не просто неспособно запастись зародышевой субстанцией, которая может открыться космическому эфиру ради воспроизведения; допустим, что оно даже неспособно преобразовать какие-нибудь субстанции внутри себя во внутренние средства питания, то есть приспособить их для своего внутреннего питания. Возьмем пчелу, чтобы далеко не ходить за примером. Пчела не может есть что угодно. Она может есть только то, что растение уже приготовило для нее. И тогда наблюдается что-то очень странное и поразительное. Пчела приближается к растению, отыскивает медовый сок, поглощает его, внутренне усваивает, а затем строит то, чем мы так восхищаемся, - удивительную ячеистую структуру улья. Здесь мы наблюдаем два самых странных и удивительных процесса: пчелу, сидящую на поверхности цветка и всасывающую сок, а затем пчелу, оказавшуюся в улье и строящую изнутри себя при содействии других пчел ячейки сот, которые будут наполнены медом. Что же здесь в действительности происходит? Вы должны внимательно всмотреться в форму ячеек. Они сформированы таким образом (см. рис., справа):

вот одна ячейка, а затем к ней присоединяются другие, и т.д. и т.д. Это маленькие ячейки, сходные по форме еще с чем-то таким, что мы находим в природе, только там полые пространства заполнены: они имеют очертания кристаллов кварца, кристаллов кремниевой кислоты. Если вы пойдете в горы и осмотрите кристаллы кварца, вы найдете, что их можно нарисовать в той же форме. Рисунок, правда, покажет некоторую беспорядочность очертаний, но в основном форма будет сходной с формой пчелиных ячеек, размещенных бок-о-бок. Только пчелиные ячейки сделаны из воска, а кварц - из кремниевой кислоты.

Когда мы проникаем в суть этих совпадений, мы находим определенный момент в далеком прошлом эволюции Земли, когда в горах впервые был сформирован кристалл кварца. Он был образован общими эфирными и астральными влияниями с помощью кремниевой кислоты. Здесь перед нами воздействия, приходящие из окружения, действующие как эфирно-астральные силы и строящие кристаллы кварца в кремниевой субстанции. Повсюду в горах вы найдете эти кристаллы с их удивительными шестиугольными формами. То, что вы нашли в твердых кристаллах, вы снова находите как полые формы - как полые объемы - в восковых ячейках улья. Ибо что происходит? Пчела берет у цветка то, что некогда привело кристалл кварца к существованию. Пчела извлекает это из цветка и производит из субстанции собственного тела подобия кристалла кварца. Процесс, который

происходит между пчелой и цветком, схож с тем, что происходил когда-то давно в макрокосме.

Я рассказал вам об этом для того, чтобы вы смогли понять, насколько необходимо не просто принимать во внимание наличие углерода, азота, кислорода и водорода, подвергая все беспомощно-абстрактному анализу, но наблюдать и отмечать удивительные формообразующие процессы, состояние внутреннего сродства, присутствующие в природе и ее процессах. Некогда в прошлые времена наука инстинктивно строилась на подобных наблюдениях. Но все это утрачено в ходе исторического развития человечества, приблизительно в XV веке. Мы должны это вернуть. Мы должны снова проникнуть во внутренние связи природы и в ее отношение к человеку. Только когда мы сможем снова познавать подобные связи, мы сможем вновь обрести истинное проникновение как в больное, так и в здоровое человеческое существо. В противном случае вся фармакология остается просто поисковой в смысле случайных научных проб, без всякого понимания действия внутренних связей.

Период с XV столетия и до наших дней может быть назван бесплодным периодом в развитии человеческого духа. Он низвел человека ниже его уровня. Человек взирает на растение и животное, на человеческое существо и минерал без какого-либо настоящего понимания их; он изъят из непосредственной связи с миром и Вселенной. В наше время в особенности этот бесплодный период ввергнул человека в хаос во всем, что касается его связи с мировым целым; человек живет, не зная, что все же находится в определенной связи с окружающим его миром. В дни, когда человек размышлял и медитировал над подобными вещами, было известно, что всякий раз, как происходит размножение, глаголет весь макрокосм. В зародыше или семени, способном к размножению, рождается миниатюрный образ всего макрокосма. Все окружающее есть мировое целое, и в мельчайшем зародыше присутствует результат влияний, притекающих к нему из всех направлений мирового целого. В человеческом существе мы можем увидеть совместную деятельность в первую очередь сил, являющихся физическими, центростремительными силами Земли; они действуют во всех органах человека. А в противоположном направлении действуют силы, втекающие в него со всех сторон, - эфирные силы. Взгляните, например, на печень или легкие: вы только тогда поймете их, когда знаете, что в них совместно действуют силы, приходящие из центра Земли, и силы, приходящие по всем направлениям из Вселенной. Затем мы также имеем определенные органы, которые пронизаны астральным телом или же организмом "я", тогда как другие менее проникнуты этими высшими членами. В состоянии сна человеческое существо, конечно, в целом не имеет в себе астрального тела и организма "я". Теперь представьте, что какой-нибудь орган, скажем, легкие (рис. на стр. 119, справа сверху), при некоторых обстоятельствах слишком сильно подвергается воздействию сил, приходящих отовсюду из космического целого (стрелки). Легкое в результате заболевает, ибо необходимы определенная гармония и равновесие между тем, что действует в легком из центра Земли, и тем, что втекает в него из окружения. Если вам удастся найти минеральные субстанции, которые обеспечат легкому противовес излишне сильной деятельности эфирных сил, тогда вы сумеете укротить их чрезмерную активность. Также может произойти противоположное. Эфирные силы могут стать слишком слабыми, а физические силы, действующие из центра Земли, соответственно, стать слишком сильными. В этом случае вы должны перерыть все царство растений, чтобы разыскать что-нибудь такое, что усилит эфирные силы в органе, в котором они ослабли; тогда у вас будет лекарство для этого случая.

Совершенно невозможно найти даже простейшее лекарство через наблюдение одного только физического тела, ибо у физического тела человека нет никаких инструментов, чтобы сообщить что-нибудь о своем собственном устройстве. Так называемый нормальный процесс, происходящий в нем, есть природный процесс, но и процесс, происходящий при болезни, также есть природный процесс. Если у вас так называемая нормальная, здоровая печень, то это печень, в которой происходят природные процессы. Но если в вашей печени существует абсцесс, это тоже печень, в которой происходят природные процессы. Различие никогда не может быть найдено через исследование физического тела. Все, что вы можете вынести из исследования физического тела, это констатировать факт, что одна картина в данном случае отличается от другой. О причине этого вы узнать ничего не можете. Если вы исследуете абсцесс печени, вы только тогда сможете обнаружить его причину, когда будете знать, что в подобном случае астральное тело внедряется в печень более мощно, чем это необходимо; то, что вам надо сделать - это убрать из печени астральное тело, которое слишком сильно завладело этим органом. Из всего этого становится ясно, что нет действительной возможности говорить о здоровье и болезни человеческого существа на основе фактов, пока мы не пойдем дальше физического тела и не включим в наше рассмотрение также и высшие члены человеческого существа. Мы только тогда вновь обретем фармакологию, когда пойдем дальше физического тела, ибо природу болезни невозможно определить, исходя из него одного.

В данное время моя задача состоит в том, чтобы просто представить эти вещи в их историческом аспекте и в их связях. Но следует отметить, что с постепенным ослаблением и угасанием того, что было вынесено из прошлых времен, всякое настоящее знание о человеческом существе попросту вымирало. И теперь, в наши дни, мы поставлены перед необходимостью вновь обрести знание о человеческом существе. Такое знание будет достигнуто, когда мы снова поймем отношение человеческого существа к окружающим царствам природы.

Возьмем в качестве исходной точки "я"-организм человеческого существа. Если через науку посвящения мы достигли имажинативного познания и можем воспринимать "я"-организм человека, то можем спросить себя: с какой частью человеческого организма (в его современном состоянии) стоит этот "я"-организм в особо тесной связи? Он стоит в особой связи со всем, что есть в человеческом существе минерального. Стало быть, когда вы принимаете в себя какое-нибудь специфически минеральное вещество, - например, когда вы кладете на язык немного соли, - то этот ваш "я"-организм немедленно проникает в эту минеральную субстанцию. И пока вещество проходит дальше по телу, все время - даже когда соляная субстанция находится в желудке - "я"-организация остается с этой субстанцией. Соль проходит еще дальше, она претерпевает разные изменения, она проходит через кишечник, - ни в одном месте "я"-организация не отпускает соль от себя. Они напоминают две тесно связанные вещи, две вещи, принадлежащие одна другой: "я"-организация - и соль, которая входит в человеческое существо.

Совсем другое дело, когда вы едите, например, вареное яйцо или другое вещество сходной (белковой) консистенции. "Я"-организация очень мало затрагивается, когда вы держите на языке кусочек вареного яйца. Затем, когда он проскальзывает в желудок, им занимается астральное тело, хотя опять-таки в незначительной степени. Затем яйцо проходит дальше. И теперь сначала эфирное, а затем физическое тело начинают интенсивно воздействовать на него. Они разрушают внутри вас белок, который вы приняли в свой организм с яйцом. Само яйцо теперь стало внутри вас

совершенно минеральным. Оно разрушено и уничтожено. Все живое изгнано из него. Оно разрушено внутри вас. В стенках кишечника белковая субстанция, воспринятая вами извне, перестает в каком-либо смысле быть белком, становится полностью минеральной по характеру. И тогда она переходит к "я"-организму; с этого момента минерализованный белок воспринимается "я"-организмом. Таким образом, "я"-организация занимается только тем, что является минеральным. И все минеральные субстанции изменяются под ее воздействием; в человеческом организме они становятся другими, чем были вне его. Ни одно минеральное вещество не может остаться тем же самым внутри человеческого организма, как снаружи. "Я"-организм следит за этим строжайшим образом. И не только такие вещества, как поваренная соль и т.п., попадают во владение "я"-организма и внутренне превращаются во что-то совершенно другое. Человеческое существо окружено определенными температурными условиями, но этим внешним температурным условиям не должно быть доступа в человеческое существо. Вы не можете даже краешка тела наполнить тем, что окружает вас как внешняя теплота. Такая теплота может действовать только как стимул, вы сами должны создавать и производить теплоту, которая у вас внутри. В тот момент, когда вы являетесь просто, так сказать, объектом и не сами создаете вашу собственную теплоту или холод, а позволяете внешней теплоте оказывать на вас воздействие точно так же, как на какой-нибудь внешний предмет, - в этот самый момент вы заболеваете. Внешняя теплота - даже не вещество, а теплота - сама делает вас больными. Допустим, вы имеете здесь над огнем полотенце или губку. Полотенце или губка только передает дальше теплоту, источаемую огнем. Но когда теплота от огня достигает кожи человеческого существа и действует на органы чувств, стимулируя их, тогда она не должна больше распространяться подобным образом: тогда должна наступить реакция, внутренняя теплота должна быть произведена изнутри. Если человек ощущает озноб, это состояние происходит из того факта, что он не просто дал себя стимулировать для создания своей собственной теплоты, но позволил внешнему холоду до известной степени проникнуть под кожу. Значит, он не занял своего места в мире в качестве полностью активного человеческого существа, которое наполняет себя своей собственной активностью и своими собственными импульсами, но сыграл, скорее, роль объекта, позволяющего деятельности и влияниям внешнего мира протекать через него. В том-то и заключается основная природа "я"-организации, что она вбирает в себя то, что является минеральным, и полностью преобразует его изнутри, превращая его во что-то совершенно другое.

Только когда мы умираем, минеральное из нас возвращается обратно в минеральное внешней природы. До тех пор пока мы живем на Земле и в нас есть минеральное, заключенное в границах нашей кожи, до тех пор "я"-организм непрерывно продолжает преобразовывать его. Аналогично, все принятое нами из растительной природы непрерывно преобразуется деятельностью астрального тела. Во всем том, что имеет минеральную природу, "я"-организм вызывает полную метаморфозу, - не только в твердом минеральном, но также в жидком и газообразном минеральном и в минеральном тепла. Конечно, в обиходе мы можем сказать: вот вода, я ее пью. Теперь эта вода внутри меня. Но истина состоит в том, что с того момента, как мой организм принял воду, по причине действия моего "я"-организма эта вода внутри меня - больше уже не та же самая вода, что снаружи. Она только тогда опять становится той же самой, когда я выделяю ее в форме пота или каким-нибудь другим способом. В границах моей кожи вода не есть вода, это живая жидкость.

В таком же духе мы должны изменить наши мысли о великом множестве вещей. Сегодня я смог только дать вам мелкие указания. Продумайте их.

Подумайте, как белок должен быть дезорганизован и разрушен, чтобы подвергнуться воздействию всего макрокосма. Подумайте, как вода, которую я пью, становится во мне живой жидкостью и больше не является неорганической водой: вода пронизывается "я"-организмом. Подумайте, что если вы едите капусту, то вне вас это была капуста, внутри же вас астральное тело воспринимает капусту в себя и преобразует в нечто совершенно иное. И здесь мы подходим к рассмотрению очень важных процессов в человеческом теле. Мы учимся понимать, как в нашей системе обмена веществ мы имеем процессы, которые только на одну эволюционную ступеньку отстоят от обменных процессов, которые происходят, например, в нашем мозгу, - процессов, которые строят нервную систему и т.д. Я буду говорить об этом завтра и поясню в связи с этими процессами коренное различие между людьми XII и XX веков. Мы увидим, что необходимы новые импульсы, если люди ожидают прогресса в понимании здоровья и болезни. Без знания о человеке уже больше ничего нельзя узнать о здоровом или больном человеческом существе. Итак, об этом продолжим беседовать завтра.

ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ

Дорнах, 31 декабря 1923 г.

Мы стоим сегодня под знаком мучительного воспоминания, и я хочу поместить тему нашей сегодняшней лекции под знак этого мучительного воспоминания. Лекция, которую я смог прочитать ровно год назад в нашем старом Гётеануме,* - те из вас, кто там присутствовал, помнят это, - исходила из описаний природы, отношений в природе, которые могут быть прослежены на Земле, и выходила из них в духовные миры и откровения духовных миров в звездных письменах. /*31 декабря 1922 г. - см. "Отношение звездного мира к человеку и человека к звездному миру. Духовное причастие человечества" (ИПН, том 135/ И вы должны помнить, как мы тесно увязывали затем человеческое сердце, человеческую душу и дух в целостности их природы и существа с тем, что обретают на пути, уводящем от земного в далекие звездные пространства, где духовное начертало свои космические письмена. И слова, которые я тогда написал на доске в последний раз в зале, который был так скоро отнят у нас, несли в себе этот импульс и это предназначение: поднять человеческую душу в духовные выси. Так в тот вечер мы были приведены в непосредственное соприкосновение с тем, чему был посвящен по всему своему замыслу наш Гетеанум. Позвольте мне и сегодня поговорить с вами об этих вещах, как бы продолжая лекцию, прочитанную здесь год назад.

В дни, предшествовавшие сожжению Эфеса, когда говорили о мистериях, - при условии, что говорили люди сведущие, - то говорили следующим образом: центром и обителью человеческого знания, человеческой мудрости являются мистерии. А когда в те давние времена духовные водители Вселенной говорили о мистериях, когда о мистериях высказывались в сверхчувственных мирах, - я позволил себе выразиться так, хотя это не более чем фигуральное выражение, предназначенное описать то, как мысли и воздействия нисходят из сверхчувственного в чувственный мир, - когда, стало быть, о мистериях высказывались в сверхчувственных мирах, то это бывало примерно так: "В мистериях человек сооружает места, в которых мы, боги, можем найти людей, приносящих жертву и постигающих нас при жертвоприношениях". Ибо фактически люди древности, сведущие люди древности, сознавали, что в местах мистерий боги встречаются с людьми; они знали, что все то, что несет и держит мир, покоится на том, что

происходит между богами и людьми в священных мистериях.

Но есть некие слова - слова, дошедшие до нас из истории, которые могут властно говорить человеческому сердцу даже из внешнего исторического предания, но с особой силой и серьезностью говорят, когда мы видим, как они вырисовываются из беспрецедентных событий, когда мы видим их вписанными железными буквами в историю человечества, хотя их начертание можно узреть лишь на мгновение в духе. Я говорю вам, что всякий раз, когда взор духа обращается на деяние Герострата, на сожжение Эфеса, в этих языках пламени могут быть прочитаны древние слова: зависть богов.

Среди множества разных речений, дошедших до нас из древности, среди всех слов в физическом мире именно эти слова, - и я совершенно в том убежден, - являются особенно страшными: зависть богов. В те древние времена наименование "бог" прилагалось ко всем существам сверхчувственной природы, - к любому виду существ, не имевших нужды являться на Землю в физическом теле. Различалось множество разных видов богов. Божественно-духовные существа, теснее всего связанные с человеком, от которых человек происходит в своей самой внутренней природе и которыми он был брошен в поток времени, суть те же самые существа, которых мы познаем в величии природы и в малейших ее проявлениях и которых мы также обнаруживаем в том, что живет в нашем собственном сокровеннейшем "я", эти божественно-духовные существа, конечно, не могли быть завистливы. И все-таки в то древнее время "зависть богов" была чем-то вполне реальным для человека. Если мы обозреем период человеческого развития, приводящий нас ко времени Эфеса, мы найдем, что наиболее развитые представители человеческого рода восприняли в свое существо многое из того, что добрые боги передали им в мистериях. Ибо мы не погрешим против истины, если скажем, что существовала тесная взаимосвязь между добрыми человеческими сердцами и добрыми богами, и эта близкая взаимосвязь все теснее и теснее скреплялась в мистериях. Но другие известные существа божественной природы, люциферически-ариманические божественные существа, узнали, что человек все ближе и ближе приступает к добрым богам. И среди этой части богов возникла зависть - зависть к человеку. Снова и снова в человеческой истории нам приходится слышать, как человек, стремящийся к духу, падает жертвой трагической судьбы. В древние времена о таком событии говорилось, что оно вызвано завистью богов.

Греки отлично знали, что зависть богов существует; они относили к ней многое из того, что происходило в истории человека. С сожжением Эфеса обнаружилось, что дальнейшее духовное развитие возможно только, если человек осознает, что существуют боги, - то есть сверхчувственные существа, - которые завидуют дальнейшему развитию человека. - Это то, что придает особый колорит всей истории, последовавшей за сожжением Эфеса, - или, я мог бы сказать, за рождением Александра. И это существенно для правильного понимания Мистерии Голгофы. Нашему взору открывается мир, наполненный завистью известного рода богов. Со времени, начавшегося вскоре после персидской войны, душевная атмосфера греческого мира была исполнена проявлениями зависти богов. И в македонскую эпоху следовало действовать в полном сознании того, что зависть богов пропитывает духовную атмосферу над поверхностью Земли. Но люди действовали смело и дерзко - вопреки взаимному непониманию богов и людей.

В эту атмосферу, напоенную завистью богов, погрузилось затем деяние того Бога, который нес величайшую силу любви, какая может существовать в мире. Мы только тогда увидим Мистирию Голгофы в истинном свете, когда прибавим ко всему, что мы узнали о ней, такую картину: мрачная громада,

нависшая в древние времена над Грецией, Македонией, Малой Азией, Северной Африкой и Южной Европой, - черные тучи, которые суть выражение зависти богов. А затем в этой заполненной тучами атмосфере мы созерцаем струящиеся вниз теплые и кроткие лучи любви, источаемые Мистерией Голгофы.

Но когда мы приближаемся к нашему собственному времени, тогда то, что в прошлые века, было, если так можно выразиться, делом богов и людей, в эту эпоху человеческой свободы должно разыгрываться внизу, в физической жизни людей. Мы можем описать, каким образом это разыгрывается. Когда люди размышляли о мистериях в древние времена, то это можно было выразить такими словами: в мистериях, говорили они, имеет пристанище человеческое знание, человеческая мудрость. А когда о мистериях высказывались боги, тогда говорилось: когда мы сходим в мистерии, мы находим жертвоприношения от человеческих существ, и человеческие существа постигают нас в жертвоприношении.

Сожжение Эфеса знаменует начало эпохи постепенного исчезновения мистерий в их древней форме. Я говорил вам, что мистерии кое-где сохранялись: например, в мистериях Гибернии Мистерия Голгофы была грандиозно отпразднована в культе в то самое время, когда она физически совершалась в Палестине. Знание о ней получили благодаря духовным, а не физическим средствам общения между Палестиной и Гибернией. Но все же истинное существо мистерий отступало все сильнее. Внешние центры, бывшие местами встреч богов и людей, все больше и больше утрачивали свое значение. Ко времени XIII и XIV столетий они почти полностью исчезли. Всякий ищущий пути, скажем, к святому Граалю должен был знать, как ступать по духовным путям. В древние времена - до сожжения Эфеса - человек проходил физические пути. В средние века надо было проходить духовные пути.

Упор для желающего иметь подлинное розенкрейцерское руководство делался с XIII, XIV и особенно с XV века в первую очередь на духовные пути. Ибо храмы розенкрейцеров были тщательно скрыты от внешнего физического наблюдения. Много истинных розенкрейцеров часто посещали эти храмы, - это так, - но внешний физический глаз человека не смог бы их найти. Тем не менее там были ученики, приходившие к этим старым розенкрейцерам; ибо в разрозненных местах истинные розенкрейцеры могли быть действительно найдены. Они напоминали отшельников мудрости и святости. Их мог найти лишь тот, кто был способен воспринять язык богов в кротком сиянии их глаз. Я не говорю просто иносказательно. Я указываю на реальность, - реальность решающей важности для того времени: чтобы найти розенкрейцерского мастера, ученик должен был сначала развить способность воспринимать язык небес в кротком сиянии физического ока. Тогда появлялась возможность найти здесь и там в Средней Европе в XIV и XV веках этих замечательных людей, живших в высшей степени просто и непретенциозно, - людей боговдохновенных, связанных в своей внутренней жизни с духовными храмами, которые на самом деле существовали, но доступ к которым был не легче, чем к легендарному святому Граалю.

Наблюдая в духе происходившее между подобным розенкрейцерским мастером и учеником, мы можем услышать множество бесед, которые еще раз показывают, - хотя и в формах, свойственных своему веку, - как мудрость богов живет и распространяется по Земле. Ибо указания этих мастеров были в своей основе объективны и конкретны. Какой-нибудь розенкрейцерский мастер бывал найден в своем уединении учеником, который не щадил себя, чтобы отыскать его. Глядя в кроткие глаза мастера, из которых лилась речь богов, такой ученик получал в полном смирении примерно такие указания:

"Посмотри, сын мой, на твое собственное существо. Ты несешь на себе тело, которое видимо физическими глазами. Центр Земли снабжает это тело силами, которые делают его видимым. Это твое физическое тело. Но взгляни на твое земное окружение. Посмотри на кристалл; он несет свою форму внутри себя. Земля помогает ему сохранять форму, которая принадлежит его собственному существу. Твое физическое тело не может этого. Когда душа покидает его, оно разрушается, рассыпается в прах. Земля не имеет власти над твоим физическим телом. Земля может формировать, а также сохранять прозрачные кристаллические горы с их поразительной конфигурацией; но Земля не может сохранить форму твоего физического тела, она должна распылить его в прах. Твое физическое тело не от Земли, оно от вышней духовности. Серафимам, Херувимам и Престолам принадлежит форма и облик твоего физического тела. Не Земле, а высочайшим духовным силам, доступным человеку, принадлежит это твое физическое тело. Земля может разрушить его, но построить - никогда.

И далее, внутри этого физического тела заключено эфирное тело. Настанет день, когда твое физическое тело достанется Земле на разрушение. Тогда твое эфирное тело растворится в широких просторах Космоса. Далекие пространства Космоса могут именно растворить, но не могут снова построить твое эфирное тело. Только божественные духовные существа могут построить его - существа из иерархии Сил, Властей, Господств. Им ты обязан твоим эфирным телом. Своим физическим телом ты соединен с физическими субстанциями Земли. Но то, что внутри тебя, преобразует эти субстанции в нечто совершенно отличное от всего, что физически присутствует в окружении физического тела. Твое эфирное тело приводит в движение все, что является жидким внутри тебя, все, что внутри тебя является жидкостью. Соки в их циркуляции находятся под влиянием твоего эфирного тела. Посмотри на твою кровь! Это Власти, Силы и Господства заставляют жидкую кровь циркулировать в твоих жилах. Ты человек лишь в физическом теле; в эфирном теле ты еще животное, хотя животное, инспирируемое второй иерархией. "

То, что я здесь изложил в очень немногих словах, было содержанием развернутых указаний, даваемых таким мастером, в кротком свете глаз которого ученик воспринимал язык небес. И тогда его внимание обращалось к третьему члену человеческого существа, который мы называем астральным телом. И ему становилось ясным, что это астральное тело включает импульс к дыханию, ко всему, что пульсирует как воздух внутри этого нашего тела. Так что это правда, что спустя много времени после того, как человек пройдет через врата смерти, земная природа еще как бы производит возмущения в воздушном элементе, - столь сильные, что ясновидческий взор может в течение многих лет наблюдать в атмосферных явлениях Земли шорохи астральных тел усопших. Тем не менее, Земля с ее окружающей сферой в отношении импульсов астрального тела также не может сделать ничего иного, как растворить их. Ибо они могут быть воссозданы только существами третьей иерархии - Началами, Архангелами и Ангелами.

И тогда мастер говорил, - и его слова глубоко западали в душу его ученика: "Своим физическим телом, поскольку ты воспринимаешь в себя минеральное царство и перерабатываешь его, ты принадлежишь Серафимам, Херувимам и Престолам. Поскольку у тебя есть эфирное тело, ты подобен животному. Здесь ты принадлежишь духам, которых мы обозначаем как вторую иерархию - Господствам, Силам, Властям. Поскольку ты живешь и движешься в жидком элементе, ты принадлежишь не Земле, а этой иерархии. И поскольку ты живешь и движешься в воздушном элементе, ты принадлежишь не Земле, а иерархии Начал, Архангелов и Ангелов".

Когда в должной мере ученик усваивал все эти указания, он больше не чувствовал, что принадлежит Земле. Он чувствовал силы, исходящие из его физического, эфирного и астрального тел, которые соединяют его с иерархиями. Ибо он ощущал, как через минеральный мир он соединен с первой иерархией, через водное Земли - со второй иерархией, а через атмосферу - с третьей. И ему открывалось, что он является обитателем Земли исключительно по причине элемента тепла, которое он несет в себе. Таким путем розенкрейцерский ученик приходил к постижению того, что тепло, физическая теплота внутри него есть то самое, что, собственно, делает его человеком на Земле. И он все больше учился ощущать, как тесно связана теплота души и теплота духа с физической теплотой. Человек последующих времен постепенно утратил всякое знание о том, как его физическое, эфирное и астральное содержание связано - через твердые, жидкие и воздушные формы - с божественным. Но розенкрейцерский ученик хорошо это знал; он знал, что то, что сделало его земным, было совсем не этими стихиями, а элементом теплоты. С того момента, как ученик розенкрейцерского учителя воспринимал эту тайну связи стихии тепла со всей своей жизнью на Земле в качестве земного человека, он знал, как соединить в себе человеческое с духовным.

Далее, ученики, приходившие к этим подчас скромным хижинам, где жили такие розенкрейцерские мастера, заранее подготавливались таким способом, который казался им зачастую совершенно неуместным и выглядел в их глазах просто диковинным. Им намекали, одному так, другому иначе, - зачастую внешне как бы случайно: вы должны искать, где ваша собственная духовная природа примыкает к духовному Космосу. И если ученик мог вместить те указания, о которых я вам говорил, он говорил мастеру: "Я уношу с собой величайшее на Земле утешение. Ибо в вашем показе того, что земной человек имеет в тепле свою собственную стихию, вы открыли мне возможность объединить мою физическую природу с душой и духом. Твердые кости, текучая кровь, воздушное дыхание - ни в одно из них я не вношу своей душевной природы, а только в - элемент тепла".

В те дни ученик покидал своего мастера, унося с собой бесконечный мир и покой. Его лицо выражало полученное великое утешение, и этот мирный облик постепенно рождал тот мягкий и кроткий взгляд, в котором мог звучать язык небес. И так мы находим в те прошлые времена, включая первую треть XV столетия, глубокие наставления в отношении души; но они совершенно неизвестны по сравнению с событиями, о которых рассказывает внешняя история. И все-таки они существовали, и это были наставления, которые глубоко захватывали все человеческое существо и позволяли человеческой душе соединить свою собственную природу со сферой духовно-космического.

Вся эта духовная атмосфера исчезла в ходе последующих столетий. Ее больше нет в нашей цивилизации. Внешняя, чуждая духу цивилизация распространилась по странам, где некогда можно было увидеть цивилизацию вроде описанной. В отношении сцен, подобных только что описанной, мы имеем сегодня только воспоминание, которое может быть обретено только в духе, в астральном. И когда мы оглядываемся на прошлые времена, которые столь часто изображаются нам как времена мрака, а затем обращаем взор на наше собственное время, глубокое, страстное желание рождается в наших сердцах. Из духовных откровений, доступных человеку с последней трети XIX века, рождается страстное желание снова говорить с людьми духовным образом. Но для этого мало говорить абстрактными словами: говорить духовно - значит пользоваться многочисленными знаками и символами; наш язык должен быть всесторонне расширен. Такой язык, дорогие мои друзья, та форма речи, которую

необходимо найти, чтобы духовные существа могли говорить современному человеку, была нам дана в очертаниях Гетеанума, который был разрушен огнем год назад. Поистине, формы строились и вылепливались для этой цели, - чтобы в них продолжалось то, что говорилось с кафедры в понятиях. Поэтому в определенном смысле мы можем сказать, что в Гётеануме мы имели нечто такое, что могло пробудить в совершенно новой форме воспоминание о прошлом.

Когда ученик перед посвящением вступал в храм в Эфесе, его внимание направлялось на статуи, о которых я вам говорил в этих лекциях, и статуи говорили ему на языке сердца такие слова: соедини себя с космическим эфиром, и ты увидишь земное с эфирных высот. Много учеников в Эфесе созерцали таким образом земное с эфирных высей. Но некий род богов был завистлив. За столетия до Мистерии Голгофы храбрецы уже находили способ встретить эту зависть богов. Они находили способ воспринимать то, что приходило к ним из древних святых времен человеческой истории и мощно действовало в человеческом развитии до момента сожжения Эфеса. Правда, к тому времени оно стало тускло и малосильно, но продолжало еще действовать даже в этой ослабленной форме. Будь наш Гетеанум построен до конца, то при входе в него с запада ваш взгляд падал бы на изваяние, призывающее человека познать себя в своей космической природе, познать себя как существо, поставленное между силами Люцифера и Аримана, утверждающее Бога посередине, во внутренней равновесии своего существа. А когда вы смотрели на формы колонн и архитравов, эти формы говорили на языке, который был продолжением языка, звучавшего с кафедры в словах, выражающих духовное в понятиях. Звучание слов переливалось в пластически вылепленные формы. А купол здания был расписан сценами, которые могли вызвать перед душевным взором прошлое эволюции человечества. Всякий, взиравший на этот Гётеанум с чувством и пониманием, мог найти в нем воспоминание об Эфесской храме.

Но воспоминание делается слишком болезненным. Ибо способом, не совсем несходным с тем, что выпал Эфесу в прежнее время, именно в тот момент развития, когда Гетеанум готов был стать носителем обновленной духовной жизни, в этот самый момент был брошен в него пылающий факел.

Дорогие мои друзья, наша боль глубока и невыразима. Но мы решили идти вперед, не сломленные выпавшей на нашу долю трагедией, чтобы продолжать нашу деятельность для духовного мира. Ибо в глубинах наших сердец мы можем себе сказать: когда мы взираем на пламя, вздымающееся над Эфесом, мы видим вписанные в пламя слова: зависть богов. Это было время, когда человек был еще несвободен и должен был следовать воле добрых и злых богов.

В наши дни люди созданы для свободы. А год назад под Новый год мы видели пожирающее пламя. Красное зарево тянулось к небу. Языки пламени, темно-синие и красновато-желтые, пролагали себе дорогу в общем море огня. Они исходили из металлических инструментов, сложенных в Гётеануме; гигантское море огня озарялось многообразной игрой красок. И кто всматривался в это море пламени с его цветовыми контурами и красочными языками, тот поневоле прочитывал слова, - слова, что отзывались болью в душе: зависть людей.

Вот те слова, что звучат от эпохи к эпохе, тесно переплетенные с глубочайшим бедствием и несчастьем. В то время, когда человек еще подымал взоры к богам в несвободе, но имел своей задачей сделаться свободным, это были слова, означавшие для него глубочайшее несчастье и горе. Он видел записанное в пламени: зависть богов. И нитями духовного развития наша собственная беда связана с этими словами. Мы живем в то

время, когда человек должен найти в себе силу для свободы, и теперь мы видим записанными в пламени другие слова: зависть людей. В Эфесе - статуи богов; здесь в Гётеануме - изваяние Человека, изваяние Представителя человечества, Христа Иисуса. Через Него, в полном смирении отождествляя себя с Ним, думали мы прийти к познанию подобно тому, как некогда по-своему, путем, уже совсем непонятным современному человечеству, ученики Эфеса достигали познания через Диану Эфесскую.

Боль не умеряется, когда всматриваешься в свете истории в то, что новогодний вечер принес нам год назад. В последний раз мне было дано стоять на кафедре, построенной в гармонии со всем Гётеанумом, с намерением и целью направить взгляд, духовный взгляд тогдашних слушателей на восхождение из земных областей в звездные миры, где выражены воля и мудрость, свет духовного Космоса. Я хорошо знал: крестные отцы присутствовали там в это время, - духи тех, кто в средние века учил своих учеников описанным образом. И через час после того, как было произнесено последнее слово, я был вызван сообщением о пожаре Гетеанума. На пожаре Гетеанума мы провели всю эту новогоднюю ночь.

Стоит произнести эти слова, и невыразимые чувства вздымаются в наших сердцах и душах. Но когда в эволюции человечества случается так, что нечто святое для этой эволюции бывает отторгнуто, то всегда только немногие способны взяться - после растворения материального - продолжать работу в том духе, которому материальное было посвящено. И собравшись в годовщину трагической утраты нашего Гетеанума, мы хорошо сделаем, если вспомним, что должны душевно занять правильную позицию в отношении этого собрания, и решимся - все и каждый - нести вперед к духу в авангарде человеческого развития то, что было выражено в материальной форме Гетеанума, который был отстранен от физического взора деянием, сходным с деянием Герострата. Наша боль и горе цепляются за старый Гетеанум. Но мы только тогда удостоимся права построить этот Гетеанум, если выполним задачу, которая еще остается за нами, если примем сегодня торжественное обещание - примет каждый из нас перед лицом высочайшего, божественного, которое он несет в своей душе, - верно хранить в памяти духовные импульсы, получившие свое внешнее выражение в утраченном Гётеануме. Гетеанум может быть отнят у нас; дух Гетеанума, если мы будем со всей искренностью придерживаться его, никогда не может быть отнят от нас. Он менее всего сможет быть отнят от нас, если в этот торжественный час, который всего лишь на короткий промежуток времени отстоит от того момента год назад, когда пламя похитило любимый нами Гетеанум, - если в этот торжественный час мы не только ощутим возобновление нашей боли, но из самой боли пообещаем остаться верными духу, которому мы посвятили наш Гетеанум, отдав его строительству десятилетие труда. Если это обещание поднимется сегодня в полной серьезности из глубины наших сердец, если мы сможем преобразить боль и горе в побуждение к действию, тогда мы так же сможем преобразить горестное событие в благодеяние. Боль от этого не пройдет, но она поможет нам найти стимул к действию, действию в духе.

Итак, оглянемся на страшные языки огня, которые наполняют нас такой невыразимой скорбью, но почувствуем в то же самое время, что мы посвятили себя с торжественной клятвой высшим Божественным силам, которые присутствуют внутри нас, - почувствуем, как духовное пламя возгорается в наших сердцах. И пламя в наших сердцах прольет новый свет и тепло на все, что было задумано и вложено в Гетеанум, на все, что мы теперь решаем пронести дальше в авангарде человеческого развития. Сейчас вновь повторим и углубим те слова, которые я смог сказать вам тогда в Гётеануме, почти в этот же самый момент год назад. В ту ночь я говорил

примерно следующее: "Мы на пороге нового года, мы должны идти дальше, чтобы встретить наступление нового космического года". Если бы Гетеанум еще стоял, это пожелание и этот призыв можно было сейчас повторить. Но его больше нет. Однако этот же самый призыв может быть произнесен снова на этот год, может быть произнесен, верю, с удвоенной силой именно потому, что Гетеанума здесь больше нет. Перенесем же душу Гетеанума в новый космический год, попытаемся воздвигнуть в новом Гётеануме достойный памятник прежнему!

Пусть наши сердца будут привязаны к старому Гетеануму, который мы вынуждены были уступить стихиям. И пусть наши сердца будут крепче привязаны к духу и душе этого Гетеанума. И с этим торжественным обещанием перед лицом высочайшего и лучшего в нас мы будем вести нашу жизнь не только в новом году, но и в космическом новом году; мы вступим в него, готовые к действию, поддерживаемые и ведомые в душе и духе.

Дорогие мои друзья, вы внимали мне, возобновляя в своей памяти старый Гетеанум. Вы живете в памятовании этого старого Гетеанума. Давайте теперь встанем в знак того, что мы обещаем себе продолжать работать в духе Гетеанума, обращаясь к лучшим и высочайшим силам внутри нас. Да будет так! Аминь!

И мы будем держать это наше торжественное обещание, мы будем верны ему, пока хватит сил, мы направим на него нашу волю, - ибо наша воля есть то, что соединяет наши человеческие души с душами богов. Мы останемся верными духу, в котором в известный момент нашей жизни мы впервые обратились к духовной науке Гетеанума. Это и значит сдержать обещание, которое мы дали.

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ

Дорнах, 1 января 1924 г.

Мы собрались сегодня в последний раз на наши собрания, которые должны сообщить мощный, значительный импульс антропософскому движению. Поэтому позвольте мне так построить последнюю лекцию, чтобы она, с одной стороны, внутренне соответствовала общей перспективе данного лекционного курса, а с другой, так сказать, эмоциональной стороны, была бы ориентирована на будущее антропософии.

Когда мы взираем сегодня на мир, то нашему взору предстает множество разрушительных сил, действующих уже на протяжении ряда лет; они действуют так, что можно только догадываться, в какую пропасть катится западная цивилизация. Но хочется при этом сказать следующее. Когда мы глядим на тех людей, кто во внешней жизни осуществляет духовное руководство различными ее областями, то замечаем, что эти люди повсеместно погружены в глубочайший сон. Возможно, что совсем недавно большинство из них мыслило так: вплоть до XIX века человечество по своим взглядам и воззрениям было по-детски примитивно. Затем в самые разные сферы жизни пришла новейшая наука, и она культивируется там в качестве вечной истины.

Люди такого рода чудовищно высокомерны, однако не знают об этом. Но в современном человечестве в противовес этому иногда рождается подозрение, что дело обстоит отнюдь не так, как это представляется большинству.

Некоторое время тому назад я читал в Германии лекции (эти лекции

были организованы бюро Вольфа), привлекая такое множество слушателей, что кое-кто уже подметил, что антропософия, собственно, оказывается востребованной. Среди многих нелепо звучащих враждебных голосов оказался один, который хотя высказывался и не умнее других, тем не менее, выдавал некое характерное предчувствие. Оно было зафиксировано в газетной заметке, посвященной лекции, которую я читал в Берлине. Вот что произнес газетный голос. В лекции обращается внимание на то, что нечто происходит не только на Земле, но и во всем Космосе (я цитирую заметку приблизительно). И это призывает людей к некоей иной духовности, чем была прежде. Сейчас так называемые космические силы (а не просто земные импульсы) чего-то требуют от человека. И это - нечто вроде космической революции, результатом которой станет именно стремление к новой духовности.

Этот голос действительно примечателен, ибо истина состоит в следующем. В течении этих дней я обосновывал с разных точек зрения, что импульс, сообщаемый исходящей из Дорнаха духовности, порождается не Землей, а духовным миром. Нам надо развить здесь способность следовать импульсам из духовного мира. Поэтому я говорил во время этого рождественского собрания о разнообразных импульсах, присутствующих в развитии, - говорил о них, чтобы сердца смогли воспринять те духовные импульсы, которые вливаются в земной мир, но которые невозможно воспринять из самого земного мира. Ибо все то правильное, что ранее приносил земной мир, произрастало из духовного мира. И если мы хотим сделать что-то полезное, плодотворное для земного мира, импульсы для этого нам надо взять из духовного мира. Мои дорогие друзья, это побуждает нас заявить: то вдохновение, которое мы получили на этих собраниях для внесения его в нашу дальнейшую деятельность, следует соединить с великой ответственностью.

Давайте посвятим несколько минут той великой ответственности, что налагается на нас участием в этих собраниях. В последние десятилетия духовные наблюдения над некоторыми личностями вызвали горькое чувство относительно ближайших судеб земного человечества. Можно было в духе как бы проходить мимо этих людей, наблюдая, как они во сне оставляют свое физическое и эфирное тела и пребывают со своим "я" и астральным телом в духовном мире. В последние десятилетия во время сна "я" и астральное тело человека находились в странствиях; новые опыты свидетельствуют о тяжелой ответственности того, кому знакомы подобные вещи. Души, которые покидали свое физическое и эфирное тела на время сна, от засыпания до пробуждения, - эти души, как было видно, впоследствии чаще оказывались перед Стражем Порога.

Этот Страж Порога - порога в духовный мир - предстал перед человеческим сознанием на протяжении развития человечества многообразнейшими способами. О важнейших вещах в древности сообщалось в форме легенд и саг, а не в форме исторического предания; так вот, многочисленные легенды и саги изображали именно то, как в древние времена та или иная личность встречалась со Стражем Порога и получала от него наставления по поводу того, каким способом ей надлежит вступить в духовный мир и как вернуться оттуда в мир физический. Ибо правильному вступлению в духовный мир всегда должна сопутствовать возможность возвращения в любой момент в мир физический, - затем, чтобы стоять в нем твердо на ногах, как это свойственно практичному, рассудительному человеку, - отнюдь не мечтателю, не мечтательному мистика.

Подобных наставлений ждали от Стража Порога на протяжении всех тысячелетних устремлений человека в духовный мир. Но начиная с последней трети XIX века крайне редко можно было увидеть человека,

который достигал бы Стража Порога в бодрственном состоянии. В наше же время, когда на все человечество исторически наложена обязанность в какой бы то ни было форме прийти к Стражу Порога, тем более можно обнаружить при путешествиях по духовному миру, как к Стражу Порога приходят именно спящие души - в виде "я" и астрального тела. Вот исполненная смысла картина, которую можно сегодня наблюдать: серьезный Страж Порога, вокруг которого собрались группы спящих человеческих душ, не имеющих сил прийти к этому Стражу Порога в состоянии бодрствования и поэтому приходящих к нему во сне.

После созерцания разыгрывающейся там сцены приходишь к мысли, которая связана именно с зарождением великой ответственности. Те души, которые достигают таким путем, в спящем состоянии, Стража Порога, требуют доступа в духовный мир, перехода через Порог, в состоянии сна. В состоянии бодрствования это происходит неосознанно или подсознательно. И в бесчисленных случаях слышится голос этого серьезного Стража Порога: "Ты не можешь получить доступа в духовный мир. Ты должен вернуться назад. " Ибо предоставь Страж Порога подобным душам беспрепятственный доступ в духовный мир, они бы перешли Порог и вступили в духовный мир с теми понятиями, которыми их снабдила современная школа, современное воспитание, современная цивилизация, - с теми понятиями и идеями, с которыми человек ныне вынужден жить начиная с шестилетнего возраста и, по сути, вплоть до конца своей земной жизни.

Эти понятия и идеи обладают такой особенностью: если человек вступит с ними в духовный мир (подобно тому, как он совершал с ними свое развитие, становление в пределах современной цивилизации и школы), он окажется в отношении своей души парализованным. И его возвращение в физический мир произойдет тогда в мыслительной и идейной пустоте. Если бы Страж Порога не отбрасывал самым строгим образом души весьма многих современных людей, допусти он эти души в духовный мир, то тогда они, по возвращении назад в бодрственное состояние, испытали бы такое чувство: я не в состоянии мыслить, мои мысли не имеют соприкосновения с мозгом, я вынужден жить без мыслей. Таков мир абстрактных идей, которые человек привязывает ко всему в действительной жизни: с ними можно войти в духовный мир, но выйти из него невозможно. И когда видишь эту сцену, которую многие души сегодня действительно переживают во сне, тогда говоришь себе: о, если бы только удалось оградить эти души от испытания при умирании всего того, что они переживают во сне! Ибо если бы это состояние перед лицом Стража Порога продолжалось достаточно долго, - то есть если бы человеческая цивилизация долго пребывала в том, что сегодня изучают в школах и проносят в качестве предания через цивилизацию, то тогда жизнь возникала бы из состояния сна. Человеческие души входили бы через врата смерти в духовный мир, но уже не могли бы перенести в следующую земную жизнь силу идей. Ибо с сегодняшними мыслями можно войти в духовный мир, но с ними нельзя вновь из него выйти. Вновь выйти можно, лишь испытав паралич души.

Обратите внимание на то, что современная цивилизация может быть обоснована с помощью той формы духовной жизни, которая культивируется уже столь долго, но жизнь не приемлет подобных обоснований. Эта цивилизация сможет просуществовать еще некоторое время. Души ничего не будут знать о Страже Порога во время бодрствования, а во время сна они будут этим Стражем отброшены, чтобы не подвергнуться параличу; и в конце концов в будущем появится на свет такая порода людей, которые не смогут применить в земной жизни никаких идей, так что мышление, жизнь в идеях, исчезнет с лица Земли. Земля окажется заселенной больной породой людей, обладающих одними инстинктами. Развитие человечества

окажется во власти дурных чувств и эмоций, лишившись направляющей силы идей. Да, печальная картина, предстоящая духовному взору наблюдателя, - это не только образ души, стоящей перед Стражем Порога, которой запрещен вход в духовный мир: эта картина имеет еще и другой аспект.

Если мы возьмем такое человеческое существо, которое имеет свои корни не в западной, а в восточной цивилизации, и вовлечем это существо в охарактеризованное выше странствие, при котором мы наблюдаем перед Стражем Порога души спящих людей, - если мы так поступим, тогда в духе мы услышим слова этого существа, брошенные как страшный упрек в адрес западной цивилизации: смотрите, если так будет продолжаться впредь, то наступит время, когда ныне живущие люди появятся на Земле в новых инкарнациях - но Земля уже придет в варварское состояние. Люди будут жить без идей, чисто инстинктивной жизнью. Вот что вас ожидает, ибо вы отпали от древней духовности Востока.

Именно такое представление о духовном мире, как я описал, свидетельствует о великой ответственности за то, что является задачей человека. Дорнах должен стать тем местом, где всем желающим сообщается обо всех значительных и непосредственных переживаниях в духовном мире. Здесь должен возникнуть столь мощный духовный центр, чтобы в нем рассуждали не просто о каких-то слабеньких духовных искрах (используя к тому же искусственный язык диалектики или современной эмпирической науки), но открыто говорили о том, что происходит в духовном мире по мере исторического развития и каковы духовные импульсы, вступающие в природное бытие и подчиняющие себе природу. Если Дорнах выполнит свою задачу, то там можно будет услышать о действительных переживаниях, о реальных силах, о существах духовного мира. Здесь должна работать высшая школа духовной науки. И отныне мы не имеем права отступать перед притязаниями сегодняшней "научности", которая ведет людей к Стражу Порога в состоянии сна, как я это показал. Надо, чтобы в Дорнахе человек получал такую духовную силу, чтобы он мог лицом к лицу встречаться с духовным миром и приобретать там опыт.

Не следует здесь произносить диалектических тирад по поводу ущербности теорий современной науки: мы ведь сосредоточились на том, в каком положении перед Стражем Порога оказывается человек благодаря этим теориям и их использованию в обычной школе. Если во время этих собраний мы примем все сказанное всерьез (имея в виду собственную душу), то тогда эта рождественская встреча станет для наших душ тем мощным импульсом, который необходим для того, чтобы в следующем воплощении люди смогли бы действительно встретиться со Стражем Порога. Это означает, что и цивилизация как таковая сможет предстать тогда перед Стражем Порога.

Сравните современную цивилизацию с цивилизациями прошлого. Во всех предшествующих цивилизациях имелись идеи и понятия, которые поначалу восходили в сверхчувственный мир, к богам, - в тот мир, где совершалось творчество и происходили эманации. А затем с помощью тех же понятий, которые адресовались богам, можно было созерцать земной мир, - чтобы постигать также и его посредством понятий и идей божественного достоинства. Если человек, снабженный идеями, которые были образованы в соответствии с миром богов, оказывался перед Стражем Порога, то Страж говорил ему: "Можешь проходить, ибо ты переносишь в сверхчувственный мир то, что было ориентировано на него уже во время твоей земной жизни в физическом теле. При возвращении в физически-чувственный мир у тебя останется достаточно сил, чтобы не оказаться в параличе от зрелища сверхчувственного мира. " - Ныне человек развивает такие понятия и идеи,

которые он, следуя духу времени, может применить только в физически-чувственном мире. Эти понятия и идеи работают во всей области мер и весов и т. п., но бессильны в мире богов. Они не обладают божественным достоинством, божественной ценностью. Поэтому для душ, которые уже целиком подчинены идеям материализма, лишенным божественной ценности и божественного достоинства, когда эти души в спящем состоянии проходят перед Стражем Порога, громом звучат слова: "Не преступай порога! Ты злоупотребил своими идеями ради чувственного мира. Поэтому тебе следует оставаться с ними в чувственном мире: если ты не хочешь оказаться душевно парализованным, ты не должен вступать с ними в мир богов. "

Видите ли, подобные вещи надо говорить не для того, чтобы сообщать пустые сведения: их надо говорить для того, чтобы они пронизывали, пропитывали душу, передавая ей то правильное настроение, которое вы должны вынести из этого столь важного рождественского собрания Антропософского общества. Ибо самое важное из всего того, что мы вынесем отсюда, это то настроение в отношении духовного мира, которое влечет за собой уверенность в том, что Дорнах станет средоточием духовного познания.

Поэтому особенно отрадно было слушать сегодня утром то, что говорил о медицине, которую следует культивировать здесь, в Дорнахе, доктор Цельманс*: ныне уже больше нельзя строить мостов между областью обыкновенной науки и той дисциплиной, которую следует основать здесь, в Дорнахе. На нашей антропософской почве может произрасти некое медицинское знание; но если мы честолюбиво заявим в связи с этим знанием, что, дескать, наши разработки отвечают современным клиническим требованиям, то мы никогда не придем к определенной цели, ибо тогда прочие люди будут говорить: "Ну да, вот новое лекарственное средство. " Получится, что и мы создаем новые лекарственные средства. /*Ф. В. Цельманс ван Эммихофен (1893-1961) - доктор медицины, голландский врач и писатель; написал, в частности, "Рудольф Штейнер. Биография", Штутгарт, 1961 г./

Фактически речь идет о том, что в антропософскую жизнь включается такая область жизненной практики, как медицина. Кажется, я правильно понял сегодня мысль доктора Цейлманса. Ибо он высказывался именно в этом духе, говоря следующее: тот, кто стал сегодня врачом, заявляет: "Я стал именно врачом", но стремится к импульсам из некоей новой области мира. Видите ли, в будущем, очевидно, с медициной в Дорнахе произойдет то же самое, что и с рядом других ответвлений антропософской деятельности, прибывающих пока еще в лоне антропософии: мы с госпожой доктором Вегман*, моей помощницей, сейчас разрабатываем медицинскую систему на основе антропософии, - систему, в которой человечество нуждается и которая вскоре появится. Также я намереваюсь в самом ближайшем будущем установить теснейшие, интимнейшие контакты Гетеанума с клинико-терапевтическим институтом в Арлесхайме, чья деятельность оказалась столь благотворной и процветающей, а в дальнейшем получит действительную антропософскую ориентацию. Это также является целью госпожи доктора Вегман. /*Ита Вегман (1876-1943) - доктор медицины и практикующий врач в Цюрихе до основания ею в 1921 г. Клинико-терапевтического института (ныне клиника Иты Вегман) в Арлесгейме. С Рождества 1923 г. до 1935 г. - секретарь Правления Всеобщего антропософского общества и руководитель медицинской секции Свободной высшей школы. В 1924/25 гг. лечащий врач Рудольфа Штейнера и соавтор "Основоположений для расширения врачебного искусства на основе духовнонаучных познаний" (ИПН, том 27)./

Но доктор Цейлманс указал лишь в одной области на то, что должно развиваться также и во всех областях антропософской деятельности; именно такую задачу должно поставить перед собой правление Дорнаха. В будущем настанет определенность в отношении того, как в действительности обстоят дела. Тогда не будут говорить: "Принесем людям эвритмию; если они, ничего не зная об антропософии, увидят вначале эвритмию, она им понравится. А впоследствии, узнав, что за эвритмией стоит антропософия, они примут также и ее." Другой случай: иногда говорят, что вначале надо продемонстрировать на практике действие лекарственных средств, надо показать людям, что эти средства суть настоящие лекарства, и тогда люди их купят. А затем, позднее, люди однажды узнают, что за этими лекарствами находится антропософия, и они придут также и к антропософии.

Мы должны найти в себе мужество и признать ложным такой образ действий. Только если мы почувствуем отвращение к этому образу действий, антропософия проложит себе дорогу в мире. Именно стремление к истине надо отстаивать в будущем в Дорнахе, - отстаивать без фанатизма, но на основе честной, непосредственной любви к истине. Быть может, пройдя через это, мы станем служить добру там, где в последние годы совершалось столько тяжких грехов.

Мы завершаем наши собрания, которые привели к созданию Всеобщего антропософского общества, этими серьезными, нелегко дающимися размышлениями. Но я думаю, что не следует впадать в пессимизм из-за того, что здесь происходило на Рождество. Хотя мы ежедневно проходим мимо печальных руин Гетеанума, в душе, я думаю, каждого, кто поднимается на холм, где происходят собрания, совершается то самое, о чем здесь у нас шла речь, то, что было принято дружественными сердцами и порождает такую мысль: подобно языкам духовного пламени, из возрожденного Гетеанума произойдет истинная духовная жизнь - как благословение будущего человечества; она возникнет благодаря нашему усердию, нашей самоотверженности. И чем мужественнее мы займемся антропософской деятельностью, уйдя отсюда, тем лучше, значит, мы расслышали то, что в эти дни проносилось над нашим собранием как полное надежды духовное устремление. Ибо та самая сцена, которую я вам изобразил и которую можно так часто видеть, - человек эпохи упадка, спящий перед Стражем Порога, - не имеет, собственно, никакого отношения к кругам продвинутых антропософов. Эти круги нуждаются только в таком призыве: для восприятия голоса из страны духов ты обязан развить в себе крепкое мужество, дабы опознать себя перед этим голосом, - ведь ты начал пробуждаться. Мужество сохранит тебя в бодрственном состоянии; утрата мужества сама по себе ввергнет тебя в сон.

Призыв к мужеству и, далее, к бодрствованию - вот что необходимо для антропософов в условиях современной цивилизации. Не-антропософы слышат следующее: "Оставайся за пределами страны духов, ты пренебрег идеями ради земного, ты не собрал идей, обладающих божественной ценностью и божественным достоинством. Поэтому при возвращении в физически-чувственный мир ты будешь парализован." - Но антропософским душам будет сказано: "Надо лишь испытать ваше мужество в признании того существа, чей голос вы можете воспринять благодаря определенной душевной и сердечной склонности".

Мои дорогие друзья, вчера была годовщина того самого дня, когда мы взирали на языки пламени, пожирающие старый Гетеанум. Но это пламя не смогло помешать нашей работе на протяжении прошедшего года. Поэтому уже сегодня мы надеемся на то, что физический Гетеанум станет внешним символом нашего духовного Гетеанума, - той идеи, которую мы теперь понесем в мир.

Мы заложили здесь камень основы, краеугольный камень. На этом камне будет воздвигнуто здание, - сложено из камней, которыми станут труды отдельных членов наших групп, рассеянных по миру. Если мы в духе взглянем сейчас на эти труды, то мы поймем ту ответственность, о которой говорилось сегодня. Это ответственность по отношению к современному человеку: он предстоит Стражу Порога, и ему запрещено вступать в духовный мир.

Ничего кроме глубочайшего горя и боли в связи с тем, что произошло год назад, мы, разумеется, испытывать не можем. Но вспомним и о том, что все значительное в мире родилось из страдания. Поэтому, мои дорогие друзья, пускай наше страдание преобразится и из него возникнет - через вашу работу - мощное, светоносное Антропософское общество.

Для этой цели давайте углубимся в те слова, которыми я начал и которыми хочу завершить эти рождественские собрания. Праздник Рождества должен стать для нас не просто началом года, но началом некоего всемирного поворота времен; давайте же посвятим ему нашу самоотверженную деятельность в области духа.

Menschenseele!
Du lebest in den Gliedern,
Die dich durch die Raumeswelt
In das Geistesmeereswesen tragen:
Übe **Geist-Erinnern**
In Seelentiefen,
Wo in waltendem
Weltschöpfer-Sein
Das eigne Ich
Im Gottes-Ich
Erweset;
Und du wirst wahrhaft **leben**
Im Menschen-Welten-Wesen.
Denn es waltet der Vater-Geist der Höhen
In den Weltentiefen Sein-erzeugend:
Ihr Kräfte-Geister
Lasset aus den Höhen erklingen,
Was in den Tiefen das Echo findet;
Dieses spricht:
Aus dem Göttlichen weset die Menschheit.
Das hören die Geister in Ost, West, Nord, Süd:
Menschen mögen es hören.

Душа человека!
Ты живешь в членах тела,
Что тебя через мир пространства
Несут к существу духовного моря.
Вспоминай в Духе,
В душевных глубинах,
Где в правящем
Бытии Творца мира
Собственное "Я"
Пребывает в Божественном "Я".
И ты будешь поистине *жить*
В Человеко-Миро-Существе.
Ибо Дух-Отец высот правит

В глубинах мира бытие рождая.
Серафимы, Херувимы, Троны,
Прозвучать из высот, о, дайте,
Отзовущемуся эхом в глубинах;
Оно гласит:
EX DEO NASCIMUR (ИЗ БОГА РОЖДАЕМСЯ).
Это слышат духи элементов
На Востоке, Западе, Севере, Юге:
Могут услышать и люди.

Menschenseele!
Du lebest in dem Herzens-Lungen-Schlage,
Der dich durch den Zeitenrhythmus
Ins eigne Seelenwesensfühlen leitet:
Übe **Geist-Besinnen**
Im Seelengleichgewichte,
Wo die wogenden
Welten-Werde-Taten
Das eigne Ich
Dem Welten-Ich
Vereinen;
Und du wirst wahrhaft **fühlen**
Im Menschen-Seelen-Wirken.
Denn es waltet der Christus-Wille im Umkreis
In den Weltenrhythmen Seelen-begnadend.
Ihr Lichtes-Geister
Lasset vom Osten befeuern,
Was durch den Westen sich formet;
Dieses spricht:
In dem Christus wird Leben der Tod.
Das hören die Geister in Ost, West, Nord, Süd:
Menschen mögen es hören.

Душа человека!
Ты живешь в биении сердца и легких,
Что тебя через ритм времени
Ведут к чувству собственной душевной сути.
Размышляй в Духе,
В душевном равновесии,
Где волно-деяния
Мирановления
Собственное "Я"
Соединяют с "Я" Мира.
И ты будешь поистине *чувствовать*
В Человеко-Душе-Деянии.
Ибо воля Христа вокруг правит
В мировых ритмах души одаряя.
Господства, Силы, Власти,
Вспыхнуть с Востока, о, дайте,
Формирующемуся через Запад;
Оно гласит:
IN CHRISTO MORIMUR (ВО ХРИСТЕ УМИРАЕМ).
Это слышат духи элементов
На Востоке, Западе, Севере, Юге:
Могут услышать и люди.

Menschenseele!
Du lebst im ruhenden Haupte,
Das dir aus Ewigkeitsgründen
Die Weltengedanken erschließet:

Übe **Geist-Erschauen**

In Gedanken-Ruhe,
Wo die ewigen Götterziele
Welten-Wesens-Licht
Dem eignen Ich
Zu freiem Wollen
Schenken;

Und du wirst wahrhaft **denken**
In Menschen-Geistes-Gründen.

Denn es walten des Geistes Weltgedanken
Im Weltenwesen Licht-erflehend.

Ihr Seelen-Geister
Lasset aus den Tiefen erbitten,
Was in den Höhen erhöret wird:
Dieses spricht:

In des Geistes Weltgedanken erwachet die Seele.
Das hören die Geister in Ost, West, Nord, Süd;
Menschen mögen es hören.

Душа человека!
Ты живешь в покоящейся голове,
Что тебе из основ Вечности
Раскрывает мировые мысли .

Прозревай в Духе,

В спокойствии мыслей.
Где вечные цели Богов
Свет мирового существа
Собственному "Я"

Дарят для свободной воли.

И ты будешь поистине *мыслить*
В Человеко-Духо-Основах.

Ибо мировые мысли Духа правят
В Существах Мира моля о свете.

Архαι, Архангелы, Ангелы,
Испросить из глубин,о, дайте,
То, что в высотах услышат;

Оно гласит:

PER SPIRITUM SANCTUM REVIVISCIMUS (ВО СВЯТОМ ДУХЕ ВОСКРЕСАЕМ).

Это слышат духи элементов
На Востоке, Западе, Севере, Юге:
Могут услышать и люди.

In der Zeiten Wende
Trat das Welten-Geistes-Licht
In den irdischen Wesensstrom;
Nacht-Dunkel
Hatte ausgewaltet;
Taghelles Licht
Erstrahlte in Menschenseelen;
Licht,
Das erwärmet
Die armen Hirtenherzen;
Licht,
Das erleuchtet
Die weisen Königshäupter.
Göttliches Licht,
Christus-Sonne,
Erwärme
Unsere Herzen;
Erleuchte
Unsere Häupter;
Dass gut werde,
Was wir
Aus Herzen Gründen,
Aus Häuptern führen
Wollen.

На повороте времен
Свет Мирового Духа
Вступил в поток существа Земли;
Тьма ночи
Была преодолена,
Яркий свет дня
В душах людей вспыхнул;
Свет,
Согревающий
Бедные сердца пастухов;
Свет,
Озаряющий
Мудрые главы царей.
Божественный Свет,
Христос — Солнце,
Согрей
Наши сердца;
Просвети
Наши головы;
Чтобы стало во благо,
То, что из сердец оснуя,
Из голов направляя,
Мы хотим привести к цели.*

(пер. с нем. А.А. Демидова)

/*Представляется положительно невозможным во всех нюансах перевести Медитацию Краеугольного Камня на русский. Поэтому, для знатоков приводим ее текст и по-немецки. (Прим. ред.)/

Итак, мои дорогие друзья, давайте выйдем отсюда с сердцами, исполненными тепла. В этих сердцах здесь был утвержден краеугольный камень Антропософского общества; так понесем это сердечное тепло в мир и посвятим его усердной деятельности по оздоровлению мира. Ваш ум просвещен той целью, которую ныне все вы хотите достичь; это поможет вам. Давайте примем это сегодня со всем усердием. И тогда мы увидим, что если мы будем достойны, то нами станет руководить добрая звезда. Мои дорогие друзья, последуйте за этой доброй звездой, и вы увидите, куда нас приведут боги с помощью света этой звезды.

Божественный свет,

Христос-Солнце,

Согрей

Наши сердца;

Просвети

Наши головы!